

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 62. № 1/2019

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science (ESCI)** компании Clarivate Analytics.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США);
Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Даллмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршин В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, прездидент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тутьчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., председатель Координационного совета Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Редактор международного отдела **Чикин А.А.**

Ответственный редактор **Комиссарова Л.Б.**

Ответственный секретарь **Пружинина А.А.**

Верстка: **Топилина В.М.**

E-mail: academyRH@list.ru

http://www.phisci.ru

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPhS

RUSSIAN JOURNAL OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

Vol. 62. No. 1/2019

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Clarivate Analytics' **Web of Science (ESCI)**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.B.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, Ph.D.; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, Ph.D.; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Chairperson of the Coordination Council at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor **Durkin R.A.**

International Department's Editor **Chikin A.A.**

Responsible Editor **Komissarova L.B.**

Executive Secretary **Pruzhinina A.A.**

Page Layout: **Topilina V.M.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

БУДУЩЕЕ РОССИИ. СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Глобализация и национальное самосознание ■

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Формирование национальной идентичности – ответ Российского государства на вызовы современности	7
<i>В.Н. ШЕВЧЕНКО</i>	Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории	29

Глобализация и центры мирового влияния ■

<i>В.И. СПИРИДОНОВА</i>	Американский гегемонизм как современный «центр силы»	48

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философская мысль: рецепция и интерпретация ■

<i>Б.И. ЛИПСКИЙ (Санкт-Петербург)</i>	Акт воли как предельное основание классической рациональности	67

Перспективы нейронауки. Психологические и естественнонаучные основания ■

<i>М.А. СУЩИН</i>	Психология и нейронаука: проблемы интеграции	89

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Зарубежная философия. Исторический экскурс ■

<i>В.В. СЕЛИВЕРСТОВ</i>	Понятие «Sachverhalt»: «положение вещей» в австрийской философии XIX века	106

«Революция» и «Общество» в русской философии ■

<i>А.Н. МУРАВЬЕВ (Санкт-Петербург)</i>	Революция – сила хранительная: Михаил Лифшиц и Андрей Платонов	121

V.A. KUPRIYANOV (<i>Saint Petersburg</i>)	The Russian Revolution and the Russian Intelligentsia in G.G. Shpet's <i>An Outline of the Development of Russian Philosophy</i>	139
(В.А. КУПРИЯНОВ (<i>Санкт-Петербург</i>))	Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета)	

Memoria

Памяти академика Вячеслава Семеновича Степина

Е.В. БАБОСОВ (<i>Беларусь</i>)	Вячеслав Семенович Степин – дорогой, неизменный, истинный и знаменитейший друг	152
А.Н. ДАНИЛОВ (<i>Беларусь</i>)	Он не мог жить вопреки...	155
А.И. ЗЕЛЕНКОВ (<i>Беларусь</i>)	Степинская Минская методологическая школа	158
	■	
	Contents	160

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<http://www.phisci.ru/publish-terms>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 - 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.12.2018 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info

БУДУЩЕЕ РОССИИ. СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Глобализация и национальное самосознание

Формирование национальной идентичности – ответ российского государства на вызовы современности Часть I

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-7-28

Редакторская статья

Аннотация

В предлагаемой статье делается попытка поиска ответов на основной вопрос о противостоянии современных национальных государств глобализационным процессам, неуклонно и методично нивелирующим характерный для отдельных социальных общностей культурно-исторический опыт, обнаруживающий себя в языке, обычаях и традициях, религии, искусстве, повседневном быту. Где должна пролегать граница неизбежного соприкосновения собственного, локального, особенного – национального и общемирового – глобального? Как объединить, на первый взгляд, несовместимые социокультурные практики: с одной стороны, свои – традиционные, укоренившиеся на уровне коллективного бессознательного, а, с другой стороны, социокультурные практики привнесенные, чуждые, зачастую навязанные? Каким образом они должны сочетаться, чтобы не приводить к социальным конфликтам, а дополнять друг друга, создавая при этом возможности для более разностороннего и гармоничного развития общества в целом, и тем самым определять современный образ жизни населения, что позволит стране более успешно и бесконфликтно интегрироваться в общемировое культурно-цивилизационное пространство, заняв свое достойное место? Каким образом должны быть выстроены ответственные национальные стратегии экономического и социокультурного развития российского государства? Рассуждения в статье приводят к мысли, что в сложившемся – в условиях динамично развивающихся глобализационных процессов – противостоянии между различными культурно-цивилизационными моделями развития, единственным способом сохранения своей государственности, реальной независимости (не иллюзорной, заявленной только на словах, как происходит до настоящего времени во многих странах мира), и без преувеличе-

ния скажем – выживания, является укрепление и дальнейшее развитие России именно как суверенного национального государства. В условиях множащихся вызовов современности основным принципом и практически действенным механизмом укрепления государственности служит опора на собственную национальную идентичность. В этом и должна заключаться национальная идея современной России, ее официальная государственная идеология.

Ключевые слова: современное суверенное национальное государство, глобализационные процессы, периферия, традиции, социокультурный опыт, вестернизация, мир-система, неолиберализм, солидарность, комплементарность, глобальный этос.

Цитирование: Мариносян Х.Э. (2019) Формирование национальной идентичности – ответ российского государства на вызовы современности. Часть I // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 7–28.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-7-28

The Formation of National Identity as an Answer of the Russian State to the Challenges of Our Time Part I

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-7-28

Editorial article

Abstract

In the article, I seek the answer to the main question of the confrontation of contemporary nation-states with globalization processes, which gradually and systematically neutralize specific cultural and historical experience, embodied in language, customs, traditions, religion, art, and everyday life of the various societies. Where should lie the inevitable contact line between the national (one's own, local, particular) and the global? How to reconcile the cultural practices that seems to be incompatible: on the one hand, one's own, traditional, rooted in archetypes practices and, on the other hand, borrowed, alien, often imposed practices? What kind of the combination of these two practices will allow the country to be integrated on the fair principles into the global cultural and civilizational space and will form the modern way of life of the population? How should the domestic national strategies for the economic and socio-cultural development of the Russian state be built? The reasoning in the article leads to the idea that in the confrontation between different cultural and civilizational groups, which developed under the conditions of dynamically developing globalization processes, the only way to preserve a national statehood is the real independence (not illusory, stated only in words, as happens so far in many countries) and strengthening and

further development of Russia precisely as a sovereign national state. In the face of the increasing challenges of our time, the basic principle of a practically effective mechanism for strengthening statehood is the reliance on one's own national identity. This should be the national idea of modern Russia, its official state ideology.

Keywords: contemporary sovereign nation-state, globalization processes, periphery, traditions, cultural experience, Westernization, world-system, neoliberalism, solidarity, complementarity, global ethos.

Citation: Marinosyan Kh.E. (2019) The Formation of National Identity as an Answer of the Russian State to the Challenges of Our Time. Part I. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 7–28.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-7-28

Народ, порабащающий другой народ,
кует свои собственные цепи.

К. Маркс

Введение

Едва мы начинаем сколько-нибудь основательный разговор о государственности, государственном суверенитете, национальном государстве вообще, а в данном случае и о российской государственности и России как о суверенном национальном государстве, возникает необходимость в одном, но важнейшем уточнении. Что же на самом деле означает быть национальным государством, какими характеристиками должно обладать то или иное государство (Россия в том числе), чтобы его можно было «смело» назвать таковым? Закономерно возникает и связанный с этим другой вопрос: а может ли существовать суверенное национальное государство без национальной идеи, без государственной идеологии? И, наконец, логично напрашивается третий вопрос: а что же все-таки означает «национальная идея»? В чем ее отличие от националистических призывов, замаскированных (а нередко вовсе и нескрываемых) «патриотическими» (правильнее будет их все же называть — лжепатриотическими) лозунгами, вредными, в первую очередь, именно для своей родины, в данном случае для нашей России?

Безусловно, когда мы говорим о таких явлениях, а точнее — проявлениях человеческой природы, — как патриотизм, самоотверженность, моральная ответственность за соотечественников, любовь

к родине, преданность традициям, превалируют характеристики духовно-нравственного порядка, но все же следует прибегнуть и к категориям вполне рационалистическим: чувство долга перед страной, национальное самосознание, безопасность государственного суверенитета. Почему мы их выделяем из числа духовно-нравственных характеристик? В наших предыдущих статьях мы неоднократно отмечали, что понятие нация (и соответственно, национальность, национальная принадлежность) – это политически сконструированная историческая общность. Ее формирование происходит в той или иной степени искусственно (конечно, опираясь на традиции, исторический опыт совместного проживания этносов, народов, различных социальных общностей на данной территории) для достижения определенных целей в государственном строительстве (как правило, при строительстве нового государства). Т.е. процесс этот вполне сознательный, осознанный, заведомо продуманный, запланированный и методично реализуемый. Другое дело, что не всегда осуществление замысла происходит по заранее утвержденному плану. Возникают непредвиденные обстоятельства, неучтенные или плохо просчитанные факторы, политические противники, как внутренние, так и внешние силы, препятствующие последовательному строительству конструкции под названием «новое государство». А раз этот процесс изначально предусмотрен как некий единый путь общенационального развития – общей для всех перспективы, осознанно планируется и осознанно реализуется, то, следовательно, правильное будет называть его «национальным осознанием» того, «кто мы», «откуда пришли», «куда идем», «какую итоговую цель преследуем». Проявление национального сознания, к чему постоянно призывают, не предполагает простого поведения и простых ответов на важные для каждого человека вопросы. На вопрос «кто ты по национальности?» не может быть примитивного ответа: «француз», «испанец», «американец», «китаец» и так – по всем известным национальностям. Поскольку разве только биологическая наука, генетика (и то – сомнительно) может однозначно идентифицировать – сколько в современном французе древнего римлянина или германца, в американце ирландца, шотландца, алеута или гавайца. Естественно, не составляют исключения и другие современные нации. Безусловно, то же самое можно сказать в отношении нашей страны – России. Да, у нас имеются обособленные субъекты федерации, образованные по этнонациональному принципу. Это

национальные республики – национально-территориальные формирования с исторически сложившимися обычаями, традициями, с коренным населением со своим родным языком и самобытной культурой. Ко всем к ним мы, безусловно, относимся не просто с несомненным уважением, а с братской и благодатной любовью. Конечно же, это – наше богатство, радость, гордость и общенациональное достояние! Но, при всем этом, все же, в государственном масштабе, на просторах великой России мы все вместе – единая нация, Россияне! И в этом сплочении – особая наша сила! Без глубокого понимания, осознания и признания этого нельзя говорить о российской национальной идентичности. Как нельзя говорить и о национальной идее, призванной скрепить всех нас в дальнейшем строительстве и развитии российской государственности. Какое может быть поступательное движение (здесь уместнее будет сказать – продвижение) к чему-то без глубокого понимания к какой конкретной цели оно направленно и во имя реализации какой общепризнанной и, в то же время, близкой для каждого человека идеи оно осуществляется? И, конечно же, без сплоченности, осознания себя единой общностью, социумом, нацией ради достижения этой идеи.

Духовно-нравственная ситуация в российском общественном сознании многих последних лет по-прежнему связана с рассмотрением широкого круга взаимосвязанных проблем, остающихся предметом острых идейно-политических дискуссий – национальная идея, идентичность, национальное сознание, суверенное государство, цивилизационный выбор России.

Противостояние идентичностей: национальная vs глобальная

Десять лет назад в одной из программных статей «Национальное самосознание в эпоху глобализации» (Философские науки. 2008. № 7) журнал обратил особое внимание на то, что дальнейшее социальное и культурное развитие и, соответственно, политическое переформатирование современной цивилизации происходит в контексте противостояния надкультурной идентичности этнокультурным и гражданским идентичностям. Т.е. тем идентичностям, которые имеют непосредственную связь и взаимозависимость с принципами формирования национального государства. Была подчеркнута чрезвычайная актуальность рассмотрения национального самосознания, точнее говоря, ста-

новления государственно-национального самосознания, самоосознания и самоидентификации как важных функций защитного и адаптивного характера в процессе государственного строительства в масштабе всего российского общества. В особенности они становятся актуальными в эпоху современной глобализации, в условиях возникновения все новых и разнообразных вызовов.

Не опасаясь преувеличения, можно утверждать, что **государственный национализм**, отражающий устремления всего населения государства в своей целостности, т.е. **нации** (не в этнокультурном, а социально-гражданском, государственно-политическом смысле этого понятия), является воплощением наиболее эффективной формы защиты и дальнейшего укрепления собственного государственного суверенитета. Вместе с тем, государственный национализм как историко-политическое явление нельзя сводить только к его идеологической или общественно-политической, а тем более – этнонациональной составляющей. Государственный национализм представляет собой абсолютно не изживший себя, действенный конструкт современного мироустройства, способный обеспечить функционирование принципов демократии, справедливости и равенства в наиболее полной форме и для максимально широких слоев общества. Чем и объясняется его универсальный характер и распространенность в современном мире.

Что касается перспектив дальнейшего становления России как особой локальной цивилизации, то они в значительной степени по-прежнему зависят от решения спора «западников» и «славянофилов», от достижения общенационального согласия, которое в России, к сожалению, отсутствует не только в массовом сознании, но и в политической элите. Конструкция российского общества в целом как общества пока еще не с окончательно устоявшейся общегосударственной национальной идентичностью остается в достаточной степени уязвимой, чтобы выдержать современное и тем более ожидаемое в ближайшей перспективе идейно-политическое и культурно-цивилизационное противостояние ввиду активизации процессов, усугубляющих и без того стремительную глобализацию всего мирового пространства. Самое печальное, что вызывает, конечно, особую тревогу – это одно немаловажное обстоятельство, которое следует рассмотреть подробно. Несмотря на все имеющиеся возможности – наличие академических и отраслевых научно-исследовательских институ-

тов и научных центров, университетских кафедр и лабораторий, политических партий и общественных объединений – российская культура встречает это столкновение теоретически почти совершенно невооруженной, без единой, четкой, научно обоснованной позиции. Конечно, предпринимаются определенные усилия для того, чтобы дать аргументированные объяснения происходящим мировым процессам, в том числе процессу глобализации как явлению, имеющему, безусловно, и объективные основания и позитивные последствия, но в первую очередь преследующему международные политические цели; дать ответы на многочисленные вызовы современности, которые продолжают множиться все более ускоренными темпами. К числу этих вызовов можно отнести известные социокультурные последствия научно-технологического прогресса, о которых мы неоднократно говорили в предыдущих номерах журнала «Философские науки» (например, № 7/2008, № 1/2011, № 12/2015, № 10/2016), а также неконтролируемое потребление природных ресурсов и вызванное этим резкое ухудшение экологической обстановки на планете, уже ставший перманентным мировой финансово-экономический кризис, который правильнее было бы назвать системным кризисом, и как ожидаемый результат – политическую нестабильность во многих странах мира, даже в таких, которых до недавнего прошлого можно было отнести к образцам государств всеобщего благоденствия (welfare state) и т.д.

Наряду с перечисленными причинами, усугубляющими и без того сложную и драматичную картину современного мироустройства, следует обратить особое внимание и на нашу собственную теоретическую и методологическую неопределенность. Она выражается, в первую очередь в том, что до настоящего времени наши интеллектуалы (в особенности гуманитарии) не смогли сформулировать вразумительную программу решительных действий, которые могли бы на практике кардинально изменить ситуацию в нашей стране и в мире.

Хорошо известно, что во всем мире за последние годы многие аспекты глобализационных процессов и вызванные ими разного рода положительные (по крайней мере, на первый взгляд) и негативные последствия во всех сферах жизнедеятельности весьма детально изучались [Benyon, Dunkerley 2000; O'Meara et al. 2000; Stiglitz 2003; Lechner, Boli 2015; Turner, Holton 2015; Deese 2017]. Было издано колоссальное количество научной,

научно-просветительской, учебной, справочной, художественной литературы, и в настоящее время продолжают проводиться многочисленные исследования в таких областях, как глобализация, нации и национальные отношения, национализм и национальное государство, национальное сознание и самосознание, национальная идентичность. Но до сих пор можно со всей ответственностью сказать не существует ни общепризнанной теории глобализации, ни четкого научного определения нации и народа. Нет единого мнения и в отношении национальной идентичности, национального сознания и истинных интересов суверенного национального государства. Хотя отдельных определений и разрозненных, не сводимых к единому знаменателю, выводов и предложений имеется более чем достаточно. Вместе с тем в мировом научном сообществе преобладает мнение, что динамично прогрессирующий процесс глобализации человечества в первую очередь представляет угрозу для сохранения именно наций и национальных государств, которые олицетворяют собой наиболее распространенные и универсальные форматы политического, политико-правового, социально-политического и социокультурного общежития большинства людей в современном мире [см.: Мариносян 2006].

Как справедливо считают многие не только российские, но и зарубежные ученые и общественные деятели, современный мир стремительно меняется под воздействием транснациональной олигархической, банковско-финансовой, экономической, политико-правовой, социально-гуманитарной и общекультуральной глобализации [Robinson 2005]. В настоящее время продолжается дальнейшая интенсификация процессов формирования трансграничных международных рынков, свободного перемещения экономического, политического, виртуально-символического, финансового капиталов, лавинообразного и неконтролируемого возрастания информационных потоков, массовой незаконной миграции, увеличения объемов туризма, образования транснациональных, интернациональных и наднациональных финансовых корпораций, в первую очередь виртуальных, – все это в совокупности вызывает собой стремительное истощение природных ресурсов и ухудшение экологической обстановки. Но самое тревожное заключается в том, что наряду с этими процессами незаметно, шаг за шагом подвергается эрозии также сама основа образующих их народов – **национальное самосознание современных наций**, без которого определение «суверенное национальное государство»

невозможно в принципе. Национальное самосознание является результатом длительных исторических преобразований и формируется на основе всей совокупности идентичностей каждого члена общества. Идентичность же каждого члена общества – отдельного человека как личности – в свою очередь формируется в итоге непрерывно происходящих преобразований в обществе, благодаря возникновению новых общих представлений о бытии, общностей идейно-политических убеждений, сложных духовно-нравственных межличностных связей, новых традиций – нового образа жизни. Так складывалось исторически, так продолжает происходить формирование идентичности и в настоящее время. Поэтому в условиях многосложных трансформаций в современном мироустройстве и явном устремлении основных субъектов мировой политики к установлению нового мирового порядка для всех стало очевидным, что **наше поколение действительно является свидетелем мирового (глобального) кризиса национальных идентичностей, в основание которых, в первую очередь, заложены исторически сформировавшиеся ценности, в том числе религиозные, – обряды, обычаи, праздники и различные передаваемые из поколения в поколение традиции.**

Проблемы традиционные – осмысление современное

Особенностью современных глобализационных процессов является то, что они непосредственно вторгаются в сферу интересов национальных государств без особого приглашения со стороны последних, а определенные, прежде всего именно экономические, преимущества для небольшой группы высокоразвитых стран – «экспортеров» глобализации – в отношении многих других – «импортеров» глобализации – неизбежно оборачиваются значительными потерями. Вместе с тем, и в экономически развитых странах увеличивается беспокойство инокультурными мигрантами, в которых даже в США видят опасность для собственной «национальной идентичности» [Хантингтон 2004]. О чем свидетельствует и политика 45-го президента Дональда Трампа по национальному вопросу, в частности его решение о строительстве стены с целью предотвращения нелегального перемещения через границу с Мексикой.

Особенностью современности стала и сложившаяся противоречивая ситуация, суть которой заключается в том, что с одной стороны, человечество, казалось бы, становится все более взаимосвязанным, однако на самом деле оно не только продолжает

проявлять обособленность по многим основным параметрам бытия, но и демонстрирует свою неготовность и очевидное нежелание к глобализации на основе современной модели.

Хотелось бы отметить, что порождаемые современной глобализацией угрозы социокультурному и внутривнутриполитическому единству состоявшихся наций-государств в большей степени представляют опасность именно для многоэтнических и многоконфессиональных стран с многообразной культурной составляющей, с исторически определенными территориями относительно компактного проживания различных этносов и народностей. Возникает естественный вопрос: а сможет ли большинство населения так называемых суверенных национальных государств противостоять настойчивому давлению глобализации современной [см: Yeates 2002, 83], имеющей ярко выраженные черты американско-европейской культурно-цивилизационной принадлежности, или глобализационным процессам, ожидаемым в ближайшей перспективе, когда, возможно, доминировать будут ценности иной культурно-цивилизационной принадлежности, и сохранить при этом собственную национальную идентичность? Или все возможности упущены и никаких шансов ни у кого нет? Может быть, человечеству следует смириться с вызовами времени, принять их как данность? А перспективы развития человечества неизбежно связаны с новыми форматами социокультурных и гражданско-политических идентичностей другого, более высокого, макрорегионального, а в итоге – глобально-мирового порядка?

В таких противоречивых условиях – с одной стороны, разновекторной социокультурной интервенции, с другой стороны, идентификационной неопределенности и национальной разобщенности – вероятность противостояния глобализации и связанным с ней другим вызовам современности остается ничтожно малой.

Примерно в таких формулировках описал наиболее актуальные проблемы современности журнал «Философские науки» еще десять лет тому назад. Некоторые важные их аспекты в дальнейшем стали предметом широкого обсуждения на страницах нашего журнала. Среди тех авторов, статьи которых вызвали интерес у читателей, следует назвать, в первую очередь, В.С. Степина, В.Н. Шевченко, Д.И. Дубровского, В.Е. Лепского, О.Н. Смолина, Г.Л. Тульчинского, Я.С. Турбовского, Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, А.Е. Разумова, В.И. Пржиленского, И.Н. Сиземской, И.А. Гобозова, В.И. Спиридоновой, Т.Э. Мариносяна, А.Ю. Сунгурова.

В связи с дальнейшим развитием процессов глобализации и осложнением социально-экономического и политического положения в странах, продолжающих испытывать на себе негативные последствия этих процессов, системно воздействующих на все без исключения сферы жизнедеятельности, мы полагаем важным продолжить обсуждение обозначенного выше круга проблем.

Среди всех теоретических и практических проблем, которые сегодня стремительно выходят на первый план, можно выделить наиболее значимые для нашей страны.

Первая – это все более усиливающаяся взаимозависимость внешних и внутренних факторов, оказывающих воздействие прежде всего на формы организации государственной власти и управления, а далее, как следствие, на выбор стратегии развития страны и, соответственно, модернизации всех без исключения сфер общественного бытия. Давно стало очевидным, что одностороннее рассмотрение эндогенных или, наоборот, экзогенных факторов оказывается недостаточным для правильного понимания взлетов и падений государства в российской истории. С наступлением очередного этапа глобализации мир стал все более стремительно раскалываться на новые региональные, межрегиональные и макрорегиональные политические, экономические, банковско-финансовые и другого рода объединения. В то же время, он становится все более нестабильным, непредсказуемым, хаотичным и вместе с тем хрупким и уязвимым к различным напастям. Как результат, получили широкое распространение самые разнообразные информационные, сетевые, психологические, торговые, санкционные, одним словом, гибридные войны (см. обзор литературы по этой теме: [Johnson 2018]). Идет целенаправленное разрушение международного правового порядка, по-прежнему терроризм, проявляющий себя во все более изощренных формах, держит весь мир в напряжении. Давно ни у кого не вызывает сомнения, что основные мировые проблемы имеют в основном искусственный, рукотворный характер. Уже прочно вошел в научный, политологический оборот термин «управляемый хаос». Изначально внушаемая простым людям в процессе обычной пропагандистской кампании русофобия, сейчас принята на вооружение евро-атлантическими странами практически в качестве официальной доктрины. В связи со сложившейся ситуацией, Россия действительно оказалась в определенной международной политической и экономической изоляции. Отечественным пред-

принимателям приходится работать в несвойственных бизнесу условиях, применять в соответствии с конкретно сложившейся ситуацией импровизированные и замысловатые механизмы и схемы, во многом на основе личных связей, в обход санкций и ограничений, перечень которых регулярно пополняется. Все это, естественно, препятствует развитию международного сотрудничества, а также резко осложняет ведение бизнеса на территории самой России. В не менее трудных условиях оказались и наши дипломатические учреждения, руководство страны. Им приходится решать все новые и все более трудные задачи не только в сфере межправительственных связей, но и сфере международных отношений в широком диапазоне экономических, научных, культурных, общественных связей для поддержки соответствующих российских коммерческих, негосударственных организаций, которые работают как за рубежом, так и в регионах Российской Федерации.

Если на время абстрагироваться, на первый взгляд, от чисто экономических, политических и социокультурных противоречий с интегральным Западом и, соответственно, от их агрессивного поведения в отношении России и задуматься над тем, почему же на самом деле происходит нагнетание политической и неизбежно вытекающей из нее военной напряженности, то становится ясным одно самое важное обстоятельство. Основной, если не единственной, причиной всему этому является упорное сопротивление России, препятствующей превращению ее в сырьевой придаток евро-атлантической цивилизации, которая исторически привыкла к поглощению природных и человеческих ресурсов колониальных, да и постколониальных, стран в ущерб жизненным интересам местного населения. Территория России, богатая природными ресурсами, в особенности водными (пресной питьевой воды), давно является заманчивым для многих (не только соседних) стран и привлекательным (дополнительно ко всему) объектом еще и ввиду огромных пространств, практически не заселенных или слабо заселенных, по сути, не обжитых и, следовательно, с прекрасно сохранившейся экологической обстановкой. Что естественно является большой редкостью на Земле, тем более на промышленно развитой части планеты. Особенно привлекательными являются запасы горных ледников, рек и озер с питьевой водой. Между тем, проблемы с питьевой водой на Земле могут, действительно, стать причиной и многих региональных конфликтов.

Капитализм достиг своих исторических пределов роста.

Что дальше?

Вместе с тем, если более основательно исследовать состояние мировой экономики, то можно прийти к следующему очевидному выводу. По нашему мнению, основной причиной оголтелой травли России и беспрецедентных поползновений на ее суверенитет является то, что капиталистический способ производства в своем интенсивном принципе экономического развития подошел к конечной стадии насыщения и остро нуждается в установлении нового мирового порядка, в переделе источников природных ресурсов и создании новых рынков сбыта. Мир уже подошел к черте, при которой обнажились пределы роста [Smith 2010; Victor 2010; Streeck 2014]. Поэтому в ближайшей перспективе все более стремительно будет возрастать ценность перенаселенных стран, обладающих большими территориями с богатыми недрами, водными ресурсами, фауной, флорой. Среди немногих из них — Аргентины, Канады, Австралии — Россия занимает первое место. Но однозначно сказать, что будущее за теми государствами, у кого есть природные ресурсы, было бы опрометчиво. Это всего лишь означает, что их территории, как и современной России, уже стали притягательной для многих государств. Конечно, Россия представляет собой огромное по масштабам и уникальное своими природными ресурсами суверенное государство. Однако, к сожалению, доля освоенных территорий у нас крайне мала. Поэтому и пытаются некоторые страны для обеспечения своего благополучного будущего к установлению такого нового мирового порядка, при котором не должно быть великой России, а должна быть Россия-донор, т.е. должна остаться только территория России в качестве сырьевого придатка.

На современном этапе своего развития это для них жизненно необходимо. И в этом смысле Россия со своей огромной территорией и богатыми ресурсами в реальности может стать спасательным кругом и для американо-европейской, и для всей мировой капиталистической системы — хотя бы на определенное время. Именно для этого по большому счету и стал нужен новый мировой порядок, т.е. передел «послевоенного порядка», установившего и до сих пор с грехом пополам сохраняющего правила поведения на планете, определенные в конце Второй мировой войны странами-победителями и признанные всеми остальными странами.

При всем этом следует отметить, что многие мощные экономические, банковско-финансовые механизмы, международное

право и новые межгосударственные и надгосударственные политические организации, созданные после Второй мировой войны, несмотря на их высокую эффективность, проявленную в течение определенного исторического отрезка, постепенно начали терять свою действенность и привлекательность. Они уже не в полной мере стали отвечать возросшим запросам новых социально-экономических реалий динамично меняющегося мира. Возродившая свое могущество Европа, непоколебимый в своей самостоятельности и, во многом, объективной самодостаточности Советский Союз, «японское послевоенное чудо», стремительно набирающие мощь «азиатские тигры» – все это со временем заставило пересмотреть основные положения кейнсианской централизации (модели макроэкономического равновесия, согласно теории Дж.М. Кейнса), такие принципы и правила мировой финансово-экономической системы, как «золотой стандарт», «золотовалютный курс», монетаристский курс советника Рональда Рейгана М. Фридмана и советника Маргарет Тэтчер Ф.А. фон Хайека, постулаты Бреттон-Вудского соглашения как системы финансового контроля, реализуемой Всемирным банком и Международным валютным фондом. Пришлось постепенно переходить к системе плавающих курсов, дерегулированию валютной сферы, увеличению мобильности и интернационализации финансового спекулятивного капитала. Стало очевидным, что большинство, как до недавнего времени казалось, международных структур, призванных обеспечивать глобальную устойчивость, нуждается в существенных изменениях, а то и вовсе замене. Постепенно назревала необходимость реформирования мирового финансово-экономического и политического порядка.

И к настоящему времени осуществление финансово-банковской, экономической политики согласно правилам Вашингтонского консенсуса уже невозможно – они изжили себя в своей основе и не могут эффективно применяться в условиях современных реалий международных отношений и распределения мировых природных и трудовых ресурсов. Так, например, один из наиболее известных специалистов по глобальной экономике лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц называл мировой финансово-экономический порядок, сформированный на основе Вашингтонского консенсуса, причиной финансового кризиса, разразившегося в Юго-Восточной Азии 1997–1998 гг. [Stiglitz 2003; Stiglitz 2008]. Известный экономист, политик-социалист, профессор Парижского института политических исследований и Высшей школы коммерческих исследо-

ваний Доминик Стросс-Кан (с 28 сентября 2007 г. по 18 мая 2011 г. являлся директором-распорядителем Международного валютного фонда), обсуждая вопрос о международных резервах, 14 февраля 2011 г. очередной раз и с еще большей убедительностью призвал обратить внимание на то обстоятельство, что утвердившаяся со времен принятия «Вашингтонского консенсуса» доминирующая роль национальной валюты США не способствует улучшению финансово-экономического положения в мире, а в апреле 2011 г. в своем выступлении он с еще большей убедительностью заявил, что «Вашингтонский консенсус с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики 2008 года и остался позади» и что причиной мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. было именно следование принципам «Вашингтонского консенсуса».

Продолжая эту мысль, имеет смысл отметить, что среди зарубежных политически не ангажированных специалистов, объективно исследующих внутригосударственные и общемировые социально-экономические процессы, также имеется четкое понимание того, что либеральная экономическая политика, которая начала осуществляться после Второй мировой войны в контексте Вашингтонского консенсуса, со временем переродилась во многом в свою противоположность — в неолиберальную, которая вовсе не является продолжением либеральной политики в экономике и тем более ее более усовершенствованной версией.

Если говорить с позиции интересов не только экономик отдельных национальных государств, но и современной мировой экономики целом, то главная проблема заключается в том, что основная власть для принятия важнейших как экономических, так и политических решений оказалась сосредоточенной в руках крупных транснациональных корпораций и финансовых монополий. Именно в такой концентрации и монополизации политических, финансово-экономических, административных и социальных ресурсов и заключается принципиальное отличие неолиберальных принципов от либеральных в действительности, а не в декларациях.

В этом и проявляется истинная сущность неолиберальной идеологии, пропагандирующая в своей теории сведение всего многообразия социальных взаимосвязей и взаимодействий между различными институтами внутри социума к системе товарно-денежных рыночных отношений.

В результате транснациональные корпорации в настоящее время приобрели такое могущество, что диктуют правительствам национальных государств выгодную для себя политику не только в сфере экономических интересов, но и внешней и внутренней политики этих государств, в том числе в сфере международных отношений, образования, просвещения, культурной жизни, естественно, при этом не задумываясь, что сокрушают не только их экономический суверенитет государств, но и подрывают основы культурно-национальной идентичности их населения [Chomsky 1999; Kotz 2002; Duggan 2012].

Вместе с тем, ввиду ограниченности возможностей дальнейшего своего собственного развития в рамках общепризнанного мирового порядка и исчерпания возможностей интенсивного капиталистического хозяйствования, о которых говорилось несколько выше, некоторые страны все более настойчиво начали проявлять свою решительность в выражении имперских претензий, видя в них решение назревших проблем. В результате чего стремление к возрождению империи сегодня стала исключительно актуальной мировой проблемой. Наблюдающаяся тенденция к возвращению империи как нового мирового порядка на международную арену сегодня активно обсуждается в соответствующих государственных органах, партийно-политических структурах, научных учреждениях и широко на всех уровнях общественного сознания. Касается это в первую очередь поведения США, которая как империя явила новую форму правления – олигархически-демократическую форму республики, которую часто называют «легкой» империей, поскольку якобы она не стремится к завоеванию территорий, а только к культурно-идеологическому доминированию. Однако у нас нет оснований сомневаться, что при первом же удобном случае США не откажутся от насильственного присвоения чужих ресурсов, завоевания территорий других стран и дальнейшего распространения собственных национальных интересов по всему миру – что мы называем «американизацией», чем и, собственно говоря, характеризуется современная глобализация. И, собственно говоря, вся политика «мягкой» культурной интервенции только и служит этой итоговой цели. Термин «империя» широко используется и при характеристике объединенной Европы (как мягкой или неимперской империи), Китая, ряда других государств-цивилизаций. На новом этапе глобализации изучение проблемы «империи»

в обязательном порядке должно оказаться в центре внимания всех социально-гуманитарных дисциплин, в особенности, когда речь идет о современном национальном государстве, о национальном суверенитете и новом мировом порядке. Следует отметить, что проблема «империя vs национальное государство», «империя и будущее суверенных государств» — это вовсе не узкоотраслевая научная проблема. Это проблема в первую очередь мировоззренческая и философско-политическая. Кроме всего прочего, особенность сложившейся ситуации заключается в том, что сегодня во всех странах идет напряженный поиск такой оптимальной формы организации экономики, политической власти и государственного устройства, которая смогла бы обеспечить прорывное, ускоренное развитие страны, направленное на уменьшение и в дальнейшем на преодоление зависимости от высокоразвитых государств капиталистической мир-системы. Естественно, они оказывают противодействие этим процессам всякими доступными способами: расширением финансово-экономических санкций, навязыванием гонки вооружения, развязыванием информационных войн, распространением ложных сведений, дискредитирующих Россию, призывами к международной изоляции России.

Естественно, что ни мировому финансовому капиталу, ни какому-либо отдельно взятому государству (кроме близких по геополитическим интересам и стратегическому партнерству) не нужна сильная Россия как потенциальный противник на случай конфликтов и конкурент на международных экономических рынках в мирное время. Поэтому воплощение в жизнь рекомендаций Международного валютного фонда (ужесточение кредитно-финансовой политики, повышение налогов и акцизов, цен на энергоносители для населения, изъятие наличности из обращения, в реальности, а не на словах, ужесточение условий для ведения мелкого и среднего предпринимательства и т.д.) — как генерального проводника и эффективного механизма для реализации политики мировой финансово-экономической олигархии — означает, по сути дела, осуществление неолиберальной политики в современной России. К этим рекомендациям следовало бы отнестись с большой осторожностью и настороженностью не только при реализации экономической политики.

Даже такого поверхностного ознакомления с современной международной экономической и политической обстановкой достаточно, чтобы можно было прийти к выводу, что **в мире назревает**

череда новых масштабных как региональных политических и социальных, так и геополитических преобразований.

По всему видно, что человечество уже вступило в эпоху формирования новых моделей глобализации на базе национально-государственных концепций модернизации.

Перманентно возникающие финансово-экономические кризисы подтверждают, что устойчивое развитие всех государств в условиях глобализации по современной модели практически не осуществимо. И это неудивительно, поскольку авторами-родоначальниками существующей ныне модели глобализации и активными ее проводниками (читай – инициаторами распространения собственных интересов) выступали непосредственно правительства Соединенных Штатов и Великобритании, которые тем самым хотели обеспечить распространения влияния своих транснациональных корпораций и транснациональных банков (т.е. ТНК и ТНБ, зарегистрированных в США и Великобритании, и, следовательно, платящих налоги в бюджет этих стран), промышленных, финансовых, банковско-кредитных, торговых, сельскохозяйственных компаний, фондов, бирж и др. организаций на экономики других государств (естественно, без учета интересов самих этих государств). Ведь до сих пор – лидирующие в мире финансовые центры сосредоточены в Лондоне и Нью-Йорке, крупнейшие транснациональные корпорации, обладающие помимо колоссального экономического потенциала, несомненным политическим влиянием, – это корпорации, зарегистрированные в США, топ-менеджеры транснациональных корпораций проходят подготовку в учебных центрах США, а головная структура виртуальной экономики, которая определяет ее итоговую эффективность, располагается также именно в США [Многоликая глобализация 2004, 370]. И, как должно следовать из такого распорядка, распространяемая в соответствии с неолиберальными принципами **глобализация последнего периода, начиная с середины XX в. до начала XXI в., оказалась для Соединенных Штатов способом собственного национального развития и распространением национальных интересов государства США в мировом глобальном пространстве.** Вместе с тем, вся многомерная совокупность процессов, происходящих по отношению к национальным государствам как объектам глобализации и с участием самих национальных государств как субъектов глобализации в специфических условиях современности, нуждается в системных исследованиях и глубоком философском осмыслении. В связи с этим В. Наварро верно отмечает, что термин «глобализация» в настоящее время употребляется для обозначения большого комплекса взаимосвязанных явлений – глобализации

производства и торговли, промышленных и портфельных инвестиций, банковско-финансового капитала [Наварро 1998, 658]. Мы бы здесь от себя добавили также и процессы, происходящие в социально-культурной сфере, в сфере интеллектуального творчества. Давно стало очевидным, что в результате глобализационных процессов под давлением оказываются не только экономическая и политическая сферы национального государства, но и неизбежно начинают происходить существенные изменения в социокультурной составляющей любого сообщества. Подвергаются сильному воздействию, а в итоге — разрушению базовые духовно-нравственные ценности общества, являющиеся связующими звеньями как между различными этническими и религиозными идентичностями в пределах отдельных регионов поликультурного государства, так и внутри интегральной гражданской нации в целом — в масштабе всего современного светского государства. Именно эти базовые духовно-нравственные ценности в совокупности и формируют общегосударственное национальное самосознание отдельных этносов и народов, образующих эту гражданскую нацию, основой для которой служит гражданская идентичность. В свою очередь, именно общегосударственное национальное самосознание и обеспечивают гражданскую сплоченность, солидарность и целостность суверенного национального государства. В свое время Самюэль Хантингтон справедливо заметил, что происходит процесс «фрагментации национальной идентичности», в результате чего она (национальная идентичность) вынужденно уступила свое место субнациональным, групповым и религиозным идентичностям [Хантингтон 2004, 36]. Безусловно, для этого существуют объективные причины: беспрепятственное (без специального пограничного контроля) перемещение через границы многих стран беженцев и незаконных мигрантов, число которых к настоящему времени угрожающе возросло, в существенной степени способствовало возникновению внутри исторически уже сложившегося социума во многих национальных государствах землячеств, диаспор, национальных автономий, этнических кварталов (а некоторых странах и вовсе — больших пригородных этнонациональных районов) и других инокультурных образований. Однако основная проблема заключается в другом. Все они или не хотят принципиально (по религиозным соображениям, ввиду исторически сложившейся вражды и т.д.) или (если и в некоторых случаях не возражают) по каким-либо объективным причинам не могут в должной степени интегрироваться в существующую социокультурную среду, в культурном смысле объединиться с основной частью населения данной страны и овладевать общегражданским национальным

самосознанием. И к такой реальности современности, как фрагментированный социум, имеющей место практически во всех развитых странах, следует относиться с особым вниманием. Практика наблюдений за последние десятилетия показывает, что в результате такой социальной дифференциации (в данном случае мы не рассматриваем проблему расслоения общества по экономической составляющей) создаются благоприятные условия для зарождения антиобщественных настроений, которые очень быстро выливаются в социально опасные, а зачастую просто криминальные, поступки, протестные акции с политическими требованиями и, к сожалению, нередко в террористические акты. Поэтому, при выработке рекомендаций по гармоничному развитию поликонфессиональных и полиэтнических обществ, нам необходимо обращать внимание на проблемы этнонациональных формирований во всем комплексе. Это означает, что помимо проблем, имеющих непосредственно в социально-экономической сфере (безработица, неофициальное, по сути незаконное, оформление на работу, ненормированный рабочий день, отсутствие бесплатного медицинского обслуживания, социальных пособий, пенсионного обеспечения и т.д.), в особенности следует учитывать проблемы, корнящиеся в системе образования и воспитания, культурно-просветительской сфере, в деятельности диаспоральных общественных и религиозных организаций и шире – во всей социально-гуманитарной сфере, которые (проблемы) в совокупности препятствуют полноценной социализации представителей общества иной культурной принадлежности.

Так на какой же идеологической и духовно-нравственной основе должна в итоге осуществляться национальная и миграционная политика в полиэтническом и поликонфессиональном государстве в условиях глобализации и множащихся вызовов современности, чтобы каждый житель страны ощущал себя равноправным гражданином страны и полноценным членом мультикультурального общества вне зависимости от собственной культурной принадлежности?

На эти вопросы мы постараемся ответить в продолжении нашего разговора в последующих номерах журнала.

Продолжение следует

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Мариносян 2006 – Мариносян Х.Э. Генезис и диалектика национализма. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

Многоликая глобализация 2004 – Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П.Л. Бергера и С.П. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004.

Хантингтон 2004 – *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2004.

Benyon, Dunkerley 2000 – *Benyon J., Dunkerley D.* (Eds.) *Globalization: The Reader*. – London: Routledge, 2000.

Chomsky 1999 – *Chomsky N.* *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. – New York: Seven Stories Press, 1999.

Deese 2017 – *Deese D.A.* (Ed.) *Globalization: Causes and Effects*. – London: Routledge, 2017.

Duggan 2012 – *Duggan L.* *The Twilight of Equality? Neoliberalism, Cultural Politics, and the Attack on Democracy*. – Boston: Beacon Press, 2012.

Johnson 2018 – *Johnson R.* *Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature // Small Wars & Insurgencies*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 141–163.

Kotz 2002 – *Kotz D.M.* *Globalization and Neoliberalism // Rethinking Marxism*. 2002. Vol. 14. No. 2. P. 64–79.

Lechner, Boli 2015 – *Lechner F. J., Boli J.* (Eds.) *The Globalization Reader / 5th ed.* – Oxford: John Wiley Blackwell, 2015.

Navarro 1998 – *Navarro V.* *Neoliberalism, “Globalization,” Unemployment, Inequalities, and Welfare State // International Journal of Health Services*. 1998. Vol. 28. No. 4. P. 607–682.

O’Meara et al. 2000 – *O’Meara P., Mehlinger H.D., Krain M.* (Eds.) *Globalization and the Challenges of a New Century: A Reader*. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.

Robinson W.I. 2005 – *Robinson W.I.* *Gramsci and Globalisation: From Nation-State to Transnational Hegemony // Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 559–574.

Smith 2010 – *Smith R.* *Beyond Growth or Beyond Capitalism // Real World Economics Review*. 2010. No. 53. P. 28–36.

Stiglitz 2003 – *Stiglitz J.E.* *Globalization and Its Discontents*. – New York: W.W. Norton, 2003.

Stiglitz 2008 – *Stiglitz J.E., Serra N.* (Eds.) *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

Streeck 2014 – *Streeck W.* *How Will Capitalism End? // New Left Review*. 2014. No. 87. P. 35–64.

Turner, Holton 2015 – *Turner B. S., Holton R.J.* (Eds.) *The Routledge International Handbook of Globalization Studies / 2nd ed.* – London: Routledge, 2015.

Victor 2010 – *Victor P.* *Questioning Economic Growth // Nature*. 2010. Vol. 468. No. 7322. P. 370–371.

Yeates 2002 – *Yeates N.* *Globalization and Social Policy: From Global Neoliberal Hegemony to Global Political Pluralism // Global Social Policy*. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 69–91.

REFERENCES

Benyon J. & Dunkerley D. (Eds.) (2000) *Globalization: The Reader*. London: Routledge.

Berger P.L. & Huntington S.P. (Eds.) (2002) *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* (Russian translation: Moscow: Aspekt Press, 2004).

Chomsky N. (1999) *Profit over People: Neoliberalism and Global Order*. New York: Seven Stories Press.

Deese D.A. (Ed.) (2017) *Globalization: Causes and Effects*. London: Routledge.

Duggan L. (2012) *The Twilight of Equality? Neoliberalism, Cultural Politics, and the Attack on Democracy*. Boston: Beacon Press.

Huntington S.P. (2004) *Who Are We? The Challenges to America's National Identity* (Russian translation: Moscow: AST; Tranzitkniga, 2004).

Johnson R. (2018) Hybrid War and Its Countermeasures: A Critique of the Literature. *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 29, no. 1, pp. 141–163.

Kotz D.M. (2002). Globalization and Neoliberalism. *Rethinking Marxism*. Vol. 14, no. 2, pp. 64–79.

Lechner F.J. & Boli J. (Eds.) (2015) *The Globalization Reader* (5th ed). Oxford: John Wiley Blackwell.

Marinosyan Kh.E. (2006) *The Genesis and Dialectics of Nationalism*. Moscow: Academy for Research into the Humanities (in Russian).

Navarro V. (1998) Neoliberalism, “Globalization,” Unemployment, Inequalities, and Welfare State. *International Journal of Health Services*. Vol. 28, no. 4, pp. 607–682.

O'Meara P., Mehlinger H.D., & Krain M. (Eds.) (2000) *Globalization and the Challenges of a New Century: A Reader*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Robinson W.I. (2005) Gramsci and Globalisation: From Nation-State to Transnational Hegemony. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Vol. 8, no. 4, pp. 559–574.

Smith R. (2010). Beyond Growth or Beyond Capitalism. *Real World Economics Review*. No. 53, pp. 28–36.

Stiglitz J.E (2003) *Globalization and Its Discontents*. New York: W.W. Norton.

Stiglitz J.E. & Serra N. (Eds.) (2008) *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*. Oxford: Oxford University Press.

Streeck W. (2014) How Will Capitalism End? *New Left Review*. No. 87, pp. 35–64.

Turner B.S. & Holton R.J. (Eds.) (2015) *The Routledge International Handbook of Globalization Studies* (2nd ed.). London: Routledge.

Victor P. (2010) Questioning Economic Growth. *Nature*. Vol. 468, no. 7322, pp. 370–371.

Yeates N. (2002) Globalization and Social Policy: From Global Neoliberal Hegemony to Global Political Pluralism. *Global Social Policy*. Vol. 2, no. 1, pp. 69–91.

Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. МАРИНОСЯН

Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории

В.Н. Шевченко

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье предпринимается попытка найти теоретическое, философское решение остро дискуссионного вопроса, обсуждаемого в отечественных социально-гуманитарных науках, – о природе российской государственности и, соответственно, о перспективных путях дальнейшего реформирования институтов российской власти и управления. В этой связи обращается внимание на получивший признание в последнее время факт длительного исторического существования двух типов социальной организации общества, один из которых присущ западной цивилизации, другой – незападным цивилизациям. Рассматриваются пути теоретического соединения социологических разработок о двух типах социетальной организации общества с тем, что сделано в последнее время в современной культурологии по описанию, моделированию культурного кода локальной цивилизации. Введение в основной корпус социально-философского знания представлений о двух типах общества базируется в статье на философско-историческом анализе с позиций мир-системного анализа развития человеческого общества. В статье показывается, по какой причине за пять веков всемирной истории не произошла и не смогла произойти смена культурного кода, культурной матрицы в незападных цивилизациях, в том числе и в России, несмотря на растущие связи с Западом. Подчеркивается при этом, что такая ситуация не может быть объяснена апелляцией лишь к низкой культуре и невежеству русского народа, она связана с действием исторических факторов. При ответе на этот вопрос привлекается фактический материал по российской и мировой истории, выявляется скрытая логика российской истории и базовые, онтологические константы русского государства-цивилизации.

Ключевые слова: философия истории, мир-системный анализ, цивилизационный подход, культурный код (матрица), российская государственность, два типа социальной организации, империя, государство-цивилизация.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник

ник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vladshevchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

Цитирование: Шевченко В.Н. (2019) Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 29–47.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47

Ontological Constants of Russia as a Civilization-State in the Context of World History

V.N. Shevchenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47

Original research paper

Abstract

The article presents a theoretical, philosophical solution to a sharply debatable issue, discussed in Russian social and human sciences, about the nature of Russian statehood and about promising ways of further reforming the institutions of Russian government and management. Therefore, attention is drawn to the recent recognition of the long historical existence of two types of social organization of society, one of which is inherent in Western civilization, the other one is inherent in non-Western civilizations. The author considers the ways of theoretical combination of sociological developments about two types of societal organization of society with what has been done recently in modern cultural studies for the description and modeling of the cultural code of a local civilization. In the article, the introduction to the core of the socio-philosophical knowledge of the concepts of two types of society is based on the philosophical and historical analysis from the standpoint of world-system analysis of the development of human society. The article shows why for five centuries, world history did not and could not change the cultural code, the cultural matrix in non-Western civilizations, including in Russia, despite all the efforts of the West. It is also emphasized that such a situation cannot be explained by an appeal only to the low culture and ignorance of the Russian people, it is connected with the action of historical factors. The author, answering this question, analyzes facts of Russian and world history and reveals the latent logic of Russian history.

Keywords: philosophy of history, world-system analysis, civilizational approach, cultural code (matrix), Russian statehood, two types of social organization, empire, civilization-state.

Vladimir Shevchenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Main Researcher at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vladshevchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

Citation: Shevchenko V.N. (2019) Ontological Constants of Russia as a Civilization-State in the Context of World History. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 1, pp. 29–47.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47

Введение

Дискуссии относительно природы российской государственности и российского государства пронизывают всю ткань современного отечественного социально-гуманитарного знания, будь это политология или история, социология или культурология. Дискуссии идут непрерывно, пик дискуссий последнего времени пришелся на первое десятилетие нынешнего века – начало второго. В центре внимания ученых встал вопрос о том, какая форма политического устройства – парламентская республика или централизованное государство – наиболее перспективна? В российском обществе (как в экспертной среде, так и в массовом сознании) сформировались две основные точки зрения – либерально-западная и консервативная (в рамках каждой из них имеется много разных интерпретаций).

Сторонники первой точки зрения отмечают, что «наша сегодняшняя беда в том, что мы уже ушли от империи, может быть, вопреки своему желанию, и еще не пришли к гражданской нации» [Ясин 2007, 24]. Общий настрой публикаций такого рода образно выразил Э. Паин: «Смогут ли россияне выдать из себя империю?» [Паин 2014, 49]. Э. Паин – решительный противник империи и всех имперских амбиций, критик «фантомных болей» в сознании современной России, вызываемых погибшей империей и потерянными территориями. Тренд реформирования российского государства с либерально-западной точки зрения выглядит весьма простым и понятным – довести неоконченный процесс его преобразования до «нормальной» модели европейского национального государства. Высказываются при этом и совсем радикальные взгляды о необходимости либеральной диктатуры с тем, чтобы довести этот процесс до конца.

Защитники централизованного государства апеллируют к многовековой истории страны. Основную мысль здесь удачно

выразил в свое время А.С. Панарин. Идея империи «выстрадана в России в ходе трагического опыта убоиц, разрывающих единое народное тело и препятствующих нормальной цивилизованной жизни» [Панарин 2014, 892]. И в современных сложных внешних и внутренних условиях президентская республика является объективно необходимой властной конструкцией для консолидации общества, эффективного управления им, для противодействия явлениям сепаратизма и угрозам со стороны враждебных России сил.

Культурология и социология в поисках конкретных решений проблемы

Решение вопроса в пределах социально-научного знания, как показывает весь ход дискуссий, остается на сегодня недостижимой целью. Весьма показательной в этом отношении явилась фундаментальная работа ростовского ученого И.И. Рогова «Теория империологии». Формально автор ищет решения проблемы империи в рамках политологии, но содержательно выходит далеко за ее пределы. Он раскрывает причины, по которым «империя – вне политической науки» [Рогов 2017, 187], вне ее концептуального аппарата. Основные его выводы заслуживают пристального внимания. Империя есть политическое государство. В ней нужно различать две стороны. Империя как государство есть форма организации власти в социуме (в обществе), занимающем большое пространство. Содержание власти есть нечто другое, она есть власть, стремящаяся к гегемонии, власть ради власти и во имя власти. Но содержание может быть облечено в разные формы, и наоборот. Одна и та же форма может быть наполнена разным содержанием. И все это хорошо показано автором в ходе анализа исторического бытия типологически различных империй. Вместе с тем, властная конструкция империи как с точки зрения формы, так и содержания наполняется вполне определенным смыслом на каждом историческом этапе развития конкретного общества. Этот вывод чрезвычайно важен для понимания того, как следует сегодня пользоваться словом империя, поскольку оно несет в себе (так сложилось исторически) немало негативных коннотаций. Но тогда что имеется в виду, когда его используют в позитивном плане, например, при характеристике современного Российского государства или Советского Союза. Об этом и пойдет в дальнейшем речь.

Сегодняшний огромный интерес к империи продиктован не столько собственно логикой движения научной мысли. В этом от-

ношении исследования по имперской проблематике всегда составляли одно из важнейших направлений исследований, особенно в науках исторического профиля. Но в XXI в. империя оказалась в центре внимания всех социально-гуманитарных дисциплин, когда речь заходит о государстве. Сегодня США как империя явила новую форму правления – олигархически-демократическую форму республики – и, что самое главное, новый смысл – *imperium*, т.е. принцип власть ради самой власти. Это «легкая» империя, поскольку она стремится не к завоеванию территорий, а к информационному господству. Сегодня о Европейском союзе все чаще стали говорить как об империи, а точнее, как о «мягкой» или «неимперской» империи.

Китай позиционирует себя на международной арене как социалистическое государство. Но признаки имперской формы правления выглядят настолько очевидными, что в мировом общественном сознании Китай постоянно фигурирует как настоящая империя, особенно в публицистике. Поэтому, когда либерально ориентированные авторы пишут о том, что Россия должна перейти от полуразрушенной империи к национальному государству, то, кажется, отечественная либеральная мысль движется по пути, который уже оставлен неолибералами Запада и не только ими.

Раскрытие концепта империи – это вовсе не конкретная научная проблема. Это проблема мировоззренческая, философская. Стремительное возвращение империи на мировую арену – вот что сегодня обсуждается на всех уровнях общественного сознания.

Прежде чем говорить о социально-философском взгляде на эту проблему, обратим внимание на бесспорные достижения цивилизационного подхода, который, несомненно, значительно расширил поле обсуждения имперской проблематики и вместе с тем резко обострил принципиальное различие двух самых распространенных сегодня точек зрения – либерально-западнической и консервативно-российской.

Среди различных моделей культурного кода российской цивилизации, предложенных в последнее время сторонниками либерального западничества (А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, И.В. Кондаков, И.Г. Яковенко и др.), обращают на себя внимания модель культуролога И.Г. Яковенко [Яковенко 2009, 248]. Он отмечает девять наиболее характерных черт культурного кода российской цивилизации, среди них – эсхатология, манихейство, сакральный статус власти, традиционно-имперская доминанта, раскол культурного сознания, должное как нормативная установка и некоторые другие, например, идеал синкрезиса.

И.Г. Яковенко подчеркивает, что этот код есть порождение традиционной культуры России. Поэтому следует говорить о несовременности такого цивилизационного кода, об императивной необходимости его смены, которая идет очень медленно, что препятствует становлению России в качестве нормального национального государства. Причину длительного сохранения традиционной культуры либеральная мысль видит прежде всего в низкой культуре российского общества, в сохранении многочисленных проявлений варварства.

Значительное число характерных черт культурного кода, как видно из сказанного, относится к духовной стороне жизни российской цивилизации. Культурологический подход делает своим главным предметом при анализе локальных цивилизаций ценностные смыслы и приоритеты, нравственные нормы, идеологические системы, мифы и религии. Цивилизация понимается как определенный тип общества, но при этом само общество дается, как правило, через простое перечисление ряда его черт и свойств. Государство идет в перечислении, как одна из характерных черт цивилизации. Сам по себе анализ структуры общества, ее динамики и воспроизводства для культурологов не является, как правило, самостоятельным предметом анализа.

Многие сторонники консервативного направления объединились на основе изучения творчества известного философа А.С. Панарина. Материалы проведенных после кончины А.С. Панарина шестнадцати панаринских конференций дают богатое представление о содержательной научной работе, проведенной сторонниками консерватизма. В этой связи обращает на себя особое внимание коллективная работа «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы», весьма репрезентативная для этого направления. В ней, в частности, В.Н. Расторгуев дает свой глубокий анализ основных черт цивилизации России [Расторгуев 2018a]. Среди них такие черты, как устойчивое сохранение на протяжении веков цивилизационной идентификации и самоидентификации русского народа, многовековая верность религии предков, богатый опыт межконфессионального согласия, единое языковое и образовательное пространство, уникальная ресурсная база России, способность народов России выживать в самых суровых условиях, их высокий уровень доверия, межнациональной и цивилизационной солидарности. А также особо подчеркивается универсальность или «вселенскость» русской (российской) цивилизации, неограниченный потенциал ее развития, принесение в эпоху глубокого кризиса в жертву жизненных благ и при необходимости самой

жизни, личностное измерение цивилизации, которое олицетворяют творцы – светочи духовности и великие правители, герои и властители дум. И наконец, народы России и есть подлинные творцы и создатели великой цивилизации. Этот культурный код российской цивилизации складывался на протяжении столетий. Поэтому речь сегодня должна идти не о смене, а о сохранении и развитии культурного кода, о необходимости народам России и далее отстаивать свои непреходящие духовные ценности, свою цивилизационную идентичность.

Одно из достижений философско-политической мысли последнего времени связано с появлением понятия «государство-цивилизация», которое уже прочно вошло в философский, научный аппарат, хотя литература на этот счет пока не очень богатая [Расторгуев 2018б], и которое позволяет раздвинуть ограниченные традициями прошлого смысловые рамки понятия империя.

Культурный код цивилизации не есть нечто духовное, он имеет зримое материальное воплощение во всей структуре и элементах общества как способ (а в определенном аспекте и технология) организации и воспроизводства жизни целостного социального организма, всех сторон и сфер общественной жизни. Можно утверждать о наличии двух состояний, двух форм бытия культуры. Культура имеет и свое предметное бытие, поскольку она воплощена в материальное, предметное тело цивилизации. Обе ипостаси культуры – предметное бытие культуры и ее духовное бытие – неразрывно связаны между собой.

Культурный код (матрица) цивилизации в своем единстве предметного и духовного бытия не отменяем при любых поворотах истории. Его можно дополнить, видоизменить. Но что означает выражение «сменить культурный код»? Это ведь не просто взять да перечеркнуть прошлое, историческую память народа. Попытка смены культурного кода – это грандиозная революция, к примеру, революционный переход от Средневековья к Новому времени, который протекал несколько столетий. Антифеодальная революция попыталась, особенно во французском варианте, осуществить радикальный разрыв с прошлым и привела постхристианскую Европу в XX веке к огромному духовному опустошению, и этот процесс продолжается и углубляется сегодня.

Тем не менее следует сказать, что энергично обсуждаемые различные модели культурного кода российской цивилизации представляют собой все-таки нечто производное от того, что можно назвать теоретическим пониманием бытия российского общества в истории. Подтверждением важности именно такой постановки

вопроса служит, к примеру, обсуждение проблематики идентичности. Более того, поиски идентичности стали как бы наиболее полным выражением смысла всех дискуссий вокруг прошлого, настоящего и будущего российской цивилизации и российской государственности с их вопрошанием: «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?»).

Современная социальная философия как методология решения проблемы российской государственности

Социальная философия длительное время не обращала внимания на актуальность проблемы матрицы (онтологических констант) российского государства. И тому есть веские основания. В постмарксистской социальной философии осталось неизменным решение вопроса об основных сферах общественной жизни, которое унаследовано от Маркса и которое, в общем, не отбрасывается сегодня, в том числе и либерально мыслящими социальными философами. Споры по конкретному вопросу о том, сколько можно выделить таких сфер, идут постоянно, хотя настойчивое стремление отдельных авторов сохранить именно четыре главных сферы общественной жизни имеет некий догматический оттенок, но это не главное. Главные причины лежат в другой плоскости анализа.

Социальная философия в последнее время подверглась сильной социологизации со стороны западной социологии. Модерн или общество модерна является важнейшим понятием западной теоретической социологии. «Социология есть наука о *модерне* и *продукт модерна* одновременно» [Подвойский 2013]. Модерн более других понятий социологической теории подходит на роль интегрального или синтезирующего концепта, по крайней мере, если речь идет об области макросоциологических обобщений, описывающих глобальные исторические трансформации систем общесоциального (социетального) уровня. Модерн выступает общей концептуальной рамкой анализа всей современности. Социология, таким образом, стремится к тому, чтобы отменить и заменить философию истории. Социологический тип мышления активно выступает против философско-исторического мышления. **Он утверждает одну непреложную максиму** – стремление стать современным обществом или, что то же самое, обществом модерна, что должно означать, согласно либерально-западному строю мыслей, стремление стать западным, буржуазным, одним словом, нормальным обществом.

Социальная философия, подвергнувшаяся социологической стерилизации, оказалась без философии истории. Философия

истории как составная часть социальной философии имеет целью выявление логики исторического процесса. Вот здесь и появляется проблема двух типов общества.

Для русской философии истории это проблема далеко не новая. Как отмечал Н.А. Бердяев, на построениях философии истории формировалось наше национальное сознание, в центре внимания которого находились споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе. Впрочем, эти вопросы есть часть гораздо более обширной проблематики Запад-Восток, сложившейся в эпоху Античности и принявшей с наступлением глобализации предельно общую форму: Запад – не-Запад [Мартынов 2015]. К. Ясперс пишет, что «со времен Геродота противоречие между Западным и Восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах» [Ясперс 1991, 89]. В литературе по философии истории эта проблема двоякости организации социума присутствует постоянно, особенно при анализе альтернативности формационных путей развития общества. Но эта проблема не концептуализирована до сих пор. Интересный пример приводит упомянутый выше И.И. Рогов. Платон и Аристотель объектом своего исследования видели полис и только полис, хотя рядом с миром греческих полисов существовала грозная Персидская империя. Аристотель, «выделивший сферу политического в самостоятельную научную дисциплину, не нашел империи место среди форм государственного устройства» [Рогов 2017, 190]. А, начиная с Нового времени, традиционная (средневековая) империя рассматривается с точки зрения неизбежности распада и появления вместо нее ряда национальных государств. Собственно эту позицию и занимают отечественные либералы-западники. Но сегодняшняя ситуация в мире изменилась радикальным образом. Рост имперских образований под разными обликами теснит некогда ведущий тренд на мировой арене – становление национальных государств.

Обратимся теперь к тому, что говорится в отечественной социологии по вопросу о двух типах общества, общественных структур, всего жизненного бытия людей.

Социолог В.Ф. Терин отмечает, что, несмотря на успех теории модернизации, идея противопоставления «Запад – Восток» в своем первоначальном, или весьма близком первоначальному, качестве не утратила научную актуальность. «Она по-прежнему присутствует в дискурсе современной социологии применительно к цивилизационным аспектам изучения общества. Речь в данном случае идет об общем проблемном поле, выражающемся

в признании двух альтернатив цивилизационного развития и особом внимании к воспроизводству экономических и политических институтов как основному различию этих альтернатив» [Терин 2003].

Социолог-экономист С.Г. Кирдина много лет занимается детальной проработкой теории X- и Y- институциональных матриц [Кирдина 2014], которая представляется нам и весьма спорной, дискуссионной, и несомненно перспективной, и потому следует остановиться на ней более подробно.

Под институциональной матрицей С.Г. Кирдина понимает исходную модель базовых общественных институтов, которая складывается на заре возникновения первых государств. Все последующие институциональные структуры развивают, обогащают эту первичную модель, но не меняют ее сущности. Институциональная матрица – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, которая регулирует взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической.

Базовые институты складываются на основе исторического опыта в результате приспособления населения, проживающего на территории государства, к тем внешним условиям, которые им даны. По мере развития общества базовые институты проявляются во все более развитых институциональных формах, сохраняя при этом свою качественную специфику. Базовые институты взаимообусловлены, определяют содержание и поддерживают функционирование друг друга, т.е. образуют определенную систему. Главной функцией базовых институтов является поддержание целостности общества в единстве образующих его подсистем, регулирование важнейших сфер общественной жизни.

В отличие от базовых институтов, сохраняющих свое содержание, институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Они представляют собой конкретные установленные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов. К ним можно отнести законодательные акты, системы организации труда, формы хозяйственных связей, политические процедуры и т.п. Институциональные формы – это прямое или опосредованное внешнее выражение базовых институтов, задающих социетальную, наиболее общую природу отдельного общества.

Обобщение исторической, философской, экономической, социологической и культурологической литературы, как и эмпирические исследования, как отмечает автор, позволяют предположить, что

многообразные институциональные комплексы древних и современных государств можно представить как воплощение по сути двух институциональных матриц. Они имеют идентичную структуру, но отличаются содержанием образующих их экономических, политических и идеологических институтов. Эти матрицы названы X- и Y-матрицы, поэтому теорию институциональных матриц С.Г. Кирдина назвала X-Y-теорией. X- и Y-матрицы задают две альтернативные, принципиально отличные друг от друга модели социетальной интеграции общества.

X-матрица – это институты редистрибутивной экономики, институты унитарно-централизованного политического устройства; коммунитарная идеология. Y-матрица – это институты рыночной экономики; федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство; индивидуалистская идеология.

X- и Y-матрицы задают отличающиеся модели социальной интеграции, т.е. представляют собой два альтернативных типа организации общественной жизни. X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки. Y-матрица доминирует в общественном устройстве большинства стран Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии. В процессе исторического развития имеет место сохранение доминирующего положения одной из матриц на протяжении всей истории конкретного государства.

Причину сохранения доминирующего положения автор видит в особенностях материально-технологической базы того или иного типа общества – комплексной или индивидуальной. Эта база остается неизменной, что и определяет в конечном счете исторический коридор эволюции общества, задает границы возможных социальных изменений. Социология, таким образом, вносит определенный вклад в разработку вопроса о двух матрицах, двух типах организации общественной жизни, но многое оставляет без внимания.

Возникает теоретическая задача органического соединения социологических разработок о двух типах социетальной организации общества с тем, что сделано в современной культурологии, разрабатывающей культурный код локальной цивилизации. Решение такой задачи может взять на себя социальная философия. Но ввести в корпус ее теории представление о двух типах общества можно только с помощью философско-исторического анализа развития человеческого общества, который и открывает путь к целостному и обоснованному представлению, в частности, об онтологических константах российской цивилизации и соот-

ветственно российского государства. В статье мы ограничимся в основном теми аспектами исторического анализа, которые важны для решения вопроса о природе и судьбе российской государственности.

Философско-исторический анализ эволюции российского государства в контексте всемирной истории

Философия истории как составная часть социальной философии имеет целью выявление логики исторического процесса, в нашем случае – время и место возникновения двух типов социальной организации общества, особенности их взаимодействия между собой, динамику изменений матрицы воспроизводства каждого из этих двух социальных организмов как целостной системы. Ответы на эти вопросы можно получить только на основе конкретного хода мировой и российской истории.

Прежде всего, нужен философско-исторический ответ на вопрос о том, по какой причине за пять веков российской истории не произошла и не смогла произойти смена культурной матрицы от незападной к западной. Конечно, дело в особенностях исторического развития страны, а не просто в отсталости, темноте, невежестве. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Ключевое событие истории – переход к всемирной истории, когда возникает и быстро развивается европейско-центрированная капиталистическая экономическая мир-система. С этого момента внешний фактор начинает постепенно выступать определяющим для всех незападноевропейских стран в сравнении с внутренними факторами. Крайне важно рассмотреть здесь взаимодействие страны с более развитыми странами Западной Европы.

На изломе двух исторических эпох постепенно прекращается естественное развитие традиционных империй – локальных цивилизаций. Россия во второй половине XVI в. впервые была поставлена перед выбором. Иван Грозный сделал тот самый исторически неизбежный стратегический выбор, который окончательно определил базовые константы складывающейся российской государственности и русской (российской) цивилизации. К концу XVII в. складывается мощное Русское централизованное государство, которое в скором времени становится Российской империей, но это не отменяет того факта, что она прочно становится периферийной империей.

Российскую империю как форму организации власти отличают, по крайней мере, следующие черты: самодержавие, сакральность высшей власти, жесткая централизация властно-управленческой, бюрократической вертикали, доминирование в обществе отноше-

ний непосредственного господства и подчинения, сращенность власти и собственности, полиэтничность населения империи, наличие доминирующего этноса.

Что касается сущности (содержания) имперской власти, то здесь следует, прежде всего, отметить, что государство с такой организацией политической власти становится, делается империей, когда появляется имперская идея. Имперская идея направлена на установление на территории империи социального порядка в борьбе против хаоса. Имперская идея несет в себе объединительное начало для всего многоэтничного народа империи, наделяет смыслами большое пространство, говорит об особом предназначении государства и народа, живущего на этом большом пространстве. Имперская идея претендует на то, чтобы быть мировой идеей, т.е. образцом организации любого общества, и отличается стремлением к максимальному пространственному расширению своей гегемонии. Имперская власть сакральна, поскольку она выступает в средневековой социальной реальности как *impregium*, как господство, чистое могущество и мистическая, сверхприродная сила. Здесь находятся основы ее легальности и легитимности. Со всеми этими особенностями связана проблематика духовных, нравственных оснований империи. Это, прежде всего, идея нравственного государства, или государства как носителя и защитника нравственного идеала общества, основанного на принципах справедливости и соборности.

Все сказанное не означает апологии Российской империи, тем более дореволюционной ее истории. Речь идет о длительном в несколько веков воспроизводстве государства-цивилизации как целостной социальной общности на основе вполне сложившейся матрицы, которая, разумеется, несовершенна, как и все то, что она порождает. В понимании того обстоятельства, что российская матрица сложилась в добуржуазную эпоху и, воплощаясь в дальнейшем в другие конкретные формы государственности, остается себе тождественной с точки зрения своей субстанциональности, своих онтологических констант. В этом прежде всего и заключается разгадка того, что называется уникальностью российской цивилизации. Ее уникальность и неповторимость объясняется также и тем природным ареалом, в котором располагается российское государство. Естественно-природный канал эволюции российской цивилизации и ее материально-природная, технологическая база остаются в своей сути неизменной и предопределяют постоянное воспроизводство того, что было названо ранее X-матрицей.

Дальнейшее рассмотрение проблемы эволюции базовых, онтологических констант Российского государства-империи требует

выхода за рамки собственно цивилизационного рассмотрения вопроса и введения в философско-исторический дискурс идейных, социально-классовых, конкретно-политических характеристик исторического процесса.

Первое, что нужно отметить, это циклический характер отношений между Россией и Западной Европой на протяжении всех последних пяти столетий. Интересные мысли в этом отношении высказал в свое время В.Л. Цымбурский [Цымбурский 1995, 238], которые, на наш взгляд, позволяют глубже взглянуть на всегда актуальную для России проблему отставания – «догоняния». Этих циклов несколько. При движении от Европы на первом месте стоит стремление найти свой собственный национальный путь развития в рамках сложившегося цивилизационного пути. Это конкурентная (в перспективе – обгоняющая) парадигма развития с максимальным использованием потенциала всех составляющих институциональной матрицы – от распределительной экономики до мессианского, вселенского призвания. Движение к Европе, напротив, предполагает почти буквально в чистом виде догоняющий характер развития, когда на первое место ставится задача широкого использования экономических, технологических, политических и культурных достижений Запада, если не для преодоления, так для сокращения разрыва в уровнях экономического развития. Реальное встраивание многих базовых институтов другой, западной матрицы приводит к постепенным изменениям собственной институциональной матрицы, которые нельзя однозначно определять только как ее деформирование, искажение. Но на определенном этапе возникает проблема допустимых границ этого заимствования, переход которых грозит прежде всего разрушением государства, ослаблением цивилизационных связей, ростом сепаратизма и сокращением территории или даже распадом цивилизации. Затем происходит резкий обрыв движения по этому пути. Вновь начинается поиск, а затем обретение национального пути, реализация которого происходит при максимально возможном удалении от Запада. Так происходит периодическая смена политической стратегии первых лиц России, начиная с Ивана Грозного и до наших дней.

Выбор национального пути развития связан с политическим выбором, политической стратегией. Национальный путь – это не просто следование по цивилизационному пути, который естественным образом складывается в течение многих столетий исторического развития локальной цивилизации. Проблема национального пути развития, которая осознается, прежде всего,

первым лицом именно как политическая проблема, возникает только в условиях стремительного развития европейского капитализма. Впервые в развернутом виде проблема национального пути появляется во времена Николая I. Это первая попытка создания альтернативного пути промышленного развития, возможного в то время только как раннего, а потому государственно-бюрократического капитализма. А в перспективе – возникновение центра развития капитализма альтернативного и конкурентного западноевропейскому [Шевченко 2014].

Поскольку имеет место дистанцирование от Запада, от стран первого эшелона развития – Центра капиталистической мир-системы, то при следовании по альтернативному пути возникает острая проблема развития – нахождение пути ускоренного развития государства и общества для преодоления отставания в условиях «осажденной крепости». При таком стечении обстоятельств становится понятным, почему судьба первой попытки альтернативного капиталистического пути развития сложилась так неудачно. Он будет прерван, и отказ от него произойдет при новом царе Александре II.

Российская империя в начале XX в. все больше заходит в исторический тупик. Она не может стать капиталистической страной по западному образцу, переход в Центр капиталистической мир-системы для нее закрыт. Но Россия не может и превратиться в страну зависимого и отсталого периферийного капитализма, в надежную сырьевую колонию Запада. Ситуация разрешается в Октябре 1917 г., который открывает перед страной возможности нового выбора своего национального (или особого) пути развития в эпоху национально-освободительных, буржуазно-демократических и социалистических революций первых десятилетий XX в.

Поскольку у России не получилось попасть в «общество модерна» ни тогда, сто лет назад, ни в современный период радикальных реформ, то ее путь в стратегическом отношении продолжает в перспективе лежать мимо капитализма как общественного строя, как общественно-экономической формации. Непонимание всей сложности перехода к строительству социализма с российской спецификой, т.е. к цивилизационному социализму, как это делает Китай с конца 70-х годов прошлого века, привело Советский Союз к тяжелому кризису, который конечно можно было преодолеть, не сходя с социалистического пути.

Наконец, в последние два десятилетия в стране наметился де факто отказ от реализации универсальной модели общества модерна, однако выбор дальнейшего пути развития остается не до

конца теоретически осознанной политической стратегией. Вместе с тем все более четко просматривается тренд в геополитической деятельности российской власти, направленной на достижение в новых исторических условиях централизованной системной интеграции постсоветского пространства, которая станет наследником как Российской империи, так и Советского Союза. И в этом смысле выделение геополитической идентичности как важнейшей характеристики российской цивилизации выглядит вполне оправданным [Цымбурский 2001, 79–80].

Если обобщить весь материал по реализации национального пути, то окажется, что первым на этом пути был Николай I, а затем были Александр III, Сталин, вполне возможно Путин. Путь догоняющего развития в эпоху капитализма связан с такими именами, как Александр I, Александр II, Николай II и в определенном смысле Горбачев. Огромный исторический материал говорит о том, что институциональная матрица (культурный код) имперского государства в ходе исторического развития при переходе от одной конкретной формы государства к другой воспроизводит один и тот же тип социального устройства общества. Одни константы при этом проявляют себя в ослабленном режиме, другие, напротив, приобретают большую значимость и сложность. Но матрица при всех деформирующих воздействиях сохраняет свои сущностные черты. Эту картину можно наблюдать при рассмотрении логики развития российской государственности – Русское централизованное государство, Петровская империя, Советский Союз, Российская Федерация. Возрождение в новых современных формах традиционных структур в государствах-цивилизациях на современном этапе их развития – несомненный эмпирический факт.

Заключение

Если говорить о государственно-цивилизационном развитии России, то задачей первостепенной значимости выступает сохранение опорной базы – русской цивилизации и русского народа, укрепление евразийской (североевразийской) цивилизации как живого единства и целостности, включающей огромное многообразие других цивилизаций, народов и этносов. Это не плоская картина, свойственная национальному государству. Это огромная цветущая сложность, и она будет усложняться, а не упрощаться по мере дальнейшего развития.

Вместе с тем страна в течение последних десятилетий широко использует элементы другой, западной матрицы по принципу комплементарности, т.е. в той мере, в какой они продуктивно работают.

Но Х-матрица остается неизменной. Идет сложный процесс нахождения золотой середины при сохранении ее доминирующего положения. Важно видеть в матрице, в онтологических константах российского государства такое своеобразие, которое имеет историческое происхождение, поэтому нежелательные последствия их проявления могут быть смягчены при повышении общей культуры граждан и особенно государственных служащих. Например, нельзя отрицать патерналистского характера государства. А.Н. Харин, специалист по теоретическому наследию А.С. Панарина, отмечал у него «определенную идеализацию российского государства, взаимоотношений власти и народа» [Харин 2013, 171], которые далеко не всегда отличались своей демократичностью. На усиление влияния авторитарных черт государства оказывают особое воздействие внешние факторы, которые редко когда были благоприятными для государства и общества. Важно здесь видеть принципиальное различие взгляда на культурный код российской цивилизации изнутри в отличие от взгляда снаружи, т.е. с мировоззренческих позиций людей, живущих в обществе, основанном на другой, Y-матрице. Это, пожалуй, самая фундаментальная проблема современного мира, и мы ее только назовем здесь.

В условиях становления многополярного мира сегодня наблюдается сближение больших государств-цивилизаций – России, Китая, Индии, Ирана, Турции. Рано или поздно появится, по крайней мере для большинства из них, общая идеологическая основа для дальнейшего взаимного сплочения, для решения социальных проблем и совместного взаимовыгодного развития.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кирдина 2014 – *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Мартынов 2015 – *Мартынов Б.Ф.* «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 2015.

Паин 2014 – *Паин Э.* Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья // *Pro et Contra*. 2014. № 1–2.

Панарин 2014 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация. – М.: Ин-т православной цивилизации, 2014.

Подвойский 2013 – *Подвойский Д.Г.* Тропами модерна: социологические вариации на тему // *Социологические исследования (СОЦИС)*. 2013. № 10. С. 3–13.

Расторгуев 2018а – *Расторгуев В.Н.* Русская цивилизационная идентичность // *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / под общ.ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева.* – М.: Издатель Воробьев А.В., 2018.

Расторгуев 2018б – *Расторгуев В.Н.* Россия как страна цивилизация // Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / под общ.ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2018.

Рогов 2017 – *Рогов И.И.* Теория империологии. – М.: Книжный мир. 2017.

Спиридонова 2016 – *Спиридонова В.И.* «Государство-цивилизация» как вариант поиска самоидентификации современного российского общества // *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. – М., 2016. С. 31–40.

Терин 2003 – *Терин В.Ф.* Запад и Восток в институциональном подходе к цивилизации. – URL: <http://mirznanii.com/a/227260/zapad-i-vostok-v-institutsionalnom-podkhode-k-tsivilizatsii> (дата обращения: 02.12.2018).

Харин 2013 – *Харин А.Н.* Модели государственных устройств в условиях глобализации: сценарии для России. – М.: Наука, 2013.

Цивилизационное развитие России 2018 – Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / под общ.ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2018.

Цымбурский 1995 – *Цымбурский В.Л.* Циклы «похищения Европы» // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 2.: Россия как субъект. – М.: Аргус, 1995.

Цымбурский 2001 – *Цымбурский В.Л.* Идентичность геополитическая // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 2001.

Шевченко 2013 – *Шевченко В.Н.* Внешний фактор и развитие российского общества // Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества. – М.: Ин-т философии РАН, 2013. С. 8–66.

Яковенко 2009 – *Яковенко И.Г.* Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации / под ред. А.П. Дмитриева. – М.: Новый хронограф, 2009.

Ясин 2007 – *Ясин У.* Фантомные боли ушедшей империи // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

Ясперс 1991. – *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

REFERENCES

Chereshnev V.A. & Rastorguyev V.N. (Eds.) (2018) *Civilization Development of Russia: Heritage, Potential, Prospects*. Moscow: A.V. Vorobyev Pub. (in Russian).

Jaspers K. (1949) *The Origin and Goal of History* (Russian translation in: Jaspers K. *The Meaning and Purpose of History*. Moscow: Politizdat, 1991).

Kharin A.N. (2013) *Models of Government Devices in the Context of Globalization: Scenarios for Russia*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia: an Introduction to X&Y Theory*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Martynov B.F. (2015) *“West” and “non-West”: Past, Present, Future*. Moscow: Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pain (2014) Xenophobia and Nationalism in the Age of Russian Timelessness. *Pro et Contra*. 2014. No. 1–2 (in Russian).

Panarin A.S. (2014) *Orthodox Civilization*. Moscow: Institute of Orthodox Civilization (in Russian).

Podvoysky D.G. (2013) Paths of Modernity: Sociological Variations on the Topic. *Sociologicheskie Issledovaniia (SOCIS)*. 2013. No. 10. P. 3–13 (in Russian).

Rastorguyev V.N. (2018a) Russian Civilizational Identity. In: Chereshev V.A. & Rastorguyev V.N. (Eds.) *Civilization Development of Russia: Heritage, Potential, Prospects*. Moscow: A.V. Vorobyev Pub. (in Russian).

Rastorguyev V.N. (2018b) Russian as a Civilization-State. In: Chereshev V.A. & Rastorguyev V.N. (Eds.) *Civilization Development of Russia: Heritage, Potential, Prospects*. Moscow: A.V. Vorobyev Pub. (in Russian).

Rogov I.I. (2017) *The Theory of Imperology*. Moscow: Knizhny Mir (in Russian).

Shevchenko V.N. (2013) External Factor and the Development of Russian Society. In: *Dynamics of the Interaction of Internal and External Factors and the Vector of Development of Russian Society* (pp. 8–66). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Spiridonov V.I. (2016) “Civilization-State” as an Option in the Search for Self-Identification of Modern Russian Society. In: Spiridonova V.I., Sokolova R.I., & Shevchenko V.N. *Russia as a Civilization-State: philosophical and political analysis* (pp. 31–40). Moscow (in Russian).

Terin V.F. (2003) *The West and the East in the Institutional Approach to Civilization*. Retrieved on December 2, 2018, from <http://mirznani.com/a/227260/zapad-i-vostok-v-institutsionalnom-podkhode-k-tsivilizatsii> (in Russian).

Tsybursky V.L. (1995) Cycles of the “Abduction of Europe” In: *Other. Readings New Russian Identity. Vol. 2: Russia as a Subject*. Moscow: Argus (in Russian).

Tsybursky V.L. (2001) Geopolitical Identity. In: *New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols. (Vol. 2)*. Moscow: Mysl (in Russian).

Yakovenko I.G. (2009) Theoretical Bases of the Civilization Analysis of Russia. In: Dmitiriev A.P. (Ed.) *In Search of the Theory of the Russian Civilization*. Moscow: Novy Khronograf (in Russian).

Yasin U. (2007) Phantom Pains of a Bygone Empire. In: Klyamkin A.P. (Ed.) *After Empire*. Moscow: Liberalnaya Missiya (in Russian).

Глобализация и центры мирового влияния

Американский гегемонизм как современный «центр силы»

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы политического доминирования США как глобального «центра силы», промежуточного между империей и гегемонией. Формирование «Нового порядка» в форме глобализации, получившего наименование «Новый американский век», стало итогом исторической динамики территориального смещения «центров силы», которая методологически выявляется в рамках концепции «пространственной фиксации». Американское лидерство уникально потому, что впервые в истории возник проект целиком однополярного мира с претензией на глобальное влияние. В основании американского проекта лежит модель «государства-предприятия», которая бросает вызов европейской модели развития в форме «национального государства». Американская модель формирует новый тип лидерства, который реализует синтез функций идеологии и экономики на предприятии. Ведущими структурами в обществе становятся медиапредприятия. Появляется специфическая фигура интеллектуала – «комменеджер», объединяющего сферы коммуникации и менеджмента. Новая мировая гегемония выстраивает собственную инфраструктуру – инфраструктуру «глобального информационного общества», которая продуцирует новый тип политики – «ноополитику», или «войну знаний», «информационную войну». Ведущим принципом доктрины гегемонии становится «глобальное информационное доминирование», которое переносит акцент с материального господства на гегемонию в политической культуре и через политическую культуру и оформляется в форме дискурса «морального водительства и превосходства». В настоящее время начался процесс смены вех «пространственного закрепления», который подрывает основы американского господства. Формируются новые «центры силы» в разных регионах мира. На роль «центров мирового развития» претендуют также Китай и Россия, которые оказываются в фокусе геополитического противостояния.

Ключевые слова: гегемония, империя, «центр силы», глобализация, «государство-предприятие», «национальное государство», информационное общество.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6774-7203>

Цитирование: Спиридонова В.И. (2019) Американский гегемонизм как современный «центр силы» // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 48–66.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

American Hegemony as a New “Center of Power”

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Original research paper

Abstract

The article discusses the problems of political domination of the United States as a global “center of power,” which is an intermediate condition between the empire and hegemony. The modern New Order in the form of globalization is the result of historical dynamics of territorial displacement of “centers of power.” This dynamics is methodologically revealed within the framework of the concept of “space fixation.” American leadership is unique. For the first time in the history a project of totally unipolar world is implemented. At the base of the American project is the “enterprise-state” model. The “enterprise-state” model is intended to replace the European model of development in the form of a “nation-state.” The American model generates a new type of leadership, which embodies the synthesis of the functions of ideology and economy in the enterprise. Media enterprises are becoming the leading structures in the society. The peculiar figure of an intellectual-“comanager” appears. It combines two areas, of communication and of management. The worldwide hegemony is building its own infrastructure that is the “global information society,” which produces a new type of policy – “noopolitics,” or “war of knowledge,” “information war.” The leading principle of the new perception of hegemony is “global information domination.” It shifts the focus from material domination to hege-

mony in political culture and through political culture. It takes the form of a discourse of “moral leadership and superiority.” The “milestones’ changing” in the process of “space fixation” has been starting now. It undermines the basis of American global superiority. New “centers of power” are emerging in different regions of the world. The status of the “centers of global development” is also claimed by China and Russia, which are in the midst of a geopolitical confrontation.

Keywords: hegemony, empire, center of power, globalization, enterprise-state, nation-state, information society

Valeria Spiridonova – D.Sc in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6774-7203>

Citation: Spiridonova V.I. (2019) American Hegemony as a New “Center of Power.” *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 48–66.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Введение

Парадигма Нового мирового порядка, победоносно шествовавшая по миру с 90-х годов XX в., переживает бесспорный кризис. Фактически речь идет о начале заката гегемонии Америки после Второй мировой войны, достигшей своего апогея в постсоветский период. Однако поскольку процесс далеко не завершен, существуют разные варианты интерпретации как условий возникновения данного феномена, так и конкретных его характеристик. При этом присутствуют попытки понять существующее положение дел в классических категориях империи и империализма, выдвигаются новые толкования теории гегемонии А. Грамши применительно к «Новому американскому веку», а также возникает ряд нетривиальных трактовок, которые предлагают в качестве инструмента исследования идею перманентного смещения глобального «центра силы». Концепция «центров силы» позволяет оценить долговременные параметры развития мировой системы, актуализируя философско-исторический ракурс проблемы, что предоставляет потенциальную возможность увидеть перспективы эволюции мира. В то же время эта теория не отказывается от дискурсов империи и гегемонии, а претендует на преемственное дополнение их положений. Она выдвигает тем самым достаточно целостную

картину тектонических геополитических сдвигов и очерчивает тенденции грядущего глобального движения.

Смещение «центров силы»

По свидетельству многих западных исследователей с конца 1970-х годов XX в. в западной и главным образом в американской политологической литературе стал все чаще появляться дискурс империи и империализма [Joxe 2002; Guerlain 2007; Steinmetz 2008; Vaicbourdt 2012]. В научном сообществе этот феномен рассматривается, в частности, в рамках концепции так называемой «пространственной фиксации» (*spatial fix*), сформулированной англо-американским социальным мыслителем Дэвидом Харви, преподавателем Лондонской школы экономики и политических наук, профессором Нью-Йоркского университета. В 2007 г. популярность работ Д. Харви оказалась настолько большой в научном сообществе, что он был включен в список самых цитируемых интеллектуалов в области гуманитарных и общественных наук по версии The Times Higher Education Guide. В теории «пространственной фиксации» (*spatial fix*) речь идет о геополитическом явлении территориального перемещения «центра силы» мирового сообщества, или «мирового центра развития», который последовательно «закрепляется» в различных географических точках земного шара, преследуя цель восстановления и коррекции мирового могущества после краха очередного международного очага политического доминирования.

Сам Д. Харви указывает на семантическую многозначность (полисемантичность) английского слова «fix», которая оказывается полезной для многогранности философского осмысления этого термина в политической науке [Harvey 2001]. Первое значение соответствует понятию закрепиться, зафиксироваться, что, собственно, и происходит в прямом смысле при перемещении мирового «центра силы» из одной географической координаты в другую. Вторая интерпретация представляется как выход из затруднительного положения путем «остановки» какого-либо негативного злокачественного процесса – его фиксации. Например, в случае болезненного состояния в медицине, после которого начинается переход к выздоровлению. Именно это и происходит при «фиксации» нового центра силы в новом месте, которое устраняет и преодолевает создавшийся кризис. Наконец, третье значение – это «исправление, починка, ремонт». Именно такой

процесс реализуется в случае образования нового «центра силы» – система мирового сообщества восстанавливается и возрождается через установление нового мирового порядка, новых правил игры и международных договоренностей между акторами на условиях вновь образовавшегося «центра развития».

Исторически первоначально такое средоточие всемирного влияния находилось в итальянских городах-государствах – Генуе и Венеции, которые долгое время соперничали между собой. Упадок их воздействия на мир сменился квази-имперским расширением «протогосударственного сообщества» нидерландских провинций. Это уже не были ограниченные пространства городов-государств. Через морские коммуникации они расширяли свое влияние и стремились к завоеванию центрального положения в ойкумене. Начался процесс формирования первой современной аутентично политической формулы государственности – «национального государства». Однако, как замечает Дж. Арриги, один из крупных представителей мир-системного анализа, Генуя не смогла стать гегемоном. Нисходящее торгово-экономическое и политическое развитие этих земель и их ослабление вызвало к жизни новую «пространственную фиксацию» мирового господства – островную Великобританию, которая впервые осуществила глобальный охват воздействия на человечество в форме *империи*. Одновременно выкристаллизовалась идея миссионерства и «цивилизационного превосходства и водительства» одного народа над другими. Британия стала не только страной, над которой никогда не заходило солнце, но и идеологически признанной «владычицей морей». Таким образом, она впервые реализовала поистине глобальный масштаб влияния и могущества, и одновременно продемонстрировала средство его достижения, «мягкую силу» той эпохи – заинтересованное глубокое исследование местности и народов, с которыми англичане входили в контакт. Кроме того, они обустроивали порты, подготавливая таким образом инфраструктуру для освоения территорий и акцентируя важность коммуникаций в глобальном завоевании мира.

С выходом на международную арену США как наследников предшествующих мировых «центров силы» связывают серьезные качественные изменения стратегии господства. Оно опирается на мощное милитаристское присутствие по всей планете в форме военных баз, а также финансовое доминирование. Эти формы однако все еще можно классифицировать как классические про-

явления имперскости. То радикально новое, что привносит с собой возвышение американского влияния, связано с переносом акцента на культурную составляющую доминирования. В этом отношении «американский век» являет собой промежуточное состояние между империей и гегемонией.

Открытый А. Грамши культурно-политический план гегемонии предполагает переход от радикального материального господства и завоевания к гегемонии в политической культуре и через политическую культуру. Проблемы руководства расширяются до уровня культурного верховенства, интеллектуального лидерства или морального превосходства. Гегемония как новая политическая стратегия поведения, в том числе и на международной арене, означает стремление представить свое доминирование как конкурентную форму политической культуры [Ерохов 2008]. Именно этим и отличается стратегия Америки, которая позиционирует себя как исключительную нацию, призванную принести миру неолиберальные ценности «демократии и свободы». Другой приметой классического колониального империализма было стремление к *материальному* господству над территориями, характерному для эпохи «национальных государств». Понятие «американский век» позволяет устраниваться от коннотации прямого «территориального захвата» и перенести акцент на глобальное универсальное влияние, характерное для власти как авторитета и гегемонии как «идейного водительства».

Стратегия «продвижения демократии» — это стратегия внешне гегемонистского типа, хотя цели, которые она преследует, остаются прежние — империалистические: захват новых зон влияния для выживания крупного капитала и выведения его из кризиса. Как показывает Джованни Арриги, проект «Нового американского века» с самого начала был настроен на полномасштабное мировое господство в пределах всей человеческой ойкумены. Составной и неотъемлемой частью этого плана было учреждение в конечном счете «мирового правительства» с центральной ролью в нем США [Arrighi 2014]. Предпочтительное использование словосочетания «американский век» вместо «империя» было изначально предназначено для того, чтобы завуалировать «территориальную логику власти» американского глобального проекта.

Такая позиция позволила сформулировать для «города и мира» имидж Америки как страны «исключительной и незаменимой» для сохранения безопасности и стабильности мирового порядка. Это составляет главное преимущество новой гегемонии перед

классической империей. И, действительно, империи, опираясь на прямое территориальное владение, открыты для сопротивления, в частности, со стороны аборигенов, которые рано или поздно начинают стремиться к независимости. К тому же огромный «территориальный груз» прямого правления приводит к материальному «перенапряжению». Империи, как свидетельствует история, рождаются, расцветают, приходят в упадок и гибнут. Мечта об «американском веке» подразумевала бесконечность и, тем самым, исключала какое-либо оспаривание американского господства.

Первой империей мирового масштаба, первым многонациональным государством с даннической империей по всему земному шару, подлинным «центром силы» стала Великобритания. Она смогла создать мировой баланс сил, осью которого неизбежно оставалась сама Британия, чей частный интерес стал «всеобщим» интересом для остальных частей мира – Европы и Америки. Ее положение подкреплялось тем, что после промышленной революции она превратилась в первую «мастерскую мира», а сопутствующая транспортная революция привела к тому, что Англия оказалась родоначальницей таких важных нововведений, как железные дороги и пароходы, превратившие мир в невиданную прежде единую и взаимосвязанную экономику [Арриги 2005].

Что касается следующего по времени «центра силы» – Соединенных Штатов, которые подхватывают эстафету мирового лидерства после Британии, то они представляют собой огромное национальное государство с подлинно общемировой системой, составленной на фундаменте транснациональных корпораций, военных баз и институтов мирового правления. Этот новый «центр силы» однако имеет в своей основе совершенно другой фундамент, нежели европейская модель развития. На место «национального государства» как матрицы мирового процесса приходит иная модель, которую современные авторы именуют «государством-предприятием». Этот паттерн лег в основание концепций «общества потребления», «массового общества», «консюмеризма» как главных направлений современного мирового социального движения, диктуемых в качестве особых «правил игры» новым центром силы – США.

Американское «государство-предприятие» как замещение европейского «государства-нации»

Как свидетельствует французский политический философ Пьер Мюссо, профессор информации и коммуникации в университете

Ренн-П, уже в первой половине XX столетия обозначилась тенденция смены привычной европейской парадигмы «государства-нации», составляющей прежнюю основу мирового порядка. В этот период началось формирование американского «Нового порядка», в основании которого лежит совершенно необычная категория «государства-предприятия», составляющего суть североамериканского административно-политического устройства.

Для европейского типа «государства-нации» было характерно доминирование «государственной идеологии», которая реализовывалась интеллектуалами, связанными с партийными структурами. Другими словами, речь шла о политической элите и о среднем эшелоне руководителей, которые тесно спаяны с классическими для Европы институциональными структурами. Известна формула производства такого типа гегемонии как «монополия государства на насилие». Это была форма преимущественно открытого, прямого принуждения. Американская модель административно-политического устройства постепенно вырабатывает иную форму властвования – гегемонии, которая воспроизводится через «предприятие». В современном мире она приобретает законченное выражение в лице так называемого «комменеджера» (неологизм, введенный П. Мюссо, который составлен из двух слов – «коммуникация» и «менеджер»). Он являет новый тип современного интеллектуала, или новой элиты, репродуцирующей гегемонию через идеологию «мягкой силы».

Такого рода интеллектуал нового типа обладает навыками убеждения, которые выходят далеко за пределы технологических функций, того, что называется «культурой предприятия». Помимо организационной ипостаси, он – специалист в области медиа технологий, маркетинга, финансов. Он направляет потоки информации, манипулирует символами и знаками. Подобные руководители считают себя «миссионерами» и «визионерами». Они продуцируют «верования», «ценности» и «смыслы», т.е. все то, что входит в сферу власти как гегемонии – разновидности косвенного принуждения. Этот тип современного «расширенного» интеллектуала получил преимущественное распространение в США, где формируется двойственная функция предприятия – экономико-идеологическая. Она распространяется как матрица на гражданское общество, на рыночную экономику, на государственный аппарат, на индивидуальную жизнь, на общество в целом. Подобный синтез, характерный для новой гегемонии «коммерциализации»

через массовую культуру, инициирует «процесс генерализации модели предприятия на все общество, что позволяет определить современную политическую американскую форму гегемонии как исходящую от предприятия-нации», – констатирует П. Мюссо [Musso 2007].

Исследователь замечает, что данную эволюцию отметил еще А. Грамши, который выделил три формы гегемонии с территориальной привязкой к Италии его времени. «Можно говорить, – писал он, – о трех итальянских столицах: Риме как административном центре государства буржуазного типа, о Турине как центре индустриального типа и о Милане как финансовом и коммерческом центре» [Musso 2007]. Выражаясь иначе, традиционная «римская» модель представлена элитой, связанными с аппаратом государства, «туринская» – с классическим типом элиты индустриального производства, а «миланская» являлась «архетипом» новой элиты, связанной с финансами, услугами и масс медиа.

В европейской модели гегемония продуцируется государственной бюрократией и традиционной партийно-бюрократической элитой. В современном американском обществе идеология исходит от предприятия и его менеджеров – таков американизм в его «естественном состоянии», констатирует П. Мюссо [Musso 2007].

«Редукция» национального государства идет по американскому сценарию создания Нового порядка, т.е. «Нового мира», который противостоит «Старому миру Европы», «Нового света» «Старому свету». Поскольку идеология может производиться непосредственно на «предприятии», в частности, «медиапредприятии», которое становится главным актором современного мира, аппарат государства оказывается излишним. Классическая европейская модель воспроизводила государство в качестве посредника между экономической основой общества и политической гегемонией. Американская модель позволяет «рационализировать» процесс и производить одновременно материальные блага и гегемонию. Политика и экономика сливаются, что составляет новую цивилизационную сущность США, которая перерастает в образец, «паттерн», распространяющийся не только на Старую Европу, но и на весь остальной мир.

Оппозиция американской и европейской модели проявляется в известном противопоставлении двух типов государственности – «слабого» американского государства (=«минимальное» либеральное государство) европейскому (=бюрократизированному).

Рождается модель американской «символической экономики», когда смыслы, ценности, идеалы, проекты общественного устройства (т.е., по совокупности, общественное сознание), иницируются медиа-**предприятиями**. Эта «символическая экономика» образует противовес европейской «символической политике», в которой подобная функция имеет самостоятельный государственный статус. Согласно традиционной гегелевской формуле, именно государство в Европе всегда было органом, посредством которого сообщество «мыслило». Транснациональные предприятия, одновременно соответствуя идеологии и распространяя ее на новые территории («завоеывая новые территории»), становятся новыми суверенами, вытесняя суверенитет «прежнего образца» – суверенитет государства.

Концепт «американизма» актуализируется в современном понятии «голливудизма», который делает очевидным слияние культурной гегемонии и политики. «Голливудизм» – это дискурс «символической экономики». Он выполняет двойственную функцию, ибо, с одной стороны, распространяет американский образ на другие страны, завоевывает новые территории, а, с другой стороны, капитализирует его, делает американский образец новым идеалом и проектом. Символической фигурой «голливудизма» в этом отношении признается Билл Гейтс, который претендует на то, чтобы формулировать «новый проект» мирового бытия, указывать «дорогу в будущее». Он называет себя главным актором новой грядущей цивилизации – цивилизации цифры и Интернета, создающей новый Ренессанс, в котором он призван исполнить роль нового Леонардо. Свое место в конструировании грядущего мира он определяет даже не как миссию, а как творца новой религии. Он – типичный «менеджер-пропагандист как внутри, так и вне предприятия Майкрософт» [Musso 2007], замечает П. Мюссо, анализируя высказывания Билла Гейтса. «Голливудизм», таким образом, реализует «тихий» подрыв старой власти традиционного национального государства – процесс, который замечательно вписывается в концепцию А. Грамши о «позиционной войне», приходящей на смену прямому лобовому столкновению военного типа для завоевания территории противника.

Одновременно с распространением американского проекта «государства-предприятия» мы наблюдаем «вырождение» политики, прежде всего в европейском ареале. «Мы живем в эпоху, когда власть заявляет о своем собственном исчезновении»

[Legendre 1999, 64], пишет Пьер Лежандр, французский историк права. В этом плане символичной является фигура нового президента Америки Д. Трампа, который пришел в политику непосредственно из бизнеса, констатируя тем самым слияние предприятия и политики, фигур предпринимателя и политика. Он не является ни профессиональным политиком, ни партийным функционером, как это было принято в традиционной европейской модели.

Активная фаза планетарного распространения нового для мира американского паттерна наметилась в 1970-е гг. и проходила под внешней личиной «продвижения демократии». Знаменательно, что вероятность такой перестройки предполагал А. Грамши еще в 20-х гг. XX в., когда писал, что «Америка с ее подавляющим экономическим перевесом, скорее всего, *косвенным путем* принудит Европу перевернуть ее привычное социально-экономическое бытие» [Selection 1999]. Более того, методология реализации этого процесса, как это ни парадоксально, опирается сегодня на понятие, введенное в оборот политической науки итальянским философом. Речь идет о концепции «пассивной революции». Развитие отдельных положений этой теории составило сущность тех косвенных методов разрушения «культурного ядра» других стран, который прокладывает путь к «новой исторической эпохе» – американской. В частности, на положениях этой теории основано известное «руководство» по организации «оранжевых революций» – книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения», изданная в США 1993 г. Именно этот процесс мы ныне наблюдаем, хотя именуем его иным термином – «цветная революция».

А. Грамши считал, что подрыв основ существующей власти происходит «молекулярным путем», через постоянное, многократное повторяемое, почти неосоздаемое воздействие на общественное сознание обычных людей, через каждодневную трансформацию их мнений, суждений, настроений. Для этого используются масс медиа и информационное пространство в целом, в котором транслируется «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» [Кара-Мурза 2006].

Неудивительно, что эта теза составляет фундамент, более того, подготавливает инфраструктуру для беспрепятственного движения к мировой гегемонии.

«Информационное общество» как инфраструктура мировой гегемонии

Одна из интерпретаций теории пространственной фиксации капитала Д. Харви указывает на прямое, буквально физическое, его «закрепление», «закапывание» в землю. Речь идет о созидании инфраструктуры, которая необходима для функционирования самого капитала. В зависимости от стадии технологического развития, в разные периоды истории таким имmobileльным фундаментом были порты, железные дороги, аэропорты, газопроводы, оптоволоконные кабели. В целом же, «закрепление» в инфраструктуре, соответствующей определенной технологической эпохе, например, сегодня – в виде «информационной революции», подготавливает почву для закрепления самого «центра силы» или его власти на глобальном уровне. «Информационная инфраструктура» формирует то самое гомогенное пространство, которое необходимо для беспрепятственного функционирования этого центра.

Исторически каждому новому географическому смещению мирового «центра силы» соответствовала трансформация коммуникационной основы, которая связывает пространство воедино. Господство Венеции и Генуи ограничивалось Средиземноморьем. Переход власти к Нидерландским провинциям совпал с расширением морского владычества благодаря эпохе Великих географических открытий. Однако подлинное мировое господство впервые выпало на долю Британии, которое подкреплялось индустриальной революцией, давшей миру качественно новые коммуникационные возможности из-за открытия беспроводной связи. Наконец, последнее по времени глобальное доминирование – США – опиралось на цифровую революцию, которая включила в зону своего влияния все стороны общества, образуя новую его разновидность – «информационное общество».

Возвышение Британии совпадает с архитектурой коммуникационных потоков XIX века, которая выстраивается по образу и подобию иерархизированной структуры британского мирового пространства. С развитием телеграфа сооружается сеть подводных телеграфных кабелей, все нити которой сходятся в одном центре – Лондоне, столице Викторианской империи, проложив-

шей свою первую подводную кабельную нить между Дувром и Кале в 1851 г. и закончившей опоясывать земной шар в 1902 г. благодаря транстихоокеанскому коммуникационному каналу. Восточная телеграфная компания Англии приобретает таким образом монополию на мировые коммуникации, а все великие державы того времени вынуждены обращаться к ней за посредничеством в этой области. Непосредственным следствием такого положения дел становится стратегическое преимущество внешней политики Великобритании.

Тот же процесс происходит полтора века спустя, когда мировой «центр силы» смещается в Америку. Место подводной телеграфной связи занимает Интернет-сеть. Глобализация сетей перестраивает пространство-время, принимая эстафету от эры английской «промышленной революции» и передавая ее «глобальному информационному обществу» [Mattelart 2014]. Окончание «холодной войны» и распространение Интернета формируют новую конфигурацию сети, которая соответствует геостратегическому мышлению американских военных и дипломатов и новому образу мировой гегемонии. Ключевыми условиями для навязывания политической повестки дня другим странам становятся, с одной стороны, методы «кибервойны» и «хирургических ударов», а с другой стороны, «мягкая сила», которая основана на контроле над всеми звеньями информационного комплекса. Выстраивается технократический проект «глобального информационного общества».

Как показывает Арман Маттелар, франко-бельгийский социолог, автор крупных исследований в области культуры и коммуникаций, «информационное общество» представляет собой искусно сконструированную категорию, причем безо всякой «ратификации» со стороны граждан [Société 2006]. Первоначально представлялось, что беспрепятственное циркулирование информации может стать гарантом нового образа жизни – транспарентного и децентрализованного. Именно такие иллюзорные надежды питал «отец» кибернетики Норберт Виннер, предоставляя человечеству новый ресурс, по ценности сродни невиданным доселе природным ископаемым, – информацию, которая должна была породить новый промышленный переворот, новую «промышленную революцию». Однако «холодная война» положила предел подобным эмансипаторским надеждам. Уже с 1947 г. исследования и разработки новых информационных технологий целиком и полностью оказываются на балансе Пентагона, обе-

спечивая в итоге взлет IT-технологий в качестве материальной базы военно-стратегического сектора. Первая телематическая система была внедрена в 1955 г. в сфере американской обороны воздушного пространства. С этого момента категория «информационного общества» начинает выстраиваться как опора новой гегемонистской идеологии.

Ведущим принципом новой доктрины гегемонии становится «глобальное информационное доминирование», которое сопровождается дискурсом кибервойны как «чистой войны», «войны с нулевой смертностью», войны, оперирующей «хирургическими ударами» и влекущей «сопутствующий ущерб». Для ее обозначения стратегиями сетевой войны даже разрабатывается специальный термин – «ноополитика», или «война знаний» (*la poopolitique, la guerre de la connaissance*) [Société 2006]. Проект «информационного общества» окончательно оформляется как «проект глобального информационного общества». Его радикальная новизна заключается в тотальном характере контроля, а информационная война превращается в средство борьбы с новым глобальным врагом. Значительно расширяется сфера компетенции пропаганды, манипуляций, медиа-лжи. Искаженная информация распространяется через репортажи, транслируемые по национальным телевизионным каналам, усиливается коррупция журналистов, подавление общественных дискуссионных пространств. Именно эта стратегическая доктрина сохранения культурной гегемонии получила название «мягкой силы».

В условиях, когда мировое господство, скрывая свою империалистическую сущность, предпочитает называться гегемонией, «информационное общество» как культурологическая сублимация его материальной инфраструктуры становится в оппозицию политическому суверенитету, становится антитезой мирового суверенитета. Ранее границы суверенитета определялись в рамках права, инструментами воздействия на него были договоры и международные институты. В процессе глобализации появились новые акторы (например, ТНК), для которых суверенитет государств является помехой, и они пытаются ему противодействовать. К настоящему времени в один ряд с этими акторами встало информационное воздействие и само «информационное общество» как его производное.

Если прежде суверенитет соотносился с военным могуществом, то сегодня таким оружием становится «информация». В основе всякого успешного действия лежит правильное знание

о ситуации. Превратное понимание ситуации ведет к ошибочным поступкам и в конечном счете к зависимости и подчиненности в международной расстановке сил. Соответственно, «информационное общество» превращается не в область «свободного взаимодействия» как его пытаются представить массовому сознанию, а «полем боя», исходом которого определяется независимость и самоидентификация народов.

В этом отношении симптоматичны те изменения, которые претерпел в процессе своей эволюции смысл базового понятия «информационного общества» – концепта «информации». Французский аналитик Эрвэ Бюрдэн сопоставил дефиниции информации, которые последовательно давались в двух изданиях такого авторитетного источника как Словарь французской Академии – в 1932–35 гг. и в 1998 г. В итоге кропотливого исследования выяснилась интересная деталь. Старое издание, при всех нюансах, однозначно связывало интерпретацию информации с понятиями «истины» и «знания». В 30-х годах XX века информация рассматривалась как «изыскания, которые производятся с целью получения истинного знания о вещах, поведении и нравах» [Burdin 2010]. По свидетельству этого словаря, в области юриспруденции информация также воспринималась как условие установления истинного положения дел через расследование с обязательным **предоставлением весомых доказательств**, чтобы избежать любых домыслов и искажений.

Современное издание отличается прежде всего немислимым ранее по масштабам расширением толкования информации, которое далеко выходит за пределы юридического поля. В правовом пространстве глагол «информировать» (informer) употребляется редко, его заместил глагол, который по значению ближе к понятию «инструктировать» (instruire). Добавляются аспекты медийный и научно-технологический, связанные с кибернетикой и биологией. Информацию не «ищут», ее «дают» или «добывают». Этимология слова «информировать» поясняется как «формировать, представлять, придавать форму», что полностью лишает это понятие нейтральности, какая имела ранее. Субъект, ищущий истину, превращается в **объект информирования**. При этом, слово «истина» исчезает полностью. Ни в одном из значений – бытовых, правовых, медийных, цифровых – оно не фигурирует. Эта коннотация полностью изымается из лексики и употребления. Сегодня речь идет не о поиске «истины», а о «сборе данных» об

объекте. Абсолютный принцип уступает место относительному, релятивизируется. Субъектность исчезает, ее место занимают два полюса – распространитель информации и получатель, эмитент и реципиент (*émetteur et récepteur*).

В информационной политике появляется такая идея как формирование «относительно гомогенного габитуса», который генерирует у индивидов одинаковые и независимые от их национальной принадлежности знания, способности, навыки и действия. Выкристаллизовывается система «экзовоспитания» (*un système «exoéducatif»*) [Ferry 1998] – «внешнего воспитания», призванного вывести человека за пределы его родной культурной среды.

Ядро этой системы сегодня составляет «медиа культура» (*culture médiatique*), которую продуцируют ТВ и киберпространство. Ее призванием является широкое, желательно планетарное, пространство так называемых «глобальных стилей жизни» (*global lifestyles*), которые, по сути, есть калька с американских образцов. Как отмечают исследователи, эта новая «медиакультурная» культура радикально отличается от традиционной европейской, которая была по преимуществу письменной культурой, культурой книги и текста. Она призвана разрушить эту традиционную культуру, которая составляла фундамент европейских наций. Отсюда стратегическая важность расширения аудиовизуального пространства и, соответственно, практик «информационного общества». Данная стратегия получила наименование «супранациональной», наднациональной стратегии интеграции населения. Понятно, что она не может и не ставит своей целью достичь подлинной солидарности в обществе. Уважение культурно-национальных образований в ней – чисто риторическое, а ее истинное намерение – создание сверхцентрализованного мирового сообщества с единым управленческим центром.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что американское лидерство уникально не только потому, что впервые в истории возник проект целиком однополярного мира с претензией на поистине глобальное влияние, но и то, что впервые на одном полюсе мира был сосредоточен очень большой спектр лидерства – экономический, финансовый, политический, военный, технологический, идеологический, культурный.

Сегодня, однако, идет процесс противоборства между американским глобальным доминированием и новыми игроками на

международной арене, в первую очередь Китаем и Россией. Симптоматично при этом, что в ходе развития Китай придает приоритетное значение учреждению независимой информационной инфраструктуры. Огромные усилия прикладываются для полного и всестороннего освобождения от любого импортного программного обеспечения.

Таким образом, мы являемся свидетелями начала процесса смены вех «пространственного закрепления». Китай становится не только географически новым эффективным производственным регионом, но и, вероятно, новым или одним из новых «центров силы», «центров мирового развития», в перспективе призванных заместить господство США. В то же время, идут бурные цивилизационные подвижки в южно-азиатских, ближневосточных и южно-американских регионах, а также на огромном пространстве российского государства-цивилизации. Однако абрис нового мирового порядка и принципы его построения пока окончательно неясны. Очевидно одно – Россия, как и Китай, оказалась в эпицентре главного противостояния нового столетия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арриги 2005 – *Арриги Дж.* Утрата гегемонии – II // Прогнозис. 2005. № 3(4). С. 6–36. – URL: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf

Ерохов 2008 – *И.А. Ерохов.* Грамшианская теория гегемонии в перспективе современной социально-политической критики. Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_1/5.pdf

Кара-Мурза 2006 – *Кара-Мурза С.Г.* Революции на экспорт. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. – URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/192097-teoriya-molekulyarnyh-revoluciy-antonio-gramshi.html>

Arrighi 1999 – *Arrighi G., Silver B.* Chaos and Governance in the Modern World System. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Arrighi 2014 – *Arrighi G.* Le début de la fin de l'hégémonie américaine // *Agone*. 2014. No. 3. P. 65–110. – URL: <https://www.cairn.info/revue-agone-2014-3-page-65.htm>

Burdin 2010 – *Burdin H.* Souveraineté et information // *Prospective et stratégie*. 2010. No. 1. P. 127–144. – URL: <https://www.cairn.info/revue-prospective-et-strategie-2010-1-page-127.htm>

Ferry 1998 – *Ferry J.-M.* Identité postnationale et identité reconstructive // *Toudi mensuel*. 1998. No. 11. Mai. – URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive>

Guerlain 2007 – *Guerlain P.* Le retour du discours impérialiste aux États-Unis // *Revue française d'études américaines*. 2007. No. 3. P. 5–25.

Harvey 2001 – *Harvey D.* Globalization and the “Spatial Fix.” January, 2001. – URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-bp/frontdoor/deliver/index/docId/2251/file/gr2_01_Ess02.pdf

Joxe 2002 – *Joxe A.* L’empire du chaos // *Revue du MAUSS*. 2002. No. 2. P. 171–177.

Legendre 1999 – *Legendre P.* Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques. – P.: Fayard, 1999.

Mattelart 2014 – *Mattelart A.* Mais qui contrôle les réseaux ? // *Le Monde diplomatique*. – P. 2014. Septembre. – URL: https://www.monde-diplomatique.fr/publications/manuel_d_histoire_critique/a53290

Musso 2007 – *Musso P.* Pour une critique du « capitalisme informationnel » // *Nouvelles Fondations*. 2007. No. 2. P. 110–122. DOI: 10.3917/nf.006.0110. – URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm>

Selection 1999 – Selection from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. – London, 1999. – URL: <http://abahlali.org/files/gramsci.pdf>

Société 2006 – Société de la connaissance, société de l’information, société de contrôle. Entretien avec Armand Mattelart // *Cultures & Conflits*. 2006. No. 64. P. 167–183. – URL: <http://journals.openedition.org/conflits/2051>

Steinmetz 2008 – *Steinmetz G.* Empire and domination mondiale // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. No. 1. P. 4–19.

Vaicbourdt 2012 – *Vaicbourdt N.* L’empire de la Liberté ou le déni d’Empire américain // *Monde(s)*. 2012. No. 2. P. 67–77.

REFERENCES

Arrighi G. (2005) Loss of hegemony-II. *Prognosis*. No. 3 (4). P. 6–36 Retrieved from http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf (in Russian).

Arrighi G. & Silver B. (1999) *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Arrighi G et al. (2014) Le début de la fin de l’hégémonie américaine. *Agone*. 2014. No. 3, pp. 65–110. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-agone-2014-3-page-65.htm>.

Burdin H. (2010) Souveraineté et information. *Prospective et stratégie*. No. 1, pp. 127–144. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-prospective-et-strategie-2010-1-page-127.htm>.

Ferry J.-M. (1998) Identité postnationale et identité reconstructive. *Touidi mensuel*. No. 11. Mai. Retrieved from <http://www.larevuetouidi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive>

Guerlain P. (2007) Le retour du discours impérialiste aux États-Unis. *Revue française d’études américaines*. No. 3, pp. 5–25.

Erokhov I.A. (2008) Gramscian theory of hegemony in the perspective of contemporary socio-political criticism. In: *Political and Philosophical*

Yearbook 2008. No. 1. Retrieved from https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/pppy_1/5.pdf (in Russian).

Harvey D. (2001) *Globalization and the "Spatial Fix."* Retrieved from https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-bp/frontdoor/deliver/index/docId/2251/file/gr2_01_Ess02.pdf

Joxe A. (2002) L'empire du chaos. *Revue du MAUSS*. No. 2, pp. 171–177.

Kara-Murza S.G. (2006) *Revolution for Export*. Moscow: Exmo, Algorithm. Retrieved from <https://oko-planet.su/politik/politiklist/192097-teoriya-molekulyarnyh-revoljuciy-antonio-gramshi.html> (in Russian).

Legendre P. (1999) *Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques*. Paris: Fayard, 1999.

Mattelart A. (2014) Mais qui contrôle les réseaux ? *Le Monde diplomatique*. P. Septembre. Retrieved from https://www.monde-diplomatique.fr/publications/manuel_d_histoire_critique/a53290

Musso P. (2007) Pour une critique du « capitalisme informationnel ». *Nouvelles Fondations*. 2007. No. 2, pp. 110–122. DOI: 10.3917/nf.006.0110. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm>

Gramsci A. (1999) *Selection from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. London, 1999. Retrieved from <http://abahlali.org/files/gramsci.pdf>

Société de la connaissance, société de l'information, société de contrôle. Entretien avec Armand Mattelart (2006) *Cultures & Conflits*. No. 64, pp. 167–183. Retrieved from <http://journals.openedition.org/conflits/2051>.

Steinmetz G. (2008) Empire et domination mondiale. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. No. 1, pp. 14–19.

Vaicbourdt N. (2012) L'empire de la Liberté ou le déni d'Empire américain. *Monde(s)*. 2012. No. 2, pp. 67–77.

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философская мысль:
рецепция и интерпретация**Акт воли как предельное основание
классической рациональности***Б.И. Липский**Институт философии Санкт-Петербургского Государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматривается идеал классической рациональности и формулируются три его фундаментальных основоположения: 1) все, происходящее в мире осуществляется в соответствии с жесткими закономерностями строго и точно описываемыми языком математики; 2) эти закономерности носят универсальный характер, поскольку действуют одинаковым образом во всех, без исключения областях Вселенной; 3) универсальность этих закономерностей имеет не только пространственный, но и временной характер, поскольку они всегда действовали, действуют и будут действовать одинаково. Первое из этих положений вводится Р. Декартом, который в своих «Рассуждениях о методе» утверждает, что «все воспринимаемое нами весьма ясно и вполне отчетливо — истинно». Второе положение вводит И. Ньютон, утверждая, что законы механического взаимодействия проявляются совершенно одинаково во всей Вселенной. Третье из основоположений вводится Ч. Лайблем, утверждавшим неизменность и вечность закономерностей «естественной истории». Таким образом, идеал научной рациональности, опирается на ряд интенциональных утверждений, выражающих твердую веру в определенную систему мироустройства. И хотя сами основоположники традиции осознавали предположительный характер своих утверждений, их последователи забывают об априорном характере этих основоположений, принимая парадигмальные установки за «саму действительность». Действительная история скорее выступает как периодическое переосмысливание

тех субъективных условностей, верований и конвенций, которые человек той или иной эпохи применяет и утверждает для объяснения самому себе и оправдания перед другими людьми замыслов и мотиваций своих решений и действий.

Ключевые слова: волевое решение, Вселенная, закономерность, мировой порядок, научная рациональность, объективность, природа, реальность, субъективность, Универсум.

Липский Борис Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского Государственного университета.

lipsky@list.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3621-3975>

Цитирование: Липский Б.И. (2019) Акт воли как предельное основание классической рациональности // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 67–88.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

The Act of Volition as an Ultimate Principle of Classical Rationality

B.I. Lipsky

*Institute of Philosophy of the Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

Original research paper

Abstract

The author, considering an ideal of classical rationality, reveals three its fundamental premises: 1) everything, occurring in the world, is carried out according to rigid laws strictly and precisely described by mathematical language; 2) these laws have universal character and operate in the same manner without an exception everywhere in the Universe; 3) an universality of these laws has not only spatial but also time character as these laws always operated, operate and will operate. The first of these premises was introduced by R. Descartes, which into the *Discourse On Method* asserts that “a thing is clearly and distinctly perceived that it is of itself true.” The second premise is rooted in I. Newton’s statement that the laws of mechanical interaction act absolutely in the same manner in all the parts of the Universe. The third premise is introduced by C. Lyell, arguing an invariance and eternity of laws of “natural history.”

Thus, the ideal of scientific rationality is based on a number of volitional statements that express strong belief in a certain model of the world order. Though founders of this scientific tradition realized the conditional character of these statements, their followers not always take into consideration their presumable nature and accept the paradigmatic statements as the “reality itself.”

Keywords: nature, volition, objectivity, reality, scientific law, scientific rationality, subjectivity, Universe, world order.

Boris Lipsky – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Ontology and Epistemology at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

lipsky@list.ru

<http://orcid.org/0000-0003-3621-3975>

Citation: Lipsky B.I. (2019) The Act of Volition as an Ultimate Principle of Classical Rationality. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 67–88.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-67-88

1. Акт воли как утверждение идеалов новоевропейской рациональности

Идеал классической рациональности опирается на три фундаментальных основоположения:

– убежденность в том, что все происходящее в мире осуществляется в соответствии со строгими закономерностями, точно однозначно описываемыми языком математики;

– твердая уверенность в том, что закономерности эти носят универсальный характер, поскольку действуют во всех без исключения областях Вселенной;

– признание не только пространственного, но и временного характера этих закономерностей, поскольку предполагается, что они действуют всегда одинаковым образом.

При этом классическая наука считает, что перечисленные основоположения относятся не только к нашим познавательным установкам, но и к самой по себе действительности, которая понимается как «объективная реальность», существующая совершенно независимо от субъективных установок познающего мир человека. Однако попробуем последить историю формирования этих установок.

В изданных в 1637 г. «Рассуждениях о методе» Декарт пишет: «Я решил (курсив мой. – Б. Л.), что могу принять за общее правило, что всё, воспринимаемое нами весьма ясно и вполне отчетливо – истинно» [Декарт 1950, 283]. Это означает, что одно из самых

фундаментальных основоположений классической рациональности опирается на субъективное решение вполне конкретного человека – Рене Декарта. В «Метафизических размышлениях» (1641), поясняя вводимое им определение истины, он утверждает: «Все вещи, познаваемые нами ясно и отчетливо (*distinctement*), и на самом деле таковы, как мы их познаем» [Декарт 1950, 331]. Под ясностью и отчетливостью знания Декарт предлагает понимать его математическую обоснованность: «...они (вещи, воспринимаемые ясно и отчетливо. – *Б. Л.*) могут существовать, поскольку их рассматривать как объекты математических доказательств (курсив мой. – *Б. Л.*), ибо таким путем я понимаю их весьма ясно и отчетливо» [Декарт 1950, 389]. И, наконец, переходит к самому радикальному из своих утверждений: «Только в силу того, что я находил невозможным без противоречия понять какую-либо вещь, я заключал, что Бог не в состоянии ее произвести» [Декарт 1950, 389]. Так волевым решением Декарта математике приписывается статус не просто универсального языка описания действительности – она превращается в верховную инстанцию, предписывающую Богу, что Он может, и чего не может произвести.

В результате волевого решения Декарта Вселенная обретает черты тщательно выверенной математической конструкции, в которую даже ее Создатель уже не может внести никаких изменений, если они противоречат законам логики и математики. Так математизированное естествознание провозглашается верховным арбитром в вопросах бытия и небытия. Именно ему приписываются теперь полномочия, которыми до этого безраздельно владела церковь. В основание претензий науки на решение проблем, которые прежде составляли неотъемлемую прерогативу Бога, полагается твердая субъективная убежденность естествоиспытателей в том, что именно законы логики и математики, пронизывая всю Вселенную, объединяют ее в единую целостную систему.

Человек Средневековья – твердо уповал на то, что мировой порядок был единожды установлен и постоянно поддерживается благодаря неустанной заботе Творца. Мир Нового времени представляется лишенным постоянного заботливого внимания Создателя. В этом мире господствует безличный механический автоматизм, а все события осуществляются согласно наперед установленным жестким законам, изменить которые не может даже Тот, кто их однажды установил. Таким образом, можно констатировать, что «сама природа как каузальный порядок буквально создается в процессе становления науки» [Липский 2009, 80], возникновение которой обусловлено ради-

кальным изменением наиболее фундаментальных онтологических установок и представлений о господствующем в мире порядке.

Следующий шаг к тотальной рационализации бытия делает Исаак Ньютон, труды которого утверждают единство касающейся взаимодействия земных тел механики Галилея и описывающей перемещения астрономических объектов небесной механики Кеплера. Ньютон исходит из того, что движение земных тел и движение планет, которые, как полагали Галилей и Кеплер, подчиняются различным закономерностям и, следовательно, описываются разными математическими формулами, в действительности представляют лишь частные случаи проявления единого универсального закона всемирного тяготения. Благодаря введению Ньютоном этого абсолютно универсального закона именно *всемирного* тяготения, «на смену античной концепции Космоса как иерархически упорядоченной системы приходит фундаментальная для науки Нового Времени идея Универсума, порядок которого представляется абсолютно одинаковым для всех без исключения областей Вселенной» [Липский 2009, 80].

Выдвижение на место берущей начало еще в Античности концепции иерархически организованного Космоса новой идеи повсеместно одинакового Универсума радикально меняет наиболее фундаментальные представления о принципах организации мирового порядка. Вертикально ориентированный мир Античности и Средневековья с его кардинальной противопоставленностью горнего и дольного уступает место повсюду одинаковому, «плоскому» естественно-природному миропорядку, для которого наиболее значимой становится уже не пространственная, а временная противопоставленность старого и нового.

В этой вновь открывшейся перспективе формируются совершенно новые представления о факторах способствующих повышению или понижению ценности метафизических идей, теоретических конструкций и промышленных технологий. Если в античном и средневековом мирах ценность подобного рода культурных образований связывалась с верностью традиции и считалась тем более застуживающей уважения, чем дальше вглубь веков уходили корни этой традиции, то в эпоху Нового времени сама новизна вновь возникающего культурного феномена начинает рассматриваться как фактор, повышающий его ценностное значение.

Известно, что сам Ньютон был глубоко верующим человеком и разрабатывал систему «натуральной философии», стремясь подвести естественнонаучную базу под собственные религиозные воззрения, а свои «Замечания на книгу пророка Даниила и

Апокалипсис св. Иоанна» считал не менее значимой работой, чем «Математические начала...». Не случайно, характеризуя великого современника Дж. Локк отмечал: «Ньютон действительно замечательный ученый и не только благодаря своим поразительным достижениям в математике, но и в теологии и благодаря своим большим знаниям в священном писании, в чем мало кто может с ним сравняться» [Вавилов 1961, 181].

В «Общем поучении» – приложении к знаменитым «Математическим началам натуральной философии» (1687) – Ньютон замечает: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа. *Если* (курсив мой. – Б. Л.) и неподвижные звезды представляют центры подобных же систем, то все они, будучи построены по одинаковому намерению, подчинены и власти Единого... Сей управляет всем не как душа мира, а как властелин вселенной и по господству своему должен именоваться Господь Бог вседержитель (пантократор)... Он установил пространство и продолжительность... любая частица пространства существует всегда и любое неделимое мгновение длительности существует везде...» [Ньютон 2008, 659–661].

Таким образом, универсальное значение физических законов для всех без исключения пространственных областей Вселенной выводится из единства воли и власти «могущественного и премудрого существа», которое не черпается из эмпирического опыта, а в свою очередь утверждается «волей и властью» сэра Исаака Ньютона. И с этим утверждением как-то трудно согласовывается находящееся двумя страницами ниже знаменитое: «...гипотез же я не измышляю».

В «Основных началах геологии» (1830–1833) Чарльза Лайеля представлено третье из основоположений классической науки, утверждающее неизменность и вечность закономерностей «естественной истории». Кстати, сам Лайель не имел специальной геологической подготовки. Юрист по образованию, он занимался геологией как любитель. Это обстоятельство заставляет нас обратить внимание на то, что иногда наиболее фундаментальные основоположения даже таких, казалось бы, сугубо эмпирических наук как геология, устанавливаются не в результате индуктивного обобщения опытных данных, а формулируются как априорные принципы, не вытекающие из эмпирического опыта, а, наоборот, составляющие основу его организации.

Идея актуализма, полагаемая Лайелем в основу его геологической концепции, самим автором кратко выражена следующим образом:

«В течение веков, созерцаемых геологией, не было никакого перерыва в длительности одних и тех же постоянных законов изменения... и, согласно с такими же началами, следует ожидать повторения подобных изменений во времена грядущих» [Ляйель 1866, 69]. Это утверждение означает, что изменения, которые наблюдались геологами в течение максимум нескольких сотен лет, с незапамятных времен происходили и впредь будут происходить по тем же самым законам, действие которых обусловлено факторами, действовавшими в этот краткий (по сравнению с историей планеты) период.

Эмпирический опыт, которым располагала геология, распространялся, в лучшем случае, не далее, чем на несколько столетий, и, следовательно, утверждение Лайеля есть не что иное, как предположение о неизменности физических законов, действующих сегодня точно так же, как действовали они в незапамятные времена. При этом сам он прекрасно отдает себе отчет в его предположительном характере: «Ход природы, очевидно, остается без изменений, и мы подобным же образом можем *предполагать* (курсив мой. – Б. Л.), что общие условия земного шара, непосредственно перед тем периодом и после того периода, когда человеческий род начал свое существование были те же самые» [Ляйель 1866, 170–171].

По своему содержанию идея актуализма близка к декартовой мысли о постоянстве законов, установленных Богом при сотворении мира, хотя всякое упоминание о Нем уже исключается, а характеристики постоянства приписываются самой природе. Лайель утверждает, что все естественно-природные процессы на Земле протекают единообразно и действуют непрерывно, поэтому даже самые значительные изменения облика планеты могут происходить (и действительно происходят) в результате постепенного суммирования незначительных проявлений этих процессов в течение долгого (с точки зрения современников Лайеля, невообразимо долгого!) времени.

Признание принципа актуализма позволяет исследователю, зная, например, скорость осаждения взвеси, рассчитать время, необходимое для образования многометровых толщ пластов осадочных пород. В результате таких вычислений происходит расширение временных границ бытия мира с библейских 5–6 тысяч до миллионов и миллиардов лет. Геологи, – говорит Лайель, – «неправильно истолковывавшие признаки последовательности событий, считали столетиями там, где цифры означали тысячелетия и тысячелетиями там, где язык природы означал миллионы» [Ляйель 1866, 73].

Влияние идеи лайелевского актуализма испытали на себе не только ученые, но и самая широкая «образованная публика». По свидетельству современника, дорогие сочинения по геологии раскупались быстрее популярных романов Вальтера Скотта, а выступления известных геологов собирали аудитории количественно сопоставимые с посетителями современных рок-концертов. Так на серию бостонских лекций Лайеля в 1841 г. было куплено 4,5 тыс., а на ньюкастлские лекции проф. Седжвика более 3 тыс. билетов.

Историческое значение лайелевского актуализма вполне сопоставимо и с декартовой идеей о математическом характере естественно-природных закономерностей, и с ньютоновской концепцией Универсума. Сформулированная в геологии, эта идея быстро приобретает не просто общенаучный, но и мировоззренческий характер. Можно сказать, что эволюционные взгляды Лайеля определили развитие всего естествознания второй половины XIX века, и не только прочно утвердились в сфере геологии, но и вышли далеко за ее пределы. Кстати, Чарльз Дарвин, с именем которого прочно связывается эволюционизм в классической науке, начиная свою научную карьеру как геолог, вполне мог быть знаком с идеями лайелевского актуализма, влияние которого на его современников было поистине огромным.

Таким образом, обратившись к истории формирования фундаментальных основ новоевропейской науки, мы можем констатировать, что идеал научной рациональности, в конечном счете, опирается на ряд волевых решений, выражающих твердую веру их авторов во вполне определенную систему мироустройства. При этом сами основоположники традиции, совершая свой выбор в пользу именно этой системы, вполне осознавали его *предположительный* характер, в то время как их последователи, действующие в рамках уже ставшей привычной парадигмы, как это обычно и случается, забывали о ее априорном характере, принимая парадигмальные установки за «саму действительность».

Итак, новоевропейский идеал рациональности формируется и утверждается в ходе достаточно долгого, но, тем не менее, революционного процесса радикального пересмотра представлений о принципах организации господствующего в мире порядка [См.: Липский 2009, 80]. В этом отношении, можно констатировать, что формирование новоевропейского образа природы как целостной, внутренне связанной, безличной механической конструкции, насквозь пронизанной системой жестких и однозначных каузальных отношений, осуществляется в процессе становления классической науки. Само же ее

возникновение знаменует кардинальный пересмотр наиболее характерных для Античности и Средневековья онтологических постулатов, касающихся базовых представлений о формах и способах упорядоченности объектного мира. Причем, утверждение этих постулатов осуществляется отнюдь не на основании индуктивного обобщения вновь обнаруживаемых эмпирических фактов. Оно опирается на волевые акты вполне определенных личностей, выступающих в качестве общепризнанных творцов новоевропейской науки. Однако давайте посмотрим, не обнаруживаются ли подобного рода волевые решения внутри самой классической науки?

2. Волевые решения в развитии математического естествознания

В содержании классической науки, с самого момента ее возникновения можно выделить две расходящиеся линии, различие между которыми сохраняется и по сей день. Это, так называемые, «континентальная» и «островная» традиции. Первая представлена французской и германской, вторая – преимущественно британской школами. Среди основных расхождений между ними следует отметить различное понимание гносеологического значения причинно-следственных отношений.

Так, например, представляющий «континентальную» школу Лейбниц утверждает: «Всякое полное действие репрезентирует [свою] полную причину, поскольку из познания этого действия я всегда могу прийти к познанию его причины» [Лейбниц 1984, 109]. Представитель конкурирующей «островной» традиции Юм, напротив, выражает твердую убежденность в прямо противоположном: «...действие есть явление отличное от своей причины. В силу этого оно не может быть открыто в причине, и всякое измышление или априорное представление его неизбежно будет совершенно произвольным» [Юм 1966, 32].

Отметим, что и в этот раз оба положения не опираются на какой бы то ни было эмпирический опыт или логическое рассуждение, а выступают как интенциональные утверждения, выражающие прежде всего волю авторов. Но следствия из этих утверждений дают нам совершенно различные представления о природе тех умственных конструкций, которые рассматриваются наукой в качестве «теоретических образов мира». С точки зрения Лейбница, представляющего «континентальную» науку, исходящую из того, что причина «полностью репрезентирована» в следствии, всякое логическое рассуждение следует выстраивать с ориентацией на ту

же последовательность и непрерывность, которая, как он полагает, определяет внутреннюю связанность естественно-природных процессов. С точки же зрения представителя «островной» науки – Юма, утверждавшего идею независимости следствия от причины и предполагавшего возможность его «совершенно произвольного» характера, вполне допустимым является разрыв в последовательности текущих событий, что, в свою очередь, обуславливает возможность перерывов в теоретическом рассуждении и наличие «алогичных» переходов от одной теоретической системы к другой.

Рационалистически ориентированная «континентальная» наука, предпочитает полагаться на связанную внутренней логикой непрерывную цепь последовательных рассуждений, в то время как для ориентированной на эмпирический опыт «островной» науки такая жесткая связанность последовательных наблюдений достигается с гораздо большим трудом, а то и вообще оказывается невозможной.

Полемика между «континенталами» и «островитянами» обнаруживает непреодолимое различие между двумя мирами: логически мыслимый мир оказывается отличным от эмпирически наблюдаемого. Обнаружение такого несовпадения порождает глубокую теоретическую проблему: который из двух упомянутых миров является действительным, подлинным предметом нашего познания? Причем, различие это имеет не только гносеологический, но и более глубокий – онтологический – характер. Так, например, при использовании астрономами XVIII века нового средства наблюдения – телескопа – выявляется несовпадение математически вычисленных (строго эллиптических) и реально наблюдаемых (отклоняющихся от математического эллипса) орбит планет.

Выявление этого факта стимулирует начало острой полемики между «рационалистами» и «эмпириками»: которую из этих несовпадающих орбит следует признать истинной? Является ли истинной та орбита, по которой планета *должна* двигаться, в соответствии с математически выраженными законами небесной механики или истинной является та орбита, которая *эмпирически прослеживается* при наблюдении с помощью телескопа? Этот вопрос невозможно однозначно разрешить ни чисто логическим, ни чисто эмпирическим путем. Его решение может быть получено только в результате акта субъективного волевого выбора. И классическая наука такой выбор делает. Ученый мир склоняются к предпочтению лейбницевской идеи

о том, что в основе мирового порядка лежат математические отношения, в соответствии с которыми и был осуществлен акт божественного творения, ибо, согласно широко известному выражению Лейбница: «Cum Deus calculat, fit mundus (как Бог расчислил, так мир и устроен)». Данное утверждение есть не что иное, как определенный онтологический постулат, который не обосновывается ни эмпирическим опытом, ни логическим рассуждением, а полагается в качестве фундаментальной основы классической науки волевым решением Лейбница. Соглашаясь с этим постулатом, европейские ученые безоговорочно признают, что все процессы, происходящие в природном мире, строго подчиняются единому универсальному «своду законов», сформулированных на языке математики и выражающих, непреложность причинно-следственных отношений.

Результатом этого признания становится формирование отношения к природе как к жесткой механической конструкции, функционирование которой осуществляется, в соответствии скорее с логико-математическими, чем историческими закономерностями, а проблемы исторического времени отходят на второй план, поскольку само время начинает рассматриваться как логически обратимое. Ведь если, согласно утверждению Лейбница, «полная причина» всякого явления представлена в нем как «полное следствие», это означает их эквивалентность. Но эквивалентность причины и следствия, в свою очередь, означает не что иное, как обратимость времени. «И если не в физическом, то в логическом отношении, такое обращение времени не только возможно, но и составляет прямую обязанность человека науки» [Липский 2008, 109].

Принятие лейбницевого онтологического постулата влечет за собой и определенные гносеологические следствия. Если мировой процесс представляет собой сплошную, нигде не разорванную цепь причинно-следственных связей, то и последовательность теоретических конструкций, описывающая этот процесс, также должна представлять собой сплошную, нигде не разорванную цепь логических переходов. В методологическом же отношении это означает, что логика построения научного знания, как и его методологические приемы, должны иметь константный характер, и если в их изменении с течением времени можно заметить какой-то прогресс, то он имеет преимущественно операциональное значение. Иными словами, разработка новых приборов и инструментов, уточнение языковых средств описания наблюдений, применение более совершенных методологий может обеспечивать прояснение,

уточнение и детализацию наших представлений о природе и ее законах, но не меняет радикально характера этого знания.

Новоевропейское естествознание рассматривает познаваемый объект как вечный и неизменный. Стремясь получить полное и завершенное знание об этом объекте, оно и своим собственным формулировкам желает придать столь же вечный и неизменный характер. Своей целью оно провозглашает выработку полной и завершенной кодификации некоего «свода законов», описывающего познаваемый мир *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). При этом самое себя классическая наука также стремится рассматривать в той же *вневременной перспективе*. Философский и методологический анализ процесса развития науки осуществляется вследствие этого не столько в историческом, сколько в логическом контексте, а в качестве предмета науковедческого исследования определяется не столько *реальная история* развития науки, сколько ее *рационально-логическая реконструкция*.

Представление о неизменности и вечности естественнонаучных законов распространяется при этом и на гуманитарные дисциплины. В качестве идеала научного знания выдвигается универсально взаимосвязанное множество теорий, а идеалом ученого становится отстраненный от живой жизни наблюдатель, беспристрастно фиксирующий наблюдаемые факты и сводящий их в общую картину мира в соответствии с раз и навсегда установленными методологическими принципами. Рост научного знания при подобном подходе понимается как чисто кумулятивный процесс, который осуществляется благодаря последовательному «выкладыванию» целостной картины мира, составляемой из отдельных фрагментарных кусочков (частных истин). Дополнение этого обобщенного образа мира осуществляется при столь же последовательном устраниении из него всех ранее содержавшихся в нем, но не получивших экспериментального подтверждения гипотез и предположений, которые расцениваются как предрассудки.

Согласно кумулятивной концепции развития науки, все предрассудки понимаются как моменты сугубо негативные, неспособные породить ничего, кроме лжи и заблуждения, зато каждая фрагментарная истина занимает свое место в общей картине раз и навсегда. Но для того, чтобы кумулятивная концепция могла быть признана в качестве истинной модели развития науки, следует принять целый ряд достаточно сильных допущений:

– во-первых, необходимо, чтобы познаваемые объекты оставались неизменными в течение очень долгого времени, а в идеале вообще никогда не изменялись;

– во-вторых, требуется, чтобы теоретические конструкции, создаваемые для описания этих объектов (результаты наблюдений, описания, логические рассуждения) имели столь же константный характер;

– и в-третьих, необходимо, чтобы результаты исследований складывались в единую, связанную и внутренне непротиворечивую теоретическую конструкцию.

В науке, строго соответствующей кумулятивному идеалу, все разногласия, возникающие в ходе исследований, должны были бы находить строгое и однозначное разрешение исключительно в рамках самой науки. Всякие обращения к каким бы то ни было внеучным свидетельствам, основывающимся на обыденном опыте или культурных традициях, любая аргументация, так или иначе учитывающая различного рода субъективные моменты, не должна была бы приниматься в расчет. Наука представлялась изолированным от жизненной практики рафинированным «царством чистой мысли», а все возникающие в ней внутренние проблемы представлялись разрешаемыми исключительно средствами самой науки.

Вплоть до середины XX века этот лейбницевский идеал научной рациональности сохранял свое доминирующее значение среди философов и методологов науки. Так, например, еще в 1948 г. Бертран Рассел утверждал, что «в цепи событий на протяжении от чувствующего органа к мускулу все детерминируется законами физики макромира... поэтому... если бы вы обладали достаточными знаниями молекулярной структуры мозга человека и... были достаточно хорошим математиком, то вы могли бы предсказать, что, когда знаки, составляющие сообщение в телеграмме войдут в поле его зрения, они возбудят процесс, который закончится определенными движениями его рта, ...которые можно записать словами “Я разорен!”» [Рассел 1997, 54]. Понятно, что для какой бы то ни было субъективной воли здесь просто не остается места, правда только в том случае, если исключить из рассмотрения самого Рассела, обосновывающего данное утверждение собственным волевым решением.

За последние три столетия рационалистический идеал научного познания получил широчайшее распространение не только среди позитивистски ориентированных ученых-естествоиспытателей, но и прочно внедрился в массовое обыденное сознание. Согласно этому идеалу, предполагается, что поскольку ни познаваемый объект, ни методологические и логические приемы, обеспечивающие его познание, не претерпевают существенных изменений, прогрессирующее развитие научного знания постепенно приведет

человечество к достижению всеобъемлющей объективной истины, что собственно и является конечной целью науки.

Однако зададимся вопросом о том, что же питает нашу уверенность в том, что природа и в самом деле есть та «сама по себе существующая внешняя реальность», имманентные законы которой последовательно и неуклонно раскрывает наука? Не является ли тот образ природы, которую мы уверенно считаем существующей совершенно независимо от наших целей, намерений и предпочтений, сформированным при, может быть даже не всегда осознаваемом, участии волевых решений нашего собственного сознания?

3. Волевые компоненты в контексте современной науки

С середины XX века начинает формироваться новая, некумулятивная трактовка процесса развития и роста научного познания. Начало этой новой трактовки знаменует переход к четвертому периоду в развитии позитивистской философии науки – постпозитивизму.

Рубежом этого перехода можно считать публикацию книги Томаса Куна «Структура научных революций» (1962). Вразрез с общепозитивистской традицией, Кун переносит акцент с сугубо логического подхода к исследованию науки на исторический.

Безуспешность всех предпринимавшихся позитивистами попыток создания свободной от всякого ценностного компонента «гносеологии без познающего субъекта» (К. Поппер) склоняет его к радикальному пересмотру самой позитивистской программы философского анализа науки. Переноса акцент с построения логической реконструкции развития науки на прослеживание ее действительной истории, Кун обнаруживает, что история эта далеко не всегда соответствует классической кумулятивной модели. В действительной истории науки довольно часто возникали ситуации, когда теория, включенная в общую картину мира как ее вполне достоверный фрагмент, со временем оказывалась совершенным заблуждением, однако это вовсе не мешало ей обладать эвристическим потенциалом, достаточным для того, чтобы стать основой многих полезных изобретений, практическое использование которых не прекращается и после того, как несостоятельность инициировавшей их теории стала очевидной.

Если рассматривать развитие научного знания не с чисто логической точки зрения, а рассмотреть ее, как предлагает Кун, в исторической перспективе, обнаруживается, что в контексте научного знания прошлых эпох трудно однозначно определить,

что же в его содержании представляло «элементы истины», а что было ошибкой и заблуждением. Кун предлагает рассматривать массивы прошлого знания не как коллекции разрозненных идей, среди которых могут встречаться как истинные, так и ложные концепции, а как целостные комплексы взаимосогласованных теорий, в которых истинное и ложное образуют единую взаимосвязанную и относительно устойчивую систему, которую Кун называет парадигмой.

В качестве основной характеристики парадигмы рассматривается не ее истинность или ложность, а целостность и внутренняя согласованность, поэтому в ее состав «на равных» могут входить истинные положения, положения, истинностное значение которых в будущем может измениться, но также и откровенные предрассудки или окаменевшие остатки древних мифов. Поэтому последовательная смена парадигм вовсе не означает возрастание в их содержании числа истинных идей при соответствующем сокращении числа заблуждений таким образом, чтобы каждая новая парадигма была «более истинной», чем предыдущая. Смена парадигм означает радикальную смену перспективы, в которой мир предстает перед исследующим его сознанием.

Новизна каждой очередной парадигмы определяется наличием в ее составе таких элементов, которые не являются ни результатом включения в эмпирический опыт новых, ранее не наблюдавшихся явлений, ни логическими выводами из содержания прежнего парадигмального комплекса. Эти элементы вводятся волевым актом как утверждение новых онтологических постулатов и признание новых ценностных ориентиров. Это дает Куну основание рассматривать смену парадигм не как продолжение непрерывного эволюционного процесса, а как революционное преобразование самой архитектоники научного познания. Смена парадигмы представляет перерыв постепенности, который Кун определяет как научную революцию. Нормальная наука развивается по классической кумулятивной схеме. Она пользуется уже принятыми онтологическими постулатами и логико-методологическими стандартами. Вся обосновывающая часть оформляется и утверждается ранее в самый момент смены парадигмы, когда определяющим моментом является волевое решение, т.е. субъективный фактор. Она развивается по привычной кумулятивной схеме в границах господствующей парадигмы, а результаты ее исследований полностью предсказуемы. Главная задача нормальной науки – обнаружение новых фактов, сама возможность которых уже «предусмотрена» заранее утвержденными

парадигмальными установками. Научная революция, напротив, состоит в радикальном преобразовании привычных установок. Ее главная цель – не столько прояснение и детализация содержания предметной области, сколько определение и утверждение самих ее границ, благодаря чему открываются новые перспективы, ведущие к обнаружению совершенно новых фактов.

Рассматривая динамику роста научного знания не в логической, а в исторической перспективе, можно заметить, что ни одна принципиально новая парадигмальная система не появлялась в результате постепенного эволюционного развития предыдущей. Смена парадигм происходит не путем модификации прежней парадигмы и приспособления ее к новым условиям. Такая смена осуществляется путем радикального отрицания старой парадигмы и волевого утверждения новой, разработанной, если можно так выразиться, в «параллельном» по отношению к прежней парадигме мире.

Новая парадигма оказывается отделенной от старой ничем не заполненной пустотой, «логическим разрывом», который является необъяснимым в контексте кумулятивной концепции роста научного знания. В результате обнаружения такого разрыва сомнительными становятся самые фундаментальные основоположения новоевропейской науки: онтологический принцип континуальности причинно-следственных отношений и логически вытекающий из него гносеологический принцип континуальности системы рационального знания. Пересмотр традиционных установок переживается настолько остро, что саму концепцию строгой континуальности причинно-следственных отношений Гастон Башляр характеризует как невероятную, «чудовищную» идею: «Мы едва ли согласимся с чудовищным характером самой идеи универсального детерминизма» [Башляр 1989, 230]. И снова, как и в эпоху формирования идеалов классической рациональности, мы имеем дело с волевым переутверждением онтологических постулатов, что, в свою очередь, влечет за собой и изменение гносеологической перспективы.

В гносеологическом отношении главная функция парадигмы состоит в формулировке ряда априорных предположений, определяющих, что из попадающего в наше поле зрения является действительно связанным с решаемой нами практической задачей и, следовательно, выступает теоретически значимым для ее научного анализа. Ведь то, что не включено в содержание уже принятой парадигмы не попадает в сферу нашего внимания и для нас является практически несуществующим. Да и сама парадигма, поскольку ее

утверждение опирается на волевое решение, с точки зрения идеала классической рациональности, должна быть определена как чистый «предрассудок», который следует устранить из научного исследования тотчас же после обнаружения. Но дело в том, что «нормальная наука» просто не в состоянии зафиксировать собственные основоположения, поскольку они, как правило, рождаются за ее пределами и укоренены в более широком социокультурном контексте. Для «нормальной науки» они представляют граничные условия ее существования, и она «не замечает» этих границ, поскольку никогда не стремится выйти за их пределы.

В новых условиях выработанное классической наукой представление о природе как о последней данности, существующей совершенно самостоятельно и совершенно независимой от нашей познавательной деятельности, становится совершенно неприемлемым. Но одновременно требует пересмотра и образ самой классической науки как образ непрерывно прогрессирующего роста знания об одном и том же остающемся совершенно неизменным объекте или системе объектов.

Кумулятивная концепция развития науки опиралась на твердое убеждение в том, что факт есть «упрямая вещь», существующая совершенно независимо от средств наблюдения, языка описания или экспериментальных методик. Именно представление о независимости факта от средств и условий наблюдения рассматривалось в классической науке как достаточное основание для признания соответствия или несоответствия факту абсолютно объективным критерием для подтверждения или опровержения любой теории. Однако введение в контекст философии науки понятия научной революции существенно меняет представление о гносеологическом статусе факта. Дело в том, что революция в науке означает не просто переориентацию интереса исследователя на новые, ранее не входившие в сферу его внимания объекты, а радикальные изменения в самой концептуальной структуре нашего знания.

В результате таких изменений оформляется совершенно новая структура членения бытия и мы обнаруживаем себя, находясь в новом мире с другими объектами и другими фактами. При осознании того, что переход к новой парадигме необратимо переносит нас в новый мир, совершенно утопичным представляется лейбницевский идеал науки способной «как в зеркале» увидеть будущее в настоящем благодаря более глубокому проникновению «в составные части вещей... для того, чтобы учесть все обстоятельства и не оставлять ничего без внимания» [Лейбниц 1982, 273].

Структуризация бытия рассматривается теперь не как нечто изначально данное и ни в малейшей степени не зависящее от человеческой субъективности. Сами «составные части» рассматриваются теперь как, во-первых, определяемые строением языковых норм культурного сообщества, и, во-вторых, как некая, принятая научным сообществом базовая *конвенция* относительно некой совокупности онтологических постулатов и эпистемологических норм организации самого исследования. Поэтому выявляемые в ходе исследования факты уже не могут рассматриваться как окончательные и безапелляционные свидетельства в пользу истинности или ложности теоретических построений.

Благодаря отмеченным преобразованиям, к концу XX века статус науки как верховного арбитра в решении вопроса о бытии или небытии объекта подвергается пересмотру. Все в большей степени начинает осознаваться, что наука это не изолированная от мира деятельность рафинированных интеллектуалов. Она существует как одна из форм реальной жизненной практики и поэтому вовсе не свободна от включенных в нее субъективных моментов. Такие субъективные факторы, как опыт расы, культурные традиции, профессиональная этика и даже личные симпатии, являются неотъемлемыми элементами не только обыденного, но научно-теоретического мышления. Именно они выступают основанием формирования той системы ценностных ориентаций, в соответствии с которой строится та шкала предпочтений и пренебрежений, которыми руководствуются ученые в определении предметов исследования, в предпочтении используемых ими методологических приемов, а самое главное – в определении критериев значимости достигнутых результатов. В этом отношении ученых, работающих в рамках различных парадигм, можно уподобить членам различных этнокультурных или конфессиональных сообществ. Полное взаимопонимание между представителями таких сообществ может порой оказаться недостижимым именно потому, что, по существу, они принадлежат к мирам, различающимся по своей структурной организации.

Для теоретических систем, разрабатывавшихся в границах разных парадигм, невозможно найти или разработать такой «метапарадигмальный» методический прием, опираясь на который можно было бы однозначно решить, которая из конкурирующих парадигм является объективно истинной, а какая ложной. Ведь истинность теории устанавливается в границах принятой парадигмы, само же ее принятие опирается на субъективное волевое решение.

С точки зрения идеала классической рациональности, утверждение парадигмы есть иррациональный волевой акт, и не случайно сам Кун предлагал рассматривать акт выбора парадигмы по аналогии с религиозной реформацией. Волевое решение в пользу одной из конкурирующих парадигм обусловлено не внутринаучными факторами (такими как, например, согласованность с результатами наблюдений, внутренняя логическая связанность, простота и прозрачность концепции и др.). Основания для предпочтения определенной парадигмы принадлежат к более широкому социально-историческому контексту. К ним, прежде всего, следует отнести стремление к социальной консолидации, к достижению согласия по широкому комплексу наиболее актуальных жизненных проблем, лишь небольшая часть которых может быть отнесена к компетенции собственно науки.

Поскольку парадигмальные установки определяются волевым решением, их содержание не может рассматриваться как совокупность объективных характеристик самих по себе бытия и мышления. Но если они по самой своей природе имеют субъективное происхождение, их нормативная сила не выходит за границы определенной исторической эпохи и сохраняет свою значимость только для той социокультурной общности, в которой они были приняты.

Парадигма классической рациональности требует рассматривать исследуемое явление как следствие некоторой причины, которая имела место в прошлом, и одновременно видеть в нем причину другого (будущего) следствия. В результате цепь причинно-следственных отношений выстраивается как сплошная нигде не разорванная линия, протягивающаяся из бесконечно далекого прошлого в бесконечно далекое будущее.

В современной социокультурной парадигме проблема регресса в бесконечность снимается, поскольку в ней предполагается начальная точка – тот самый волевой акт свободного выбора и утверждения парадигмальной системы, очерчивающей границу исследуемой предметной области, утверждающей базовый перечень используемых в этом исследовании методологических приемов и задающей критерии оценки достигнутых результатов.

Заключение

Подводя краткий итог, следует отметить, что на формирование новоевропейского идеала научной рациональности огромное влияние оказали идеи Декарта, Ньютона и Лайеля. Позже эти идеи, подкрепленные авторитетом Лейбница, способствовали

укреплению безраздельно господствовавшей вплоть до середины XX столетия веры во всемогущество математизированного разума классической науки. «Революция в физике», произошедшая в начале XX века, и последовавшие за ней фундаментальные преобразования в концептуальном строе научного знания породили сомнения в абсолютной непогрешимости такого математизированного интеллекта.

Те революционные изменения, которые происходят в науке в конце XX – начале XXI веков выражают нарастающее разочарование в тех чрезвычайно оптимистических ожиданиях, которые были порождением «радикального интеллектуализма» трех предшествующих столетий. Как констатирует современный исследователь Эдгар Морен: «К концу XX в. мы пришли к пониманию, что картина безупречно упорядоченной Вселенной должна быть заменена такой картиной, на которой Вселенная предстает игрой и ставкой в диалогической игре (в антагонистическом, состязательном и дополнительном отношении) между порядком, беспорядком и организацией» [Морен 2004, 20].

Изменения, происходившие в течение XX века как в самой науке, так и в отношении к ней со стороны общества, привели к пониманию того, что мир представляет собой гораздо более сложную систему, чем предполагали создатели классической науки. Образ мира, складывающийся к началу нового столетия, не может не включать в себя те самые «субъективные» аспекты, от которых с таким упорством стремились избавиться основоположники классической традиции.

И самое главное в этом новом образе мира – понимание того, что достижение полного и завершенного знания о мире есть проект совершенно утопический. Неполнота и незавершенность нашего знания о мире обусловлена не недостаточностью усилий или несовершенством используемых приборов и методологий. Она обусловлена, в том числе, и тем самым субъективным моментом, неустранимо присутствующим в содержании любого познавательного акта. Ведь любое исследование ориентировано на решение некоторой практической задачи. Само познание объекта есть не что иное, как определение его в качестве средства для достижения той или иной значимой для человека цели. Именно цель является основанием, на котором мы выбираем из бесконечного числа характеристик объекта те, которые определяем как значимые. А целеполагание есть, по преимуществу, субъективный, а не объективный акт.

В современных условиях представляется абсурдным былое стремление «классиков» к радикальному устранению из научного познания всех субъективных моментов. Напротив, попытки исследовать то «историческое бессознательное» (М. Фуко), которое выступало основой формирования различных форм субъективности от зарождения науки до настоящего времени, становятся особенно актуальными. Ведь реальный исторический процесс не сводится ни к чисто логическому разворачиванию Абсолютной идеи (Гегель), ни к строго последовательной смене общественно-экономических формаций (Маркс).

Действительная история скорее выступает как периодическое переосмысливание тех субъективных условностей, верований и конвенций, которые человек той или иной эпохи применяет и утверждает для объяснения самому себе и оправдания перед другими людьми замыслов и мотиваций своих решений и действий. А в этих вопросах стремление к взаимопониманию и взаимодействию играет гораздо большую роль, чем стремление к «ясности и отчетливости» собственного мышления.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Башляр 1989 – *Башляр Г.* Рациональный детерминизм и технический детерминизм // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1988–1989* / ред. И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1989. С. 230–236.

Вавилов С.И. 1961 – *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон: научная биография и статьи. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.

Декарт 1950 – *Декарт Р.* Метафизические размышления // *Избранные произведения* / ред. В.В. Соколов. – М.: Госполитиздат, 1950. С. 319–408.

Декарт 1950 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе // *Избранные произведения* / ред. В.В. Соколов. – М.: Госполитиздат, 1950. С. 257–318.

Лейбниц 1972 – *Лейбниц Г.* О предопределенности // *Сочинения: в 4 т.* / ред. В.В. Соколов. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. С. 237–244.

Лейбниц 1984 – *Лейбниц Г.* Что такое идея? // *Сочинения в 4 т.* / ред. В.В. Соколов. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. С. 108–110.

Липский 2008 – *Липский Б.И.* Европейская философия XVII–XVIII вв. // *Философия* / под. ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2008. С. 97–166.

Липский 2009 – *Липский Б.И.* Каузальность и нормативность в научном познании // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (23).* С. 77–85.

Ляйэль 1866 – *Ляйэль Ч.* Основные начала геологии: в 2 т. Т. 2. – М.: Изд. А.И. Глазунова, 1866.

Морен 2004 – Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире / отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. С. 7–26.

Ньютон 2008 – Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. с лат. А.И. Крылова, ред. Л.С. Полак. – М.: Изд. ЛКИ, 2008.

Рассел 1997 – Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / пер. с англ. Н.В. Воробьева. – Киев: Ника-центр, 1997.

Юм 1966 – Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в 2 т. / под ред. И.С. Нарского. Т. 2. – М.: Мысль, 1966. С. 7–170.

REFERENCES

Bachelard G. (1951) *Déterminisme rationnel et déterminisme technique* (Russian translation in: *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook* (pp. 230–236). Moscow: Science, 1989).

Descartes R. (1637) *Discours de la methode* (Russian translation in: Descartes R. *Selected Works* (pp. 257–318). Moscow: Gospolitizdat, 1950).

Descartes R. (1670) *Meditationes de prima philosophia* (Russian translation in: Descartes R. *Selected Works* (pp. 319–408). Moscow: Gospolitizdat, 1950).

Hume D. (1748) *An Enquiry Concerning Human Understanding* (Russian translation in: Hume D. *Works in 2 Volumes* (vol. 2, pp. 7–170). Moscow: Mysl, 1966).

Leibniz G.W. (1840) Von dem Verhängnisse (Russian translation in: Leibniz G.W. *Works in 4 Volumes* (vol. 1, pp. 237–244). Moscow: Mysl, 1982).

Leibniz G.W. (1890) Quid sit idea (Russian translation in: Leibniz G.W. *Works in 4 Volumes* (vol. 3, pp. 108–110). Moscow: Mysl, 1984).

Lipsky B.I. (2008) European Philosophy of the 17th and 18th Centuries. In: Yaskevich Y.S. (Ed.) *Philosophy* (pp. 97–166). Minsk: RIVSH (in Russian).

Lipsky B.I. (2009) Causality and Normativeness in Scientific Knowledge. *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2009. No. 3 (23), pp. 77–85 (in Russian).

Lyell C. (1830–1833) *Principles of Geology* (Russian translation: Moscow: A.I. Glazunov Pub., 1866).

Morin E. (2004) Principles of Knowledge of the Difficult in Science of 21st Century. In: N.K. Udumyan (Ed.) *Challenge to Cognition. Strategies of Science Development in the Modern World* (pp. 7–26). Moscow: Nauka, 2004 (in Russian).

Newton I. (1687) *Philosophiae Naturalis Principia Mathematica* (Russian translation: Moscow: LKI Pub., 2008).

Russell B. (1923) *Human Knowledge: Its Scope and Limits* (Russian translation: Kiev: Nika-centre, 1997).

Vavilov S.I. (1961) *Isaac Newton: A Scientific Biography and Papers*. Moscow: Academy of Science of the USSR Pub. (in Russian).

Перспективы нейронауки.
Психологические
и естественнонаучные основания

**Психология и нейронаука:
проблемы интеграции***

М.А. Сущин

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-89-105

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье исследуется вопрос о надлежащей методологической стратегии взаимодействия психологии и нейронауки. В последние десятилетия, благодаря интенсивному развитию нейронаук, во взаимодействии двух дисциплин доминировала тема поиска так называемых нейронных коррелятов психических феноменов и событий. Между тем в недавней литературе было высказано мнение о возможности подлинной интеграции психологии и нейронауки. В настоящей работе автор критически рассматривает три недавних проекта сведения психологии к нейронауке: концепцию интеграции функционального и механистического типов объяснения философов Гуальтеро Пиччини и Карла Крэйвера, проект нейрофилософии известного философа Патриции Черчленд, а также редукционистскую гипотезу одного из лидеров современной науки о сознании Станисласа Деана. Автор показывает, что в настоящее время отсутствуют какие-либо предпосылки для сведения психологии к нейронауке. Более того, отмечается, что за неимением реальных альтернатив для конкретных эмпирических исследований даже идейные противники стратегии поиска нейронных коррелятов психических феноменов и событий вынуждены обращаться к ней в своих работах. Делается вывод, что практика идентификации нейронных коррелятов феноменов психики, познания и сознания сохранит свой ведущий методологический статус во взаимодействии психологов и нейрочеловеков.

Ключевые слова: психология, нейронаука, нейронные корреляты сознания и познания, редукционизм, мозг.

* Работа выполнена при поддержке проекта РНФ № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований».

Сушин Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН.

sushchin@bk.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8805-6716>

Цитирование: Сушин М.А. (2019) Психология и нейронаука: проблемы интеграции // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 89–105.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-89-105

Psychology and Neuroscience: Problems of Integration*

M.A. Sushchin

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-89-105

Original research paper

Abstract

This article deals with the question of a proper methodological strategy of interaction between psychology and neuroscience. In recent decades, due to the intensive development of neurosciences, the interaction of the two disciplines has been dominated by the theme of the search for so-called neural correlates of mental phenomena and events. Meanwhile, in recent literature, an opinion has been expressed about the possibility of a genuine integration of psychology and neuroscience. In this work, the author critically examines three recent projects of reduction of psychology to neuroscience: the conception of integration of functional and mechanistic types of explanation by the philosophers Gualtero Piccinini and Carl Craver, the project of the neurophilosophy by the famous philosopher Patricia Churchland, and the reductionist hypothesis of one of the leaders of the modern science of consciousness Stanislas Dehaene. The author shows that at the present moment there are no grounds for reduction of psychology to neuroscience. Moreover, it is noted that in the absence of real alternatives for specific empirical investigations even opponents of the strategy of identification of neural correlates of mental phenomena and events are forced to appeal to it in their works. It is argued that the currently dominating prac-

* This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 17-18-01536 “Transfer of knowledge and converge of methodological traditions: experience of multidisciplinary integration of political, biological and linguistic studies.”

tice of identification of neural correlates of mental, cognitive and conscious phenomena will retain its leading methodological status in the interaction between psychologists and neuroscientists.

Keywords: psychology, neuroscience, neural correlates of consciousness and cognition, reductionism, brain.

Mikhail Sushchin – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Center of Scientific Information Studies in Science, Education and Technologies of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences.

sushchin@bk.ru

<http://orcid.org/0000-0002-8805-6716>

Citation: Sushchin M.A. (2019) Psychology and Neuroscience: Problems of Integration. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 1, pp. 89–105.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-89-105

Введение

Вопрос отношения психологии к науке о мозге в том или ином виде обсуждался с момента возникновения этих дисциплин в XIX в. Так, в 1932 г. первый русский Нобелевский лауреат физиолог И.П. Павлов, полемизируя с Карлом Лешли, писал: «Сейчас, я убежден в этом, чисто физиологическое понимание многого того, что прежде называлось психической деятельностью, стало на твердую почву, и при анализе поведения высшего животного до человека включительно законно прилагать всяческие усилия понимать явления чисто физиологически, на основе установленных физиологических процессов» [Павлов 1973, 392]. Работы и исследования Павлова, как прекрасно известно, сыграли ключевую роль в становлении бихевиоризма – вероятно, наиболее влиятельного направления в мировой психологической науке в 1930–1950-х гг.

В результате так называемой когнитивной революции середины 1950-х гг. лидирующие позиции бихевиоризма, стремившегося исключить из психологического исследования любые отсылки к таким понятиям как «сознание», «ментальная жизнь», «интроспекция», «образы» и т.д. [Watson 1913], были оспорены новыми когнитивными дисциплинами и подходами: когнитивной психологией, когнитивной лингвистикой, исследованиями в области искусственного интеллекта, программой функционализма в философии сознания. Новые дисциплины в значительной степени реабилитировали изучение внутренних психических способ-

ностей, процессов и состояний на основе известной аналогии между познающим мозгом и процессами обработки информации в появившихся незадолго до этого ЭВМ.

При этом непосредственным следствием этой аналогии, или, как ее часто называют, компьютерной метафоры, стало особое понимание отношения психологии к наукам о мозге – так называемая идея автономии психологии [Fodor 1974]. Подобно тому, как один и тот же программный код можно реализовать на разном аппаратном обеспечении, так и разными психологическими состояниями и функциями – болью, зрительным восприятием и т.д. – могут обладать организмы с чрезвычайно различной организацией нервной системы. Следовательно, предполагали сторонники этой точки зрения, понимаемая в функциональном смысле [Патнэм 1998] психологическая организация животных и человека должна быть, по крайней мере в некоторой степени, автономной по отношению к реализующим ее биологическим механизмам, и поэтому психология является автономной по отношению к нейронауке.

В этом контексте, возможно, наибольшее внимание привлекла к себе оригинальная методологическая концепция исследования сложных систем обработки информации, предложенная британским нейроученым, пионером изучения нейровычислительных основ зрительного восприятия Дэвидом Марром [Marr 1987]. Марр стремился показать невозможность достижения редукционистского понимания зрения в терминах нейронауки (аналогично тому, как невозможно понять природу полета птиц, изучая лишь их оперение и не зная принципов аэродинамики). Соответственно, утверждал он, чтобы понять работу зрительной системы мозга, нервной системы в целом, ЭВМ или любой другой представимой системы обработки информации, необходимо рассмотреть ее на трех «наиболее существенных» уровнях исследования [Marr 1987, 38]. К таковым он относил: 1) уровень общей цели вычислительных действий устройства, или вычислительной задачи, которую оно выполняет; 2) уровень системы представления (репрезентации) входной и выходной информации и алгоритма, посредством которых устройство реализует данную вычислительную задачу; 3) наконец, уровень непосредственной физической реализации системы представления и алгоритмов в мозге, ЭВМ или каком-либо другом устройстве [Marr 1987, 36–44; Сушин 2014, 131–132]. Сейчас важнее всего отметить, что, несмотря на ясное признание необходимости соотнесения уровней в исследованиях зрения, Марр в духе своего времени отдавал приоритет наиболее аб-

страктному уровню вычислительной задачи, разработка которого, по его мнению, могла опережать исследования на нижестоящих уровнях.

Впрочем, уже в скорости после выхода основных работ Марра положение дел в когнитивных исследованиях начало меняться самым радикальным образом: возрождение интереса к искусственным нейронным сетям и возникновение программы коннекционизма, появление новых мощных методов «нейровизуализации» (в особенности функциональной магнитно-резонансной томографии), а также общее дисциплинарное сближение психологии и нейронауки серьезным образом пошатнуло позиции доктрины автономии психологии. В настоящее время для специалистов, изучающих сознание, познавательные и психические состояния и процессы, стало фактически обязательным требование идентификации нейронных коррелятов исследуемых ими способностей.

Кроме того, последние годы развития нейронауки были отмечены возникновением целого ряда масштабных проектов изучения мозга – прежде всего, взявших старт в 2013 г. проектов The BRAIN Initiative (США) и The Human Brain Project (ЕС), вслед за которыми аналогичные инициативы начали реализовываться в Японии [Okano, Yamamori 2016], Канаде, Австралии, Южной Корее и Китае [Olds 2016]. Эти масштабные проекты обещают принести небывалое количество новых данных о мозге, его строении и функционировании на всех значимых уровнях исследования – от молекулярного уровня и индивидуальных нейронов до всей совокупности связей в нервной системе организмов – так называемого коннектома. Об амбициях участников этих инициатив можно судить по пожеланию одного из пионеров проекта The BRAIN Initiative разработать методы, которые позволили бы регистрировать «каждый потенциал действия каждого нейрона в нейронной сети» [Yuste 2017, 727].

Конечно, такой значительный крен в сторону исследований мозга не мог не отразиться и на современных проектах в области вычислительного моделирования познавательных процессов [Clark 2013; Hohwy 2013]. Приверженцы этих проектов теперь также признают необходимым упомянутое выше требование установления, по крайней мере в перспективе, нейронных механизмов предлагаемых ими моделей (о критике байесовских моделей в психологии за слабую поддержку нейрофизиологическими свидетельствами см.: [Bowers, Davis 2012]). Наконец, рассмотрев феномен сознания в качестве предмета вычислительного моделирования, итальянский нейроученый Джулио Тонони и его сторонники в полном

соответствии с указанной тенденцией связали постулируемые ими особенности опыта (в первую очередь свойство интеграции информации) с известной анатомией мозга [Tononi 2015].

Однако некоторые авторы полагают, что целый ряд соображений теоретического и эмпирического характера позволяет сделать шаг далее и заявить о возможности подлинной интеграции психологии и нейронауки (а также о принципиальной способности наук о мозге объяснить сознание, познавательные и психические феномены). В данной статье мы рассмотрим несколько основных сценариев объединения психологии и нейронауки, предложенных в недавней литературе: концепцию интеграции функционального и механистического типов объяснения философов Гуальтьеро Пиччинини и Карла Крэйвера [Piccinini, Craver 2011], проект нейрофилософии известного философа Патриции Черчленд [Churchland 1986], а также редукционистскую гипотезу одного из лидеров современной науки о сознании Станисласа Деана [Dehaene 2014]. Мы собираемся показать, что в настоящее время нет каких-либо предпосылок для сведения психологии к нейронауке и что в обозримой перспективе фактически общепринятая сейчас умеренная стратегия идентификации нейронных коррелятов сохранит свой ведущий методологический статус во взаимодействии психологов и нейрочеловеков.

Концепция интеграции психологии и нейронауки

Г. Пиччинини и К. Крэйвера

Настоящее рассмотрение мы начнем с предпринятой философами Пиччинини и Крэйвером, автором получившей известность книги «Объясняя мозг» [Craver 2007], попытки представить так называемый функциональный анализ в психологии как разновидность распространенного в нейронауке механистического объяснения. Последнее, по определению Пиччинини и Крэйвера, представляет собой объяснение способностей (нейронной) системы «как целого в терминах некоторых ее компонентов, их свойств и способностей... а также того, как они организованы...» [Piccinini, Craver 2011, 291]. (Пока что нам будет достаточно данного определения – конкретные примеры этого типа объяснения «в действии» будут приведены ниже.)

Как отмечают эти авторы, традиционно сторонники доктрины автономии психологии защищали точку зрения, согласно которой психологическое объяснение носит функциональный характер, то есть является функциональным анализом психологических способностей (например, стереопсиса, зрительного внимания или

рабочей памяти), «демонстрирующим, что эти сложные способности составлены из совместно организованных более базовых способностей» [Piccinini, Craver 2011, 283–284]. В этом смысле функциональный анализ представляет собой «анализ способности в терминах функциональных свойств системы и их организации» [Piccinini, Craver 2011, 286]. Однако что здесь означает термин «функциональный»?

Пиччинини и Крэйвер дают ответ на этот вопрос, противопоставляя функциональным структурные свойства объектов. «Хрестоматийные структурные свойства, – пишут они, – включают в себя размер, форму, местонахождение и ориентацию протяженных объектов. *Анатомы изучают структуры в этом смысле* (здесь и далее курсив мой. – М. С.)... Хрестоматийные функциональные свойства включают в себя способность выступить нейротрансмиттером, кодирование эпизодической памяти или порождение формы из затененности. *Физиологи изучают функции*» [Piccinini, Craver 2011, 287]. При этом Пиччинини и Крэйвер добавляют важную мысль, раскрывающую суть их позиции в отношении объединения психологии и нейронауки: «Ничто в нашем рассуждении не говорит о наличии метафизически фундаментального разделения между функциональными и структурными свойствами; в самом деле, если мы правы, нельзя охарактеризовать функции без рассмотрения структур и наоборот» [Piccinini, Craver 2011, 287].

Из приведенных пассажей должно быть видно, во-первых, что авторы фактически уравнивают между собой физиологические функциональные свойства («способность выступить нейротрансмиттером») и психофизиологические функциональные свойства («кодирование эпизодической памяти»), что является достаточно сильным тезисом. А во-вторых, что функциональные свойства системы, с этой точки зрения, нельзя объяснить, не проследивая их связи со структурными свойствами (как и наоборот). Однако же именно возможность осуществления функционального объяснения в психологии без отсылки к изучающим структурные аспекты дисциплинам, как известно, была краеугольным камнем классической концепции автономии психологии. Строго говоря, согласно приверженцам идеи автономии, если психологическое объяснение является функциональным, а объяснение в нейронауке – механистическим, и если функциональный тип объяснения отличен от механистического типа объяснения, то психология оказывается автономной по отношению к нейронауке [Piccinini, Craver 2011, 284].

В противоположность идее автономии психологии, Пиччинини и Крэйвер заявляют, что традиционный вид функционального анализа в психологии представляет собой разновидность механистического объяснения. Он есть не что иное, как предварительный эскиз механистического объяснения, которому недостает некоторых структурных аспектов. Когда же к нему добавляются недостающие структурные детали, функциональный анализ становится полноценным механистическим объяснением. А если это верно, то психология может быть интегрирована с нейронаукой.

Как на пример подлинно механистической модели в нейронауке, в которой функциональный анализ идет рука об руку с изучением структур, Пиччинини и Крэйвер ссылаются на исследование и идентификацию нейротрансмиттеров – специальных молекул, делающих возможной коммуникацию между нейронами. Как они указывают, термин *нейротрансмиттер* является функциональным, и для его определения в нейронауке были выработаны весьма однозначные критерии [Piccinini, Craver 2011, 304]. Сейчас для нас важнее всего отметить то, что весь процесс функционирования нейротрансмиттеров и передачи сигнала между клетками укладывается в рамки строгой механистической модели, включающей в себя описание объектов (ионов, нейротрансмиттеров, синаптических пузырьков, мембран) и процессов (деполяризации, стыковки с мембраной, высвобождения и т.д.), организованных совместно для «надежного сохранения сигнала в пространстве между клетками» [Piccinini, Craver 2011, 305].

Одни критерии определения нейротрансмиттеров, отмечают Пиччинини и Крэйвер, прямо связаны со структурными свойствами синапсов, другие – с утверждениями об ингибиторах и агонистах. Но так или иначе ни одно из свойств нейротрансмиттеров, говорят они, нельзя понимать как независимое в причинном отношении от всего молекулярного механизма. И этот пример, по их мнению, показывает, как тесно низкоуровневые функциональные описания в нейронауке связаны со структурными фактами. И наконец, все те же соображения, заявляют Пиччинини и Крэйвер, могут быть расширены «до самых высших уровней иерархии в нейронауке» [Piccinini, Craver 2011, 306].

Но именно этот последний тезис, наравне с приведенным выше утверждением об отсутствии принципиального разделения между физиологическими и психологическими свойствами, по нашему мнению, является наиболее уязвимым во всей проводимой авторами аргументации. Так, с одной стороны, ввиду стремительного развития наук о мозге мы поддерживаем их критическую оценку

классической идеи автономии психологии. С другой стороны, мы не видим сколько-нибудь достаточных оснований для того, чтобы ставить в один ряд физиологические и психологические (функциональные) свойства, как это делают Пиччинини и Крэйвер. Для изучения психологических функций и способностей, в частности, для ответа на вопросы о том, что такое восприятие и зачем оно необходимо, в чем отличие внимания и сознания, что представляет собой рабочая память и т.п., нам видятся более подходящими современные вычислительные и репрезентационные модели, подобные тем, которые предлагаются в настоящее время в рамках байесовской программы в когнитивной науке и других теорий. Вероятно, излишне говорить, что такого рода модели относятся не к механистическому типу объяснения в определении Пиччинини и Крэйвера, а к приложениям современной психологии, математики, теории информации и компьютерной науки.

К тому же если амбиции Пиччинини и Крэйвера останавливаются только на попытке привлечения внимания к необходимости тесного сопряжения психологических и нейронаучных исследований, то здесь возникает важный вопрос: что нового несет их подход в сравнении с той же повсеместно распространенной в науке стандартной практикой поиска нейронных коррелятов психических способностей, разума и сознания? И в чем в таком случае заключается именно интеграция, отличная от простого взаимодействия психологии и нейронауки?

Проект нейрофилософии П.С. Черчленд

Между тем именно к возможности полноценного объяснения феноменов психики, познания и сознания с позиций нейронауки уже более тридцати лет апеллируют известные философы Пол и Патриция Черчленды, отталкивающиеся от классического элиминативного материализма Селларса, Фейерабенда и Куайна. Так, в 1986 г. в своей получившей известность книге [Churchland 1986], введшей в оборот популярный сейчас термин «нейрофилософия», Патриция Черчленд сформулировала и подробным образом попыталась обосновать сценарий, согласно которому некоторая совершенная нейронаука будущего сможет вытеснить и заменить собой другие высокоуровневые подходы и дисциплины, и прежде всего – психологию, подобно тому как, к примеру, научная психология в процессе своего развития элиминирует обыденные способы описания когнитивных процессов, вводя более точные и адекватные с научной точки зрения различения, таксономии и классификации.

Полемизируя с приверженцами дуализма и особенно влиятельной в те годы концепции автономии психологии, Черчленд основывала свои рассуждения на нескольких основных гипотезах, а именно: «психические процессы являются мозговыми процессами, теоретическая программа, возникшая в результате коэволюции нейронауки и психологии, превосходит обыденную психологию (folk psychology), и крайне маловероятно, что можно создать адекватную теорию разума-мозга без детального знания структуры и организации нервной системы» [Churchland 1986, 482].

В работе Черчленд была заявлена не только возможность элиминации наукой будущего существующего в обыденной речи способа обозначения и понимания психических способностей и процессов – так называемой обыденной (житейской) психологии. (Такого рода тезис отнюдь не представляется радикальным в свете свойственного всей науке элиминативизма, т.е. уточнения или элиминации в ходе ее развития значений заимствованных из обыденной речи терминов – подобно тому, как в термодинамике было проведено различие между понятиями тепла и температуры.)

Более радикальное предположение Черчленд гласило, что в конечном итоге к нейронауке могут быть сведены «обобщения научной психологии, которая проделала долгий путь от горьких “истин” (home “truths”) существующей обыденной психологии. Более того... эти обобщения, вероятно, будут результатом долгой коэволюции с нейробиологией. То, что может произойти в итоге, следовательно, есть редукция эволюционировавшей психологической теории...» [Churchland 1986, 312]. А также: «Какая теория в таком случае является кандидатом для редукции к нейробиологической теории? Это комплексный свод (body) обобщений, описывающих *высокоуровневые состояния и процессы* (курсив мой. – М. С.) и их причинные взаимосвязи, лежащие в основе поведения. <...> Это подлежащая разработке комплексная концепция причинных связей между психологическими состояниями и поведением» [Churchland 1986, 295]. (Редукция, или «интертеоретическая редукция», поясняет Черчленд, в данном случае означает такое отношение между теориями T_1 и T_2 , что T_1 считается сводимой к T_2 , если T_1 оказывается выводимой из T_2 [Churchland 1986, 310].)

В этом сценарии нам видится наиболее ценной и заслуживающей поддержки идея о коэволюции и тесном сотрудничестве психологии и нейронауки. Однако наиболее перспективный путь сотрудничества двух дисциплин, по нашему мнению, заключается не в редукции психологии к нейронауке, а в поиске нейронных

механизмов и коррелятов психических/познавательных процессов и способностей, а также сознания. Коротко говоря, в настоящее время мы не видим ни единого основания для осуществления «интертеоретической редукции» психологии к нейронауке в духе той возможности, которая в свое время была высказана Черчленд.

Тем временем и по прошествии тридцати лет П.С. Черчленд продолжает настаивать (правда, в более осторожной форме, без отсылок к «интертеоретической редукции») на принципиальной способности нейронауки объяснить высшие психические/когнитивные феномены и сознание. Так, в ее недавней работе была представлена обновленная обзорная критика позиций противников нейронаучного объяснения познания и сознания [Churchland 2016]. С точки зрения Черчленд, неудовлетворительными оказываются как доводы тех, кто полагает, что нейронаука не сможет объяснить когнитивные функции (компьютерная метафора и классический функционализм неадекватны в силу существенных различий между мозгом и компьютером), так и тех, кто убежден в загадочности феномена сознания и его недоступности научному объяснению. При этом последние, по ее мнению, исходят из следующих посылок: 1) нейронаука в принципе не может объяснить опыт, потому что опыт загадочен; 2) феномены сознания не являются событиями в мозге; 3) полученные в нейронауке свидетельства (о связи мозга и сознания) нейтральны в отношении дуалистической гипотезы, в которой события в сознании и мозге представлены как два параллельных потока, и противостоящей ей гипотезы, что ментальные состояния есть состояния физического мозга [Churchland 2016].

В ответ Черчленд указывает на целый ряд теоретических и эмпирических трудностей, связанных с такого рода пониманием отношения сознания и мозга (невозможность предвидеть горизонты развития науки, часто находившей объяснение тому, что до этого казалось загадочным и необъяснимым, значительное число экспериментальных данных, показывающих связь мозга и сознания, и т.п.). Например, рассматривая упомянутую выше «нейтральную» в отношении эмпирических данных стратегию, Черчленд уподобляет ее попытке заявить, что имеющиеся в биологии данные являются нейтральными в отношении гипотез, что жизнь есть результат взаимодействия биохимических процессов/структур и что жизнь возникает благодаря некоторой сверхъестественной силе (витализм).

Безусловно, если оставить в стороне дуализм, классический функционализм и т.п., едва ли можно оспаривать ведущие по-

зиции нейронауки в рамках современных междисциплинарных исследований сознания. Однако что означает утверждение, что нейронаука может объяснить сознание? Мы полагаем, что, как и в случае исследования когнитивных процессов, преимущественная роль нейронауки здесь состоит в поиске и установлении нейронных коррелятов (или, если угодно, сигнатур) сознания (в частности, именно нейронаука должна дать ответы на вопросы о том, что происходит в мозге, когда, например, человек погружается в глубокую кому и выходит из нее, по каким нейронным структурам можно судить о наличии сознания у других видов и т.д.). Но возможно ли с позиций нейронауки и при помощи доступных ей методов охарактеризовать непосредственно субъективный компонент опыта? Как в свое время сформулировал этот вопрос И.П. Павлов, «каким образом материя мозга производит субъективное явление» [Павлов 1973, 173]?

Сознание и редукционистская гипотеза С. Деана

Так, один из влиятельнейших нейрочученых нашего времени, пионер современных научных исследований сознания Станислас Деан в своей недавней книге «Сознание и мозг» [Dehaene 2014] писал: «Ни один эксперимент не сможет когда-либо продемонстрировать, как миллиард нейронов в человеческом мозге разряжается в момент сознательного восприятия. *Только математическая теория может объяснить, как ментальное редуцируется к физическому* (курсив мой. – М. С.). Нейронаука нуждается в ряде вспомогательных законов, подобных теории газов Максвелла – Больцмана, соединяющих одну область с другой» [Dehaene 2014, 140].

По мнению Деана, хотя до формулирования точных математических законов еще далеко, шагом в сторону искомой вспомогательной теории, способной устранить «разрыв в объяснении» отношения сознания и мозга, могла бы стать разрабатываемая им и его коллегами на протяжении ряда лет так называемая модель глобального рабочего нейронного пространства. У ее истоков находится предложенная несколько ранее когнитивным психологом Бернардом Баарсом теория глобального рабочего пространства (далее сокращенно – ГРП). Баарс, опираясь на некоторые разработки компьютерной и когнитивной науки, выдвинул предположение, что сознание связано с обеспечением глобального доступа к релевантной в данный момент информации для множества без того изолированных когнитивных систем мозга.

Так, Баарс и следом за ним Деан используют метафору театра: из того, что присутствует на сцене рабочей памяти, в данный момент

сознается только то, что освещается лучом прожектора внимания на виду аудитории из множества «зрителей» – бессознательных систем обработки информации (высокоуровневых систем принятия решений, планирования, речи и т.д.). При этом Баарс и Деан убеждены, что эта метафора обладает иммунитетом по отношению к старой проблеме гомункулюса: релевантная информация, с этой точки зрения, представляется не всецело какому-либо одному внутреннему агенту (у которого в свою очередь должен быть свой внутренний агент и так до бесконечности), а множеству бессознательных когнитивных систем и механизмов.

Развивая идею ГРП, Деан, Жан-Пьер Шанже и их соавторы представили модель возможной реализации этой системы в мозге. В двух словах ее суть заключается в том, что релевантный текущим целям организма стимул становится осознаваемым посредством активизации нейронов коры с дальними взаимными кортико-кортикальными связями, что ведет к возникновению состояния глобального возбуждения нейронов рабочего пространства и, соответственно, возможности доступа к этому стимулу для многочисленных систем мозга. При этом доминирующая конфигурация активности нейронов ГРП подавляет возможность проявления альтернативных глобальных состояний, связанных с другими потенциально осознаваемыми стимулами.

В итоге, как полагает Деан, модель глобального нейронного рабочего пространства согласуется как с субъективной характеристикой опыта (тем фактом, что в сознании в каждый момент времени нам доступна лишь чрезвычайно незначительная часть из всего, что хранится в мозге), так и с главными известными в настоящее время специфическими объективными паттернами активности мозга, возникающими во время осознания чего-либо. Последние Деан, вопреки устоявшейся терминологии, именует не просто нейронными коррелятами сознания, а сигнатурами сознания: «Слишком многие события в мозге коррелируют с сознательным восприятием... Мы же, – пишет Деан, – ищем не просто какое-либо статистическое отношение между мозговой активностью и сознательным восприятием, но систематические сигнатуры сознания, которые наличествуют всегда, когда имеет место сознательное восприятие, и отсутствуют всегда, когда его нет, и которые кодируют весь субъективный опыт, о котором отчитывается человек» [Dehaene 2014, 125].

Таким образом Деану и его коллегам удалось выявить четыре основных типа нейронных сигнатур субъективного опыта (включая значительное усиление активности в лобных и теменных до-

лях, а также синхронизацию многих отдаленных регионов мозга и др. [Dehaene 2014, 103–140]). Как бы то ни было, идея нейронных сигнатур сознания отнюдь не представляется нам принципиальным образом отличной от стандартного понятия нейронных коррелятов сознания. Ведь, по сути, речь здесь идет о том же самом повсеместно распространенном соотношении аспектов субъективных явлений (в данном случае – ограниченной емкости сознания в каждый конкретный момент времени и доступности его содержания для многочисленных когнитивных систем) и нейронных процессов и структур, которые могли бы эти явления поддерживать. Поэтому, несмотря на утверждения Деана о недостаточности просто обнаружения систематических корреляций между субъективными феноменами и структурами/процессами в мозге и необходимости установления вспомогательных законов, показывающих связь двух областей, в целом его исследования не выбиваются за рамки стандартной практики идентификации мозговых коррелятов психики, познания и сознания. Задача поиска нейронных коррелятов сохраняет свою актуальность для современных научных исследований сознания.

Заключение

Итак, ни один из рассмотренных здесь проектов объединения психологии и нейронауки не несет в себе серьезной угрозы для ставшей стандартной во взаимодействии двух дисциплин стратегии поиска нейронных коррелятов психики, разума и сознания. К примеру, именно этой стратегией руководствовались авторы недавних чрезвычайно успешных исследований системы пространственного ориентирования в мозге млекопитающих. Отталкиваясь от представлений Э. Толмена о когнитивных картах, исследователям удалось конкретизировать нейронные механизмы репрезентаций организмами своего положения в пространстве. Так в гиппокампе и примыкающей к нему энторинальной коре были открыты несколько типов нейронов: прежде всего так называемые клетки места (place cells) и клетки решетки (grid cells), а также другие типы клеток, которые, как предполагается, совместно генерируют для организма репрезентацию его изменяющихся положений в среде и, соответственно, во многом направляют его исследовательскую двигательную активность [Moser, Rowland, Moser 2015]. (В 2014 г. за исследования в этой области нейроученым Джону О'Кифу и Эдварду и Мэй-Бритт Мозерам была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине.) Совершенно очевидно, что исследователей в этой

области интересовало не что иное, как нейронные корреляты некоторой предполагаемой высокоуровневой когнитивной способности, а именно способности организма ориентироваться в окружающей среде.

Конечно же, стратегия поиска нейронных коррелятов феноменов психики, познания и сознания сталкивается с целым рядом затруднений и проблем. Прежде всего, данная установка критикуется за своего рода имплицитный дуализм, заключающийся в простом установлении корреляций между ментальными событиями и событиями в мозге, как если бы они принадлежали двум всецело различным областям. Обычная идентификация мозговых коррелятов оставляет без ответа вопрос о действительной связи психических явлений и мозга [Dehaene 2014, 139–140]. Тем не менее, как мы могли видеть, в отсутствие хоть сколько-нибудь реальных альтернатив для конкретных эмпирических исследований даже идейные противники стратегии обнаружения нейронных коррелятов феноменов психики, познания и сознания вынуждены обращаться к ней в своих работах. Мы полагаем, что в обозримой перспективе эта практика сохранит свои ведущие позиции во взаимодействии психологии и нейронауки.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Марр 1987 – *Марр Д.* Зрение. Информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов. – М.: Радио и связь, 1987.

Павлов 1973 – *Павлов И.П.* Объективное изучение высшей нервной деятельности животных. Ответ физиолога психологам // *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – М.: Наука, 1973. С. 165–174, 370–395.

Патнэм 1999 – *Патнэм Х.* Психологические предикаты (Природа ментальных состояний) // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 53–67.

Сущин 2014 – *Сущин М.А.* Проблема восприятия и действия в современных когнитивных исследованиях // *Философские науки.* 2014. № 4. С. 130–141.

Bowers, Davis 2012 – *Bowers J.S., Davis C.J.* Bayesian Just-So Stories in Psychology and Neuroscience // *Psychological Bulletin.* 2012. Vol. 138, No. 3. P. 389–414.

Churchland 1986 – *Churchland P.S.* Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.

Churchland 2016 – *Churchland P.S.* Neurophilosophy // *Smith D.L.* (Ed.). How Biology Shapes Philosophy: New Foundations for Naturalism. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2016. – URL: <http://patriciachurchland.com/wp-content/uploads/2016/04/HowBioShapesPhil-Chapt-5.pdf>

Clark 2013 – *Clark A.* Whatever Next? Predictive Brains, Situated Agents, and the Future of Cognitive Science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36. No. 3. P. 181–204.

Craver 2007 – *Craver C.F.* Explaining the Brain: Mechanisms and the Mosaic Unity of Neuroscience. – Oxford University Press, 2007.

Dehaene 2014 – *Dehaene S.* Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts [E-book]. – New York: Viking Press, 2014.

Fodor 1974 – *Fodor J.A.* Special Sciences (Or: The Disunity of Science as a Working Hypothesis) // *Synthese*. 1974. Vol. 28. No. 2. P. 97–115.

Hohwy 2013 – *Hohwy J.* The Predictive Mind. – Oxford: Oxford University Press, 2013.

Moser, Rowland, Moser 2015 – *Moser M.B., Rowland D.C., Moser E.I.* Place Cells, Grid Cells, and Memory // *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*. 2015. Vol. 7. No. 2. – URL: <http://cshperspectives.cshlp.org/content/7/2/a021808.full.pdf+html>

Okano, Yamamori 2016 – *Okano H., Yamamori T.* How Can Brain Mapping Initiatives Cooperate to Achieve the Same Goal? // *Nature Reviews Neuroscience*. 2016. Vol. 17. No. 12. P. 733–734.

Olds 2016 – *Olds J.L.* The Rise of Team Neuroscience // *Nature Reviews Neuroscience*. 2016. Vol. 17. No. 10. P. 601–602.

Piccinini, Craver 2011 – *Piccinini G., Craver C.* Integrating Psychology and Neuroscience: Functional Analyses as Mechanism Sketches // *Synthese*. 2011. Vol. 183. No. 3. P. 283–311.

Tononi 2015 – *Tononi G.* Integrated Information Theory // *Scholarpedia*. 2015. Vol. 10. No. 1. – URL: http://www.scholarpedia.org/article/Integrated_information_theory

Watson 1913 – *Watson J.B.* Psychology as the Behaviorist Views It // *Psychological review*. 1913. Vol. 20. No. 2. P. 158–177.

Yuste 2017 – *Yuste R.* The Origins of the BRAIN Initiative: A Personal Journey // *Cell*. 2017. Vol. 171. No. 4. P. 727–735.

REFERENCES

Bowers J.S., Davis C.J. (2012) Bayesian Just-So Stories in Psychology and Neuroscience. *Psychological bulletin*. Vol. 138, no. 3, pp. 389–414.

Churchland P.S. (1986) *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*. Cambridge, MA: MIT Press.

Churchland P.S. (2016) Neurophilosophy. In: D.L. Smith (Ed.). *How Biology Shapes Philosophy: New Foundations for Naturalism*. Cambridge, UK:

Cambridge University Press. Retrieved from <http://patriciachurchland.com/wp-content/uploads/2016/04/HowBioShapesPhil-Chapt-5.pdf>

Clark A. (2013) Whatever Next? Predictive Brains, Situated Agents, and the Future of Cognitive Science. *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 36, no. 3, pp. 181–204.

Craver C.F. (2007) *Explaining the Brain: Mechanisms and the Mosaic Unity of Neuroscience*. Oxford: Oxford University Press.

Dehaene S. (2014) *Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts* [E-book]. New York: Viking Press.

Fodor J.A. (1974) Special Sciences (Or: The Disunity of Science as a Working Hypothesis). *Synthese*. Vol. 28, no. 2, pp. 97–115.

Hohwy J. (2013) *The Predictive Mind*. Oxford: Oxford University Press.

Marr D. (1980) *Vision. A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information* (Russian translation: Moscow: Radio i svyaz', 1987).

Moser M.B., Rowland D.C., & Moser E.I. (2015) Place Cells, Grid Cells, and Memory. *Cold Spring Harbor Perspectives in Biology*. Vol. 7, no. 2. Retrieved from <http://cshperspectives.cshlp.org/content/7/2/a021808.full.pdf+html>

Okano H., Yamamori T. (2016) How Can Brain Mapping Initiatives Co-operate to Achieve the Same Goal? *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 17, no. 12, pp. 733–734.

Olds J.L. (2016) The Rise of Team Neuroscience. *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 17, no. 10, pp. 601–602.

Pavlov I.P. (1973) *Twenty Years of Objective Study of the Higher Nervous Activity (Behavior) of Animals*. Moscow: Nauka (in Russian).

Piccinini G., Craver C. (2011) Integrating Psychology and Neuroscience: Functional Analyses as Mechanism Sketches. *Synthese*. Vol. 183, no. 3, pp. 283–311.

Putnam H. (1973) Psychological predicates. In: W.H. Capitan, D.D. Merrill (Eds.). *Art, Mind, and Religion* (pp. 37–48). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press (Russian translation: Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 1999).

Sushchin M.A. (2014) On the Problem of the Relation of Perception to Action in the Contemporary Cognitive Science. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 4, pp. 130–141.

Tononi G. (2015) Integrated Information Theory. *Scholarpedia*. Vol. 10, no. 1. – URL: http://www.scholarpedia.org/article/Integrated_information_theory

Watson J. B. (1913) Psychology as the Behaviorist Views it. *Psychological Review*. Vol. 20, no. 2, pp. 158–177.

Yuste R. (2017) The Origins of the BRAIN Initiative: A Personal Journey. *Cell*. Vol. 171, no. 4, pp. 727–735.

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД****Зарубежная философия.
Исторический экскурс****Понятие «Sachverhalt»: «положение вещей»
в австрийской философии XIX века***

В.В. Селиверстов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия «Sachverhalt» в австрийской философской традиции XIX в. В частности, речь идет о текстах Бернарда Больцано, Рудольфа Лотце, Юлиуса Бергмана, Франца Brentano, Карла Штумпфа, Антона Марти и Алексиуса Майнонга. Включение понятия «Sachverhalt», или «положение вещей», или «со-бытие», в обширные философские дискуссии связано с работами Л. Витгенштейна. Менее известны исследования на эту тему феноменолога Адольфа Райнаха. Райнах критикует предшествующие теории суждения, в том числе те, которые строились на оценке, утверждении или отрицании отдельного предмета, в то время как введение понятия «Sachverhalt» позволяет разрешить ряд логических противоречий, возникающих перед теорией суждения. Ключевой вопрос данного исследования – существовала ли единая традиция использования понятия «Sachverhalt» до концепций Райнаха и Витгенштейна? Мы встречаем этот термин у Лотце и Штумпфа, но какое место он занимает в их концепциях? Решает ли он те задачи, о которых пишет Райнах? В данном исследовании я собираюсь ответить на вопрос, насколько справедлива критика Райнаха, а также проанализировать различные теории суждения в австрийской

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-01-0016) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

философии, чтобы определить, можно ли вообще говорить о «Sachverhalt» как о единой сущности, объединяющей концепции всех авторов в австрийской традиции.

Ключевые слова: Лотце, Райнах, Больцано, Штумпф, Марти, Брентано, Майнонг, положение вещей, положение дел, со-бытие, теория суждения, австрийская философия.

Селиверстов Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

vseliverstov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5779-1355>

Цитирование: *Селиверстов В.В.* (2018) Понятие «Sachverhalt»: «положение вещей» в австрийской философии XIX века // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1. С. 106–120.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

The Concept of Sachverhalt: The State of Affairs in the Austrian Philosophy of the 19th Century*

V.V. Seliverstov

*National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Original research paper

Abstract

This article considers the concept of Sachverhalt in the Austrian philosophical tradition of the 19th century. In particular, we examine the works of Bernard Bolzano, Rudolf Lotze, Julius Bergmann, Franz Brentano, Karl Stumpf, Anton Marty and Alexius Meinong. The emergence of the concept of Sachverhalt, or the state of things, in extensive philosophical discussions is connected with the works of L. Wittgenstein and phenomenologist Adolf Reinach. Reinach criticized previous theories of judgment. He wrote that

* The article is based on the results of the research (no. 17-01-0016) within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)” in 2016–2017 and is funded through the allocated by HSE subsidy for state support of the leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world’s leading research and educational centers.

they were built on the evaluation, affirmation or negation of a particular object. And that is a mistake. Only introduction of the concept of *Sachverhalt* allows us to solve a number of logical contradictions that faces the theory of judgment. We find this term in the works of Lotze and Stumpf, but what is its position in their theories? Does it solve the problems that mentions Reinach? Therefore, in this study, we answer the question of how fair is Reinach's criticism. Also we analyze the various theories of judgment in Austrian philosophy to determine whether it is possible to speak of *Sachverhalt* as a single entity connecting the concepts of all authors in the Austrian tradition.

Keywords: Lotze, Reinach, Bolzano, Brentano, Meinong, Stumpf, Marty, theory of judgement, state of affairs, Austrian philosophy.

Vladimir Seliverstov – Ph.D. in Philosophy, Lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

vlseliverstov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5779-1355>

Citation: Seliverstov V.V. (2018) The Concept of *Sachverhalt*: The State of Affairs in the Austrian Philosophy of the 19th Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 106–120. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-106-120

Введение. Адольф Райнах против брентановской теории суждения

В 1911 г. феноменолог Адольф Райнах в своей работе «К вопросу о теории негативного суждения» обрушился с критикой на брентановскую теорию суждения, т.е. на теорию суждения как самого Brentano, так и его учеников. Brentano выделял два вида суждений: позитивное суждение как «признание» («Anerkennen») и негативное суждение как «отвержение» («Verwerfen»). По мысли Райнаха, подобное разделение приводит к многозначности используемых терминов. Непонятно, что мы «признаем» в нашем суждении. Ведь сначала, согласно теории Brentano, мы мыслим некий предмет представления, а потом уже выносим наше суждение о его существовании или несуществовании. Таким образом, по мысли Райнаха, понятие «признание» может трактоваться и как признание наличия некой вещи в качестве предмета нашего представления, и как выносимое нами утверждение о ее существовании и несуществовании. «Есть признание, которое не несет в себе ничего из оценки в собственном смысле и более точно может быть охарактеризовано как согласие [*Zustimmung*]. Я слышу, например,

высказываемое суждение “*A* есть *b*”, понимаю его, обдумываю его и затем, соглашаясь с ним, говорю “да”. В этом “да” заключено согласие, признание; но и здесь признание не является суждением. Да и какого рода суждением могло бы быть это признание? Суждением “*A* есть *b*”? Конечно, нет. Ибо это суждение относится к *b*-бытию *A* [*b*-sein des *A*], к этому положению дел, в то время как признание, которое мы сейчас имеем в виду, относится к суждению “*A* есть *b*”. Легко заметить, что положение дел не есть то же, что и суждение, которое его полагает [setzt]. Я могу и таким образом ответить на услышанное суждение: “Да, *A* действительно есть *b*”. Здесь мы имеем признание согласия и суждение, которое очевидным образом отличается от этого признания. Во-первых, говоря “да”, я соглашаюсь с услышанным суждением, а затем я сам, со своей стороны, сужу “*A* есть *b*”. Теперь это суждение равным образом можно назвать признанием, а именно признанием положения дел “*b*-бытия *A*”. И именно в этом заключена опасность той путаницы, о которой мы здесь говорим. Признание согласия и признание, заключенное в суждении, фундаментально различаются, различаются и как акты, и по своей предметной сопряженности. Если мы воспользуемся той двусмысленностью, которая имеет здесь место, то мы можем сказать: признание согласия есть признание заключенного в суждении признания. Некоторая путаница в теории суждения объясняется тем, что подлинное суждение подменяется соглашающимся признанием» [Райнах 2006, 482–483].

Эта путаница, по мысли Райнаха, произошла потому, что брентановское суждение основано на представлении. Чтобы решить проблему, необходимо вместо того, чтобы говорить о представлении каждой отдельной вещи, ввести понятие положение дел, или положение вещей – *Sachverhalt*. И на нем уже основывать наше суждение. Иначе говоря, базовым элементом суждения должно быть некое положение вещей, а не единичный предмет. Мир по Райнаху состоит из положений вещей, а не предметов. Отметим, что несколькими годами позже выходит в свет «Логико-философский трактат» Витгенштейна, где *Sachverhalt* становится одним из центральных понятий новой теории. В данной статье мы не настаиваем, на каком-то конкретном переводе данного понятия на русский язык, поскольку в русскоязычной традиции не существует единого варианта перевода для данного понятия. Для нас важно понять, употребляется ли самими немецкоязычными авторами понятие *Sachverhalt* в одном значении.

Итак, Райнах здесь отмечает, что брентановская теория суждения пошла по ложному следу, и отчасти это произошло потому, что

в терминологии Brentanovской школы не существовало понятия «Sachverhalt». Но так или это? Поэтому для того, чтобы определить, насколько справедливыми были упреки Райнаха, нам надо проанализировать различные теории суждения в австрийской философии. Это позволит нам понять место Brentanovской теории суждения в данной традиции, а также получить ответ на вопрос о том, действительно ли в этой теории не было такого понятия.

Происхождение понятия Sachverhalt. Влияние Больцано

Трудно сказать, кто ввел это понятие в философский лексикон. Историк философии Барри Смит три раза менял свою точку зрения по данному вопросу. В разное время в разных работах «изобретателями» Sachverhalt у него становились и Карл Штумпф, и Рудольф Лотце, и Юлиус Бергман.

Бернард Больцано, один из самых ранних представителей австрийской философии, также назывался в качестве авторов этого понятия. Гроссман указывает на то, что больцановское понятие «предложение-в-себе» повлияло на появление понятия Sachverhalt [Grossman 1995]. Больцано действительно оказал значительное влияние на становление австрийской философии. Даже ученики Brentano искали ответы на поставленные им вопросы в работах Больцано. Больцано ввел разделение на субъективные и объективные представления. На основе последних, с его точки зрения, можно сформулировать предложения-в-себе, или объективные предложения. «Под *предложением в себе* я понимаю только некоторое высказывание, что нечто есть или не есть, независимо от того, является ли это высказывание истинным или ложным, выражал ли его кто-нибудь в словах или не выражал, а также независимо от того, мыслил ли его кто-нибудь в уме или нет. Если нужен *пример*, где слово *предложение* фигурирует в установленном здесь значении, то я приведу следующий, сходный со множеством аналогичных примеров. “Бог, как всеведущее существо, знает не только все истинные, но и все ложные предложения, не только те, которые какое-либо сотворенное существо считало истинными или хотя бы могло составить о них некоторое представление, но и те, которые никто не считал истинными, не представлял себе и даже никогда не будет представлять”» [Больцано 2003, 65].

Sachverhalt у Бергмана и Лотце

Юлиус Бергман в 1879 г. публикует работу под названием «Общая логика», в которой впервые вводится понятие «Sachverhalt». Sachverhalt для него – это объективная составляющая познания, а

познание – это «мышление, в котором мыслимое находится в соответствии с положением вещей [Sachverhalt]» [Bergmann 1879, 2]. Барри Смит в принципе довольно однозначно относит Бергмана к объективным идеалистам [Smith 1996, 324]. Более точную концепцию Sachverhalt выстраивает Лотце в своей «Логике» [Lotze 1880], которая выходит годом позже. С точки зрения Лотце, Sachverhalt – это такая совокупность объектов и взаимоотношений между ними, которая проявляется как в сознании, так и реальном мире. Причем это такая совокупность объектов, такое положение вещей, при котором содержание истинного суждения тождественно некоторому факту в реальном мире. По мнению исследователя философии Лотце Николая Милкова, Лотце первым использовал понятие Sachverhalt в значении объективного содержания суждений [Milkov 2002]. Как пишет Барри Смит, «и Лотце, и Бергман тяготеют к такой объективной модели суждения, такому его предназначению, которое бы являлось трансцендентальным в отношении сознания субъекта, выносящего суждение» [Smith 1996, 326]. Они пытались избежать современного им немецкого идеализма, поместившего все объекты опыта и знания в сознание познающего субъекта. При помощи такой онтологии Sachverhalte они пытались вывести логику из сферы ментального. Барри Смит при этом замечает, что Лотце позднее полностью отказался от идентичностной теории истинности, на что повлиял его «платонистский подход к анализу объектов суждений» [Smith 1996, 326].

Переоткрытие понятия Карлом Штумпфом

В отдельных работах настоящим первооткрывателем понятия «Sachverhalt» часто называют ученика Франца Brentano, Карла Штумпфа. И речь идет о работах не только Барри Смита, который не раз менял свою точку зрения, но также и Кевина Маллигана. В автобиографии Штумпф комментирует свое открытие следующим образом: «Понятие “положений дел” [Sachverhalte], играющее все большую роль в новейшее время (Зельц, Кюльпе и др.), было введено Brentano, который очень хорошо понимал его важность. Я только заменил его термин “Urteilsinhalt” [содержание суждения] на ныне употребительное выражение, а именно, впервые в 1888 году, в моей лекции по логике в Галле» [Штумпф, 2003, 107]. И далее: «От психических функций я отличаю психические формообразования, которые образуют специфические содержания психических функций. Таковым при объединении выступает совокупность, при суждении – положение дел [Sachverhalt. – В. С.], в случае понятийного мышления – содержание понятия,

а при чувствовании и желании – пассивная и активная ценность» [Штумпф 2003, 117]. Кевин Маллиган согласен со Штумпфом [Mulligan 1985, 145] и подтверждает, что брентановское понятие «содержание суждения» тождественно *Sachverhalt* у Штумпфа. Более того, Штумпф лишь немного улучшил брентановское понятие, ведь Brentano лишь выделил «содержание» из «материи» суждения. Но проблема заключается в том, что само понятие «содержание» у Brentano крайне неоднозначно, и виновником такой неоднозначности, вероятно, был сам Brentano. Все началось с известного брентановского определения интенционального внутреннего существования предмета (*intentionale Inexistenz*), которое у Brentano характеризуется «отношением к содержанию, направленностью на объект» [Brentano 1996, 33]. Далее в тексте брентановской «Психологии с эмпирической точки зрения» вновь встречается понятие «содержание», но его употребление трудно назвать системным, и его значение Brentano нигде не проясняет. Однако это дает основание ученикам Brentano, в частности Твардовскому, Хёфлеру, Штумпфу, Марти и Майнонгу, заняться разработкой данного понятия.

Хотя поздний период творчества Brentano может быть охарактеризован как переход к реизму, но только в этот период Brentano проясняет ситуацию с понятием «содержание», а именно фактически утверждает, что содержание тождественно предмету. И тут уже неважно, является ли это содержание содержанием суждения или представления. В примечаниях к переизданию «Психологии» в 1911 г. Brentano критикует своих учеников не только за неверную интерпретацию своих идей, но также и за то, что их исследования понятия «содержания» привели их к некорректным выводам. «Тот факт, что субъект относится к одному и тому же по-разному, заставлял людей говорить о чем-то, что в некотором роде больше, чем предмет, поскольку оно включает предмет в себя, а также находится внутри субъекта. Его называют “содержанием” психической отнесенности. Особенно в связи с психическим актом вынесения суждений, говорилось о содержании суждения, равно как и о предмете. Если я выношу суждение: “Кентавр не существует”, то, выходит, объект является кентавром, но содержание суждения состоит в том, что кентавр не существует, или же просто содержанием является несуществование кентавра. Если считается, что это содержание находится в субъекте, то “быть” опять-таки используется в вольной, ненадлежащей интерпретации и означает точно то же самое, что и “быть” в подлинном значении во фразе: “Здравомыслящий

субъект отрицает существование кентавра в *modus praesens*”... Между содержанием и предметами иногда проводится аналогия, которая, как предполагается, заключается в том, что определенные содержания, подобно определенным предметам, имеют не только ненадлежащее значение, но и используются в подлинном значении, а другие содержания, как и другие объекты, нет. Для этой аналогии не находится подтверждения» [Brentano 1959, 158]. В результате мы имеем непроясненное использование понятия «содержание» в один период творчества Brentano и артикулированное отрицание «содержания» как такового, отделенного от предмета, в другой. Поэтому вряд ли можно утверждать, что Штумпф переформулировал или улучшил брентановский термин. Он работал с тем термином, который придумал сам. Другое дело, что, возможно, на Штумпфа повлияли труды другого авторитетного австрийского мыслителя – Бернарда Больцано. Именно к работам Больцано обратились ученики Brentano в ходе обсуждения понятия «содержания», в частности к больцановскому определению понятия «предложение-в-себе». Помимо этого, Барри Смит указывает на определенное сходство понятия «Sachverhalt» Штумпфа с понятиями «Begriffsschrift» и «мысль» у Фреге [Smith 1978, 49].

С точки зрения Бреттлер, Sachverhalte Штумпфа призваны «служить логической функцией посредника между явлением, о котором выносится суждение, и актом суждения. Штумпф считал, что они логически зависимы от актов суждения, хотя их и следует отличать от акта суждения как такового... Они являются логическими сущностями, зависящими от психических функций, но объективными с точки зрения Штумпфа и реальными, поскольку являются содержанием действительного суждения» [Brettler 1973, 26]. Во всяком случае здесь стоит заметить, что со Штумпфа началась новая традиция интерпретации Sachverhalt. Штумпф уже работает с новой интенциональной теорией сознания, предложенной Brentano.

Лотце и Бергман пытались предложить собственную онтологию для Sachverhalt, независимую от познающего субъекта (концепции их современников из числа немецких идеалистов). Однако, это привело к тому, что они фактически отождествили Sachverhalt с объективным содержанием суждения, что сближает их концепции с концепцией Больцано. Таким образом, на смену условно платонистской традиции (Больцано, Лотце, Бергман), в котором Sachverhalt отождествляется с объективным содержанием суждений, приходит психологическая интерпретация Sachverhalt.

Связь *Sachverhalt* с понятием «содержания суждения» у Марти

Если Штумпф по собственному заверению стал использовать понятие *Sachverhalt* вместо брентановского «содержания суждения» (*Urteilsinhalt*), то другой ученик Брентано – Антон Марти – в своих работах предпочитал использовать оригинальный брентановский термин. Как пишет сам Марти, «то, что наши высказывания передают с некоторой регулярностью, есть лишь то, что можно назвать содержанием наших суждений. Это значит, они передают материю суждения (лежащие в его основе представления) и его качество, т.е. характер суждения как утверждения или отрицания» [Марти 2004, 139]. Как видно, Марти пытается раскрыть понятие «содержание суждения» путем подбора синонимов, что не слишком проясняет положение этого элемента в его теории суждения. Как мы помним брентановские понятия «утверждение» и «отрицание» отчасти использовались для того, чтобы установить истинность или ложность суждения о существовании предмета представления. А поскольку Марти продолжает работать в брентановской парадигме, эти понятия используются им схожим образом. Тогда получается, что истинность или ложность суждения зависит от того, утверждается или отрицается его содержание, т.е. существует или нет тот предмет, о котором идет речь в суждении. Эдгар Моршер также считает, что содержания суждения Марти «являются тем, что мыслится и что оценивается в суждении; это содержание суждения, а не предмет, о котором выносятся суждение, которому суждение должно соответствовать, чтобы быть истинным... Когда Марти иногда все же говорит об истинности или ложности суждения, он не имеет в виду ничего иного, кроме их бытия или небытия» [Morscher 1990, 193, 189]. Тогда получается, что у истинного суждения есть содержание, в котором признается существование предмета, а у ложного содержание и вовсе отсутствует. Анализ теории суждения Марти приводит Моршера к мысли о том, что «содержания суждения» Марти являются фактами [Morscher 1990, 187–188]. Тут надо отметить, что Марти активно использует понятие «факт» (*Tatsache*), но при этом нигде его не уточняет, не описывает то, как факты связаны с суждениями, а придерживается общих выражений, вроде того, что язык служит «для изъяснения фактов» [Марти 2004, 143]. Под фактами при этом могут в принципе пониматься истинные суждения, а не их содержания.

Sachverhalt и объектив. Сходства и различия

Барри Смит находит общие черты у содержаний суждений и объективов Алексиуса Майнонга. Они все «являются посредника-

ми между суждениями, с одной стороны, и объектами, с другой» [Smith 1994, 106]. Майнонг предложил более структурированную версию брентановской дескриптивной психологии, в которой объединил и идею интенциональности, и теорию суждений. В его теории выделяется несколько типов предметов (Gegenstand). В частности, предметы делятся на предметы представления, которые он назвал объектами (objecta), и предметы суждений, которые он как раз назвал объективами. Майнонг считал, что любой предмет может быть дан в представлении, даже обладающий противоречивыми свойствами. Такие объекты он называл чистыми, т.е. теми, которые являются объектами в силу просто интенциональной направленности сознания на них. Решение о существовании или несуществовании объекта принимается в акте суждения, предметом которого и является объектив. «Объектив выполняет опять же функцию подлинного объекта, в частности он может быть предметом нового, направленного на него как на объект, суждения, а также иных интеллектуальных операций. Когда я говорю: “истинно, что противоположности существуют”, то истинность приписывается не противоположностям, а объективу “того, что противоположности существуют”» [Майнонг 2011, 206]. Известно, что Майнонг подумывал над тем, чтобы назвать предметом суждения некоторое положение вещей, Sachverhalt. По утверждению Финдли [Findlay 1963, 60], он уже был знаком с данным понятием, знал о предыдущей философской традиции его употребления, но все же предпочел использовать вместо него термин «объектив», потому что он по смыслу более нейтрален в отношении истинности или ложности выносимого о нем суждения. В акте суждения предмет суждения в принципе может быть признан ложным. А недействительный предмет суждения, с его точки зрения, не может называться «положением вещей». Как отмечает Питер Саймонс, Майнонг предпочел использовать «объектив» потому, что понятие «Sachverhalt» как положение вещей скорее подразумевает, что такое положение является истинным. «Объективы могут в лучшем случае существовать, тогда как многие объекты также могут быть действительными и реальными в пространстве и времени. Если объектив “Грац находится в Австрии” содержит Грац как часть, то он будет объективом, имеющимся в наличии, включающим себя часть, которая обладает реальным существованием. А если объектив “Шерлок Холмс не существует” содержит Шерлока Холмса в качестве своей части, то тогда у него будет часть, которая вообще не существует. Оба случая абсурдны, полагает Майнонг, поэтому объект, связанный с объективом, не является его частью» [Simons 1999, 22–23].

Как пишет Финдли, «Майнонг пытается доказать, что они являются уникальной и нередуцируемой сущностью, необходимой для нашего знания о реальности и самой реальностью как таковой» [Findlay 1933, 59]. Основная функция объектива состоит в том, чтобы служить психическим содержанием ложных предположений. Однако в отличие от Родерика Чизолма, поставившего знак равенства между объективом Майнонга, пропозициями Рассела и мыслями у Фреге [Chisholm 1982, 46], Финдли не считает, что объективы являются пропозициями, поскольку пропозиции вроде «снег – белый» отличаются от бытия снега белым. «Ясно, что объектив “снег – белый” ничего не сообщает и ничего не значит, ничему не соответствует, ничего не предсказывает... Это просто бытие снега белым» [Findlay 1933, 70]. Пропозиции Рассела к 1904 г. и объективы Майнонга, с точки зрения Финдли, объединяло лишь то, что они были предметами суждения. Но расселовские пропозиции обладают бытием, и в этом с ним Майнонг не согласился бы. Единственные объективы, которые он хотя бы просто назвал «имеющимися в наличии» (*bestehen*), это факты.

Здесь речь идет о важном разделении двух типов существования: действительное существование и наличие. Наличие, *Bestand* – это экзистенциально нейтральная характеристика статуса предмета. Так вот объективы в принципе выступают и в качестве фактов, и в качестве элементов человеческого сознания. Они у Майнонга связаны и с языком, и с сознанием. Поэтому, «поскольку Майнонг приписывает своим объективам так много свойств, сколько никто и не мечтал бы приписывать пропозициям, и поскольку пропозициональная теория истинности полностью отличается от теории Майнонга, если мы будем отождествлять объективы с пропозициями, то это может привести к путанице» [Findlay 1933, 88–89]. Рассел не понимал смысла в выделении дополнительного типа существования, поэтому и майнонговская теория предметов показалось ему впоследствии бесперспективной, вследствие чего развитие его теории пошло по другому пути.

Теория предметов Майнонга во всех смыслах находится на стыке философии брентановской школы и аналитической философии. Его теория вобрала и учла все значимые дискуссии, проходившие в австрийской философии. Но при этом он попытался на их основе выстроить самостоятельную теорию. Эта теория была замечена в дальнейшем многими представителями аналитической философии, в частности Расселом и Райлом, а также привела к развитию реалистской традиции в рамках аналитической философии (Т. Парсонс, Р. Роутли, Э. Залта и др.). Однако это и вызывает

определенные трудности при интерпретации его понятия «объектива», поскольку до конца из работ Майнонга мы так и не узнаем, является ли объектив элементом сознания или языка. Моршер в связи с этим пишет, что «объективы Майнонга занимают двусмысленное положение между пропозициями и положениями вещей: они всегда включают в себя предметы в терминологии Майнонга, но многие из этих майнонговских предметов не являются, строго говоря, “нормальными” объектами. Большинство из них являются гибридами, обладающими некоторыми характеристиками и объектов, и понятий» [Morscher 1986, 78–79].

Выводы

Критика Адольфом Райнахом Brentановской теории суждения лишь отчасти является справедливой. Райнах настаивал на том, что в теории суждения Brentано и его учеников не существовало такого понятия, как *Sachverhalt*, что неизбежно приводит к путанице при описании процесса суждения. В ходе данного исследования мы выяснили, что в концепциях последователей Brentано существовал аналог *Sachverhalt*, при помощи которого они пытались решить те проблемы, которые присутствовали в теории суждения их учителя.

Кроме этого, в ходе анализа мы выявили две традиции интерпретации данного понятия в рамках австрийской философии. Одну из них можно назвать платонистской (Больцано, Лотце, Бергман), а другую – психологической (Штумпф, Марти, Майнонг). Кроме того, надеюсь, что в данном исследовании удалось показать, что самого Brentано вряд ли можно отнести к тем авторам, которые занимались развитием понятия *Sachverhalt*.

В русскоязычной традиции пока не существует единого перевода для данного понятия. Эта проблема связана также в свою очередь с переводами текстов Витгенштейна, где оно обрело новую жизнь. Там мы можем встретить как «положение вещей», так и «со-бытие». В случае с австрийской философией эта проблема связана с вопросом о том, можем ли мы говорить о существовании единого представления о *Sachverhalt* в австрийской традиции, о его значении для развития философского знания. Само это понятие было введено в философский лексикон не случайно. Как мы уже упоминали, Бергман и Лотце при формулировании концепции *Sachverhalt* руководствовались тем, чтобы сделать его трансцендентальным, создать для него свою онтологию, онтологию *Sachverhalt*. То же самое можно сказать и о школе Brentано. Как пишет Моршер [Morscher, 1986, 80–82], представители школы Brentано искали

новые носители истинности и условия истинности, поскольку общепринятые носители истинности, вроде предложений или мыслей, а также условия истинности, вроде объектов предложений и мыслей, зависимы от пространства и времени, языка и сознания, изменчивы. В этом отношении, на мой взгляд, можно сказать, что такое понимание *Sachverhalt* было близко как Лотце с Бергманом, так и ученикам Brentano. Поэтому возможен и единый перевод данного понятия, по крайней мере, для австрийской традиции. Таковым, в частности, может являться «положение вещей». Данное словосочетание ближе по смыслу к оригинальному понятию.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Большано 2003 – *Большано Б.* Учение о науке. – СПб.: Наука, 2003.
- Брентано 1996 – *Брентано Ф.* Избр. работы. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1996.
- Майнонг 2011 – *Майнонг А.* О теории предметов / пер. с нем. и вступ. статья В. Селиверстова // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 198–230.
- Марти 2004 – *Марти А.* Об отношении грамматики и логики // Логос. 2004. № 1. С. 138–168.
- Райнах 2001 – *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 481–543.
- Штумпф 2003 – *Штумпф К.* Самоизложение // Логос. 2003. № 3 (38). С. 80–128.
- Bergmann 1879 – *Bergmann J.* Allgemeine Logik, I. Reine Logik. – Berlin: Mittler, 1879.
- Brentano 1959 – *Brentano F.* Psychologie vom empirischen Standpunkt II. Überarbeiteter Nachdruck. – Hamburg: F. Meiner, 1959.
- Brettler 1973 – *Brettler L.A.V.* The Phenomenology of Adolf Reinach: Chapters in the Theory of Knowledge and Legal Philosophy. – Montreal: McGill University, 1973.
- Chisholm 1982 – *Chisholm R.* Homeless Objects // *Chisholm R.* Brentano and Meinong Studies. – Atlantic Highlands, N J: Humanities Press, 1982.
- Findlay 1933 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects. – Oxford: Oxford University Press, 1933.
- Findlay 1963 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects and Values. – Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Grossman 1995 – *Grossman R.* Thoughts, Objectives, and States of Affairs // Grazer philosophische Studien. 1995. Vol. 50. P. 163–169.
- Grossman 1998 – *Grossman R.* Wittgenstein and the Problem of Non-Existent States of Affairs // *Acta Analytica*. 1998. Vol. 21. P. 139–146.
- Milkov 2002 – *Milkov N.* Lotze's Concept of State of Affairs and Its Critics // *Prima Philosophia*. 2002. Vol. 15. No. 4. P. 437–450.
- Morscher 1986 – *Morscher E.* Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein // *From Bolzano to Wittgenstein: The*

Tradition of Austrian Philosophy. – Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. P. 75–85.

Morscher 1990 – *Morscher E.* Judgement-Contents // Mind, Meaning, and Metaphysics: The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty / ed. by K. Mulligan. – Dordrecht: Kluwer, 1990.

Mulligan 1989 – *Mulligan K.* Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations // Epistemologia. 1989. Vol. 12. P. 204–234.

Mulligan 1985 – *Mulligan K.* Wie die Sachen sich zueinander verhalten: inside and outside the “Tractatus” // Teoria. Logica e filosofia del linguaggio. 1985. Vol. 5. P. 145–174.

Simons 1992 – *Simons P.* The Old Problem of Complex and Fact // *Simons P.* Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays. – Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992. P. 319–339.

Simons 1999 – *Simons P.* Bolzano, Brentano and Meinong: Three Austrian Realists // German Philosophy Since Kant. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Smith 1996 – *Smith B.* Logic and the Sachverhalt // The School of Franz Brentano / ed. by L.M.L. Albertazzi, R. Poli. – Dordrecht: Kluwer, 1996.

Smith 1978 – *Smith B.* An Essay in Formal Ontology // Grazer philosophische Studien. 1978. Vol. 6. P. 39–62.

Smith 1994 – *Smith B.* Austrian Philosophy. – LaSalle, IL: Open Court, 1994.

REFERENCES

Bolzano B. (1837) *Theory of Science* (Russian translation: Saint Petersburg: Nauka, 2003).

Brentano F. (1874) *Psychology from Empirical Standpoint* (Russian translation in: Brentano F. *Selected works*. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 1996).

Brentano F. (1959) *Psychologie vom empirischen Standpunkt II. Unveränderter Nachdruck*. Hamburg: F. Meiner.

Bergmann J. (1879) *Allgemeine Logik, I. Reine Logik*. Berlin: Mittler.

Brettler L.A.V. (1973) *The Phenomenology of Adolf Reinach: Chapters in the Theory of Knowledge and Legal Philosophy*. Montreal: McGill University.

Chisholm R. (1982) Homeless Objects. In: Chisholm R. *Brentano and Meinong Studies*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.

Findlay J.N. (1933) *Meinong's Theory of Objects*. London: Oxford University Press.

Findlay J.N. (1963) *Meinong's Theory of Objects and Values*. Oxford: Clarendon Press.

Grossman R. (1995) Thoughts, Objectives, and States of Affairs. *Grazer philosophische Studien*. 1995. Vol. 50, pp. 163–169.

Grossman R. (1998) Wittgenstein and the Problem of Non-Existent States of Affairs. *Acta Analytica*. Vol. 21, pp. 139–146.

Marty A. (1920) On Relations between Grammar and Logic (Russian translation in: *Logos*. 2004. No. 1, pp. 138–168).

Meinong A. (1904) On Theory of Objects (Russian translation in: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2011. No. 1, pp. 198–230).

Milkov N. (2002) Lotze's Concept of State of Affairs and Its Critics. *Prima Philosophia*. Vol. 15, no. 4.

Morscher E. (1986) Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein. In: *From Bolzano to Wittgenstein: The Tradition of Austrian Philosophy* (pp. 75–85). Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky.

Morscher E. (1990) Judgement-Contents. In: Mulligan K. (Ed.) *Mind, Meaning, and Metaphysics: The Philosophy and Theory of Language of Anton Marty*. Dordrecht: Kluwer.

Mulligan K. (1985) Wie die Sachen sich zueinander verhalten: inside and outside the 'Tractatus'. *Teoria. Logica e filosofia del linguaggio*. Vol. 5, pp. 145–174.

Mulligan K. (1989) Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations. *Epistemologia*. Vol.12, pp. 204–234.

Reinach A. (1911) On the Theory of the Negative Judgment (Russian translation in: *Anthology of Realistic Phenomenology*. Moscow: Institute St. Thomas, 2006, pp. 481–543).

Simons P. (1992) The Old Problem of Complex and Fact. In: Simons P. *Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays* (pp. 319–339). Dordrecht; Boston: Kluwer.

Simons P. (1999) Bolzano, Brentano and Meinong: Three Austrian Realists. In: O'Hear A. (Ed.) *German Philosophy Since Kant*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smith B. (1978) An Essay on Formal Ontology. *Grazer Philosophische Studien*. Vol. 6, pp. 39–62.

Smith B. (1994) *Austrian Philosophy*. LaSalle, IL: Open Court.

Smith B. (1996) Logic and the Sachverhalt. In: Albertazzi L.M.L., Poli R. (Eds.) *The School of Franz Brentano*. Dordrecht: Kluwer.

Stumpf K. (1924) Self-Presentation (Russian translation in: *Logos*. 2003. No. 3, pp. 80–128).

**«Революция» и «Общество»
в русской философии**

**Революция – сила хранительная:
Михаил Лифшиц и Андрей Платонов ***

А.Н. Муравьев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-121-138

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В вводной части статьи выдвигается инспирированное «Философией права» Гегеля положение, что русская революция была второй в мировой истории после французской революцией попыткой построить действительное и, стало быть, разумное государство. При этом, в отличие от французской, русская революция опиралась не на субъективное мнение толпы, а на объективное научное исследование – на политическую экономию Карла Маркса. В ходе революции народы России, взяв власть в свои руки, приступили к сознательному преобразованию способа своей жизни и в короткий срок поднялись на такую ступень образования, какой прежде не достигал ни один народ в мире. Это дало возможность Михаилу Лифшицу и Андрею Платонову отнестись к событиям, начавшимся в нашей стране в 1917 г., как к великой народной революции. В основной части статьи проводится принципиальное различие между реакционным и революционным консерватизмом. На материале трудов Лифшица и Платонова доказывается, что они были революционными консерваторами, понимавшими революцию как способ сохранения и преумножения положительных достижений мировой и российской культуры. В заключении в статье указывается причина свертывания нашей народной революции в 1990-х гг. Делается вывод, что завершить воссоединение высокой и народной культуры в России невозможно без системы образования, которую необходимо создать на основе логической философской мысли от Фалеса до Гегеля включительно.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ – проект № 18-011-01042А «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)».

Ключевые слова: революция, консерватизм, охранительный консерватизм, революционный консерватизм, история, образование, Михаил Лифшиц, Андрей Платонов.

Муравьев Андрей Николаевич – доктор философских наук, доцент кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

muravyovan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-1317>

Цитирование: *Муравьев А.Н.* (2019) Революция – сила хранительная: Михаил Лифшиц и Андрей Платонов // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1. С. 121–138.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-121-138

Revolution is a Force of Guardian: Mikhail Lifshitz and Andrey Platonov*

A.N. Muravev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-121-138

Original research paper

Abstract

In the introduction of the article, there is an inspired by Hegel's *Elements of the Philosophy of Right* proposition that the Russian revolution was in world history the second attempt after the French revolution to build the real and, consequently, reasonable state. At the same time, unlike French one, the Russian revolution relied not on subjective opinion of crowd but on objective scientific research – on political economy of Karl Marx. In the process of revolution the people of Russia, having taken the power in their own hands, started conscious transformation of a way of life and, in a short period of time, achieved such a level of education that any people in the world had not achieved before. That gave ground to Mikhail Lifshitz and Andrey Platonov to treat the revolutionary events that started in Russia with the revolution of 1917 as the great national revolution. The article demonstrates a fundamental difference between reactionary and revolutionary conservatism. Based on the works of Lifshitz and Platonov, it is proved that they were revolutionary conservatives. For this reason, they understood

* The study was funded by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) – project no. 18-011-01042A “Conservative Ideas in Soviet Philosophy and Literature (M.A. Lifshitz's circle).”

revolutionary denial of the old regime as a way of conservation of positive achievements of world and Russian culture. In the conclusion, the author reveals the reasons of curtailment of Russian national revolution in the 1990s. The author argues that the continuation of reunion of high and popular cultures in Russia is impossible without education system that needs to be created on the basis of logical philosophy as a result of the historical development of classical philosophical thought from Thales to Hegel.

Keywords: revolution, conservatism, protective conservatism, revolutionary conservatism, history, education, Mikhail Lifshitz, Andrey Platonov.

Andrei Muravev – Dr.Sc. in Philosophy, Associated Professor at the Department of the History of Philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

muravyovan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-1317>

Citation: Muravev A.N. (2019) Revolution is a Force of Guardian: Mikhail Lifshitz and Andrey Platonov. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 121–138.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-121-138

Введение

Размышляя сегодня о нашей революции, приходится размышлять, конечно, не только о прошлом, хотя многие из нас хотели бы оставить ее исключительно там. Это понятное желание вызвано громадными жертвами, понесенными в ходе нее народами России. Вызванные революцией события от Гражданской войны и интервенции до освоения целины и околоземного космического пространства можно назвать одним беспрецедентным жертвоприношением, масштаб которого таков, что число его жертв едва ли когда-нибудь будет сосчитано. Продолжения революции, как уже сказано, не хотят многие из нас, но, во-первых, мало что в объективно-необходимом ходе истории зависит от наших субъективных желаний, а, во-вторых, диктуемое злобой дня нежелание продолжать дело революции отнюдь не снимает вопроса о том, что освятило указанное жертвоприношение, ради чего были принесены все эти жертвы. Напротив, объявление этих жертв напрасными в своей безнравственности равносильно признанию их правомерными по печально известной пословице «Лес рубят – щепки летят». Поэтому раскрытие всемирно-исторической необходимости русской революции является весьма актуальной теоретической задачей, с которой историческая наука в ее эмпи-

рическом виде справиться не в состоянии. Без искусства, религии и философии как форм познания абсолютного содержания духа эту нелегкую проблему не решить, в чем были убеждены М.А. Лифшиц и А.П. Платонов.

Прежде чем обратиться к трудам Лифшица и Платонова, откроем «Философию права» Гегеля, поскольку в ней подводится определенный итог постижения природы права и нравственности классической философской мыслью. Положения этой работы дают ключ к пониманию противоречивого характера русской революции, чей пусковой механизм был запущен в 1861 г. Отмена крепостного права, как известно, не отменила вместе с ним помещичьего землевладения в России. Освобождение крестьян не только от личной зависимости, но вместе с нею и от земли положило начало ускоренной пролетаризации населения страны, что уже в 1917 г., на исходе Первой мировой войны, привело к исчезновению всего прежнего порядка жизни.

Гегель о Руссо и характере французской революции

Поясняя в Примечании к §258 своей «Философии права» идею государства, Гегель признает за Руссо заслугу отыскания мыслимого понятия государства, ибо с точки зрения абсолютного идеализма именно внутреннее, имманентное развитие этого понятия определяет внешний ход реальной истории человечества. Заслуга Руссо состоит в том, что как принцип государства он выставил такой принцип, который не только по форме, но и по содержанию есть мысль, точнее даже, само мышление, а именно – воля, т.е. сама себя осуществляющая свобода. Вместе с тем Гегель указывает, что Руссо постиг волю только в конечной форме единичной воли, отчего и трактовал всеобщую волю не как вполне разумную, но лишь как общую волю, происходящую из единичных волей благодаря сознанию множеством индивидов тождества их мнений о государственном устройстве своей общественной жизни. В этом, заметим от себя, сказался не преодоленный знаменитым просветителем эмпиризм его мысли, из-за чего Руссо, размышляя о понятии государства, принял особенное в нем за всеобщее, совершив таким образом логическую ошибку. Именно в силу этого паралогизма Руссо вслед за Гоббсом трактовал государство как договорное отношение, основанное на произволе и мнении индивидов. Отсюда, заключает Гегель, последовали дальнейшие чисто рассудочные теоретические выводы, отрицающие божественный авторитет и достоинство реально существующего государства, а также практическая попытка заменить его во время французской

революции другим, мнимо разумным государством. Эта революция впервые в истории человеческого рода поставила своей целью создать конституцию действительного государства всецело и с самого начала из мысли. Однако именно мнимая разумность, т.е. безыдейность, присущая рассудочным абстракциям, потребовала для осуществления этого замысла насилия, которым были разрушены наличные государственные институты, что как раз и превратило, по Гегелю, эту великую попытку в чудовищное зрелище — в череду ужасающих и вопиющих событий.

Гегелевская оценка революционных событий во Франции интересна для нас тем, что *почти* то же самое и *почти* по той же причине явила собой наша революция. Она была второй в мировой истории великой попыткой построить действительное и, стало быть, разумное государство всецело из мысли. При этом, в отличие от французской, русская революция опиралась уже не на субъективное мнение толпы, а на объективное научное исследование — на политическую экономию Маркса и его трактовку мировой истории как истории классовой борьбы. Однако, поскольку Маркс и Энгельс, а вслед за ними Ленин и Сталин, будучи убежденными материалистами (и, стало быть, эмпириками, так как любой материализм Нового и Новейшего времени есть некоторый извод эмпиризма), приняли, подобно Руссо, особенное за всеобщее и все свои надежды на светлое будущее человечества возложили на один из особенных общественных классов — на пролетариат, постольку и эта попытка не обошлась без ужасных событий. Вместе с тем, нельзя не признать, что в ходе революции народы нашей страны, взяв власть в свои руки, приступили к сознательному преобразованию всего способа своей жизни и в короткий срок поднялись на такую ступень образования, какой прежде не достигал ни один народ в мире. Это доказывается сравнением результатов Первой мировой и Великой Отечественной войн, а также военно-техническим паритетом с США, достигнутым СССР в тяжелейших послевоенных условиях, несравнимых с теми благоприятными обстоятельствами, в которых находился его бывший союзник. Именно поэтому нашу революцию не только можно, но и по праву должно назвать, как это сделал Михаил Лифшиц, *великой народной революцией* [Лифшиц 2015, 659], вырвавшей народные массы из темноты и невежества, которые до нее толкали русский и другие народы России лишь на *бунт, бессмысленный и беспощадный*, по словам Пушкина. Точно так же относился к ней и Андрей Платонов, не случайно сблизившийся в 1930-х гг. с кругом Лифшица. Рассмотрим различные детали их единого

отношения к русской революции с целью ближе определить ее всеобщее, непреходящее содержание и тем самым выяснить, какой урок несет она из прошлого через настоящее в будущее.

Русская революция и культура в оценке Михаила Лифшица

М.А. Лифшиц одним из первых осознал нашу революцию как начало целой всемирно-исторической эпохи, которая имеет своей целью не отрицание, а, напротив, отрицание отрицания, или, по его определению, *Restauratio Magna*, т.е. *Великое Восстановление* безусловных достижений всей мировой культуры. В его понимании события 1917 г. в России предвещали «неотвратимое слияние двух мировых потоков – первого, поднимающегося снизу движения миллионов, которое проходит через всю историю цивилизации, и так часто, достигая какого-нибудь рубежа, снова бывает отброшено назад; и второй струи, второй линии мировой культуры, идущей сверху от самой теории, от жизни ума и искусства, хотя и отдаленной от массового основания, но, тем не менее, глубочайшим образом, через ряд посредствующих звеньев связанной с ним» [Лифшиц 1987, 275]. Именно безусловные достижения духа с середины XIX в. стали подвергаться отрицанию отходящей в прошлое классовой цивилизацией, до сих пор старающейся продлить свое существование путем модернизации всего и вся. Вот почему Лифшиц принципиально не мог быть модернистом – сторонником отвержения абсолютных ценностей, исторически выработанных человечеством. «Революционное отрицание старой организации жизни должно перейти в отрицание старой дезорганизации, – писал он, осмысляя опыт нашей революции. <...> С этой точки зрения понятна также борьба Ленина за создание жизненной обстановки, в которой народные массы могли бы усвоить “вполне и настоящим образом” лучшие, классически развитые формы культуры вместо продуктов разложения этой культуры, сеющих только анархический бунт против нее. Устами Ленина Октябрьская революция объявила себя не восстанием разрушительных сил против человеческого образа жизни, созданного веками, а прочным оплотом истины, добра и красоты» [Лифшиц 1988б, 251]. С признанием этого связано определение культуры, сформулированное Лифшицем в статье о проблеме духовного наследования: «Культура есть совокупность всех положительных достижений общества без отравляющего их элемента принудительности, муштры и казенщины, но также без анархического отталкивания, мнимореволюционного отрицания

их, связанного главным образом с периодами распада старых обществ» [Лифшиц 1988а, 282].

Нельзя отрицать, что в историческом развитии есть прерывность, но это вовсе не означает, что в нем отсутствует непрерывность. Слишком рассудочно и сентиментально поступают те, кто пытаются вытянуть из нашего сложного прошедшего какую-то одну нить — например, такую внешне привлекательную, как нить так называемой «белой России», России господ, наивно полагая и уверяя других, что лишь в ней заключалась вся соль нашей жизни. Рожденные в других сословиях презрительно именовались до революции «кухаркиными детьми» или «чумазыми» и получали возможность высшего образования лишь в исключительных случаях, как М.В. Ломоносов или Т.Г. Шевченко. Только советская власть распространила такую возможность на весь так называемый «черный народ», который был «призван править Русью, согласно известной легенде о Полкане-богатыре» [Лифшиц 2015, 632], и с помощью специалистов, подготовленных до революции, так справилась с этим призванием, что наша страна, несмотря на огромные человеческие потери, понесенные ею вследствие самых жестоких войн, репрессий и эмиграции, стала одной из двух великих держав, а советское образование было признано соперничающей стороной лучшим в мире. Это показывает, что революционное прерывание постепенности исторического процесса отнюдь не исключает действительного развития. Напротив, такое прерывание ровно настолько является необходимым моментом истории, насколько прокладывает дорогу в будущее — к новому, второму рождению прошлого в настоящем. Именно в этом смысле революция есть *сила хранительная*, по удачному выражению А.И. Герцена (1). Вопреки исторической видимости, она в действительности спасает нажитое человечеством, возрождает прошлое, утверждая истинную форму его идейного содержания, отрицающую отрицание тех случайных исторических форм, в которых это вечное содержание когда-то выступало во времени, шаг за шагом являясь на свет.

Поэтому русскую революцию не следует, как нередко делают, отождествлять с европейским *восстанием масс*, о котором писал Хосе Ортега-и-Гассет. Хотя в этих исторических явлениях есть черты внешнего сходства, делающие утверждения об идентичности большевизма и фашизма правдоподобными и убедительными для части публики, по своей сущности они радикально различны. Автор «Восстания масс» тоже иногда путал их, но он делал это нечаянно — по инерции, вызванной его философским

мировоззрением, принцип которого восходил к кантовскому дуализму материи и формы, опыта и разума, природы и духа, отчего противоположность «массы» и «избранных» казалась Ортеге изначальной и непреодолимой. Однако, завершая свое исследование, он недвусмысленно констатировал, что славянский «коммунизм – это крайне странная нравственность, но это нравственность», тогда как европейский массовый человек отверг прежнюю нравственность «не ради новой, а ради того, чтобы, согласно своему жизненному укладу, не придерживаться никакой» [Ортега-и-Гассет 2000, 161]. Поэтому, встретив слова Ортеги: «В конце концов, единственное, что действительно и по праву можно считать восстанием, – это восстание против себя, неприятие судьбы» [Ортега-и-Гассет 2000, 110–111], требуется продолжить его мысль за ее ограниченный европейский горизонт и сказать, что русская революция есть не что иное, как восстание народа против судьбы быть «массой», вынужденной подчиняться манипулирующей ею «элите». Интеллигенция, возникающая в ходе такой революции, уже не представляет собой слоя, обособленного от жизни народных масс, а является результатом их неудержимого порыва к самоуправлению и вершинам мировой культуры. Проницательный испанский мыслитель несколько не ошибался, когда перед лицом фашистской угрозы писал: «Европе не на что надеяться, если судьба ее не перейдет в руки людей, мыслящих “на высоте своего времени”, – людей, которые слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в ее полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания. Нам понадобится весь опыт истории, чтобы не кануть в прошлое, а выбраться из него» [Ортега-и-Гассет 2000, 98]. Ортега безусловно прав и в том, что единственным способом освоения опыта, выработанного человечеством в ходе мировой истории, может быть только настоящая философия. «Подлинная философия – единственное, что может спасти Европу», – утверждал он [Ортега-и-Гассет 2000, 110].

Последние положения позволяют понять, почему проблема отношения опыта и философии, или, другими словами, исторического и логического стала для Михаила Лифшица основной проблемой. Поскольку он был далек от апологетического, односторонне-положительного взгляда на Октябрьскую революцию и последовавшие за нею события, постольку теоретические занятия Лифшица питались стремлением прояснить перспективу этого весьма противоречивого движения (2). Задача раскрытия цели мировой и российской истории побудила мыслителя к развиту диалектического метода мышления: «Главной моей темой

была диалектика как учение о единстве противоположностей, переход от относительности к абсолютному и вечному, от чистой отрицательности — к сохранению и созиданию» [Лифшиц 1987, 276]. Он должен был не только объяснить этим методом перипетии тех этапов революционного движения в России, участником которых ему выпало быть, но и материалистически постичь всю историю мировой культуры, поскольку ее идеалистическая трактовка, согласно Лифшицу, привела к примирению со стихийным ходом человеческого развития даже такого великого философа, как Гегеля.

В ходе своих историко-культурных исследований «Лифшиц в 1930-е годы в споре с абстрактным марксизмом создал свою концепцию “великих консерваторов человечества” от Аристофана до Гёте, Бальзака, Пушкина, Достоевского. Он утверждал, что в иной темноте (и отсталости. — А. М.) больше смысла и света, чем в самых передовых, абстрактно правильных идеях» [Арсланов 2015, 8]. Эту парадоксальную диалектику исторического развития духа народов Лифшиц разъяснил в своих лекциях о мировом значении русской культуры, читанных в августе-сентябре 1943 г.: «Глубоко неправильно было бы думать, что отсталость есть благо и что в отсталости русской культуры в прошлом состоит будто бы ее преимущество, что именно поэтому мы можем дать некоторые уроки “гнилому Западу”. <...> Но вместе с тем мы можем сказать, что преимуществом нашей страны в ее прошлом является отсутствие таких форм ее культурного развития, которые в той или другой степени могут быть названы половинчатыми, компромиссными. Полуразвития наша страна не знала. То полуразвитие, которое в своеобразных формах проявляется и в средневековом городе, и в культуре XVII и XVIII веков во Франции, — такого полуразвития в нашей стране с самого начала не было. В ней были гораздо большие контрасты, но контрасты эти обещали в дальнейшем и более радикальное их решение, решение заложенной в них противоположности. Для пояснения этой мысли я сошлюсь на простой житейский пример. Часто говорят, что слишком впечатлительные люди — плохие солдаты. Это наблюдение верно. Человек высоко-развитый, впечатлительный, если на него внезапно обрушился хаос, чувствует себя не на месте. Именно этим объясняется то, что фашисты разгромили Францию и некоторые другие западные страны. А Россия — страна, где много людей цельных, но менее чувствительных, поэтому они не испугались ни скрежета танков, ни других ужасов войны. <...> Настоящая храбрость есть у человека, который не слишком преувеличивает опасность и который

вместе с тем достаточно ясно ее понимает. Таково преимущество сознательного человека, подлинно культурного человека, когда непосредственная, простая, элементарная основа в нем еще не испорчена, а развитие уже получено» [Лифшиц 2015, 98–99]. Это поразительно быстрое развитие культуры народных масс было, по Лифшицу, достигнуто вследствие Октябрьского переворота лишь благодаря предпосылкам, далеко уходящим в прошлое России. «Наша революция, – подвел он итог своему разъяснению, – является как раз соединением того прогрессивного, что в конце концов вышло из петровской России, с тем революционным размахом и с той положительной демократической струей, которая проистекает издревле, из глубоких и архаических источников и проходит через всю нашу прежнюю историю. Так же точно, как и те силы, которые мы свергли в 1917 году, представляли собой соединение элементов петровского и допетровского типа. Но здесь – в обоих случаях – в их худшем варианте: ложное западничество, ложный отказ от народного, своего исторически сложившегося типа жизни, с одной стороны, а с другой – та косность, те элементы азиатского “сплошного быта”, неподвижности, которые нужно было сломать, чтобы поднять народ на высоты гражданской политической жизни <...> которые нужно было переработать на другой лад при посредстве тех сил мирового опыта и организации, которые вносились в народную стихию людьми, умевшими смотреть на все явления нашей жизни не только снизу, но и сверху» [Лифшиц 2015, 100–101].

Различие между реакционным и революционным консерватизмом

Важным выводом, следующим из сказанного, выступает *принципиальное различие между реакционным и революционным консерватизмом*, которого сам М.А. Лифшиц по обстоятельствам времени не сделал, предпочтя говорить, как было тогда принято, о «борьбе консервативных и прогрессивных сил» [Лифшиц 2015, 99]. Любой консерватизм есть стремление сохранить освященные веками традиционные ценности, однако представления о способе их сохранения могут быть противоположны и действительно таковы. Реакционным, или *охранительным*, был консерватизм Л.В. Дубельта, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и К.П. Победоносцева, при всем различии между их позициями единодушных в том, что нужно «подморозить» Россию, увековечить ее отсталость, ибо сила ее заключается в исконной темноте народа, который непременно испортится, если Россия будет продолжать начатую Петром I

политику открытости Западу. Напротив, революционный, или *хранительный*, консерватизм присущ тем, кто понимает, что Восток и Запад, Россия и Европа есть не чуждые и враждебные друг другу начала, что без образования народов нашей страны, превосходящего духовное полуразвитие западных народов, т.е. без высокой народной культуры, будущее России и мира обеспечено быть не может.

Революционный консерватизм Андрея Платонова

Поборником революционного консерватизма, ратующим, подобно Михаилу Лифшицу, за реализацию вечного идеала русской и мировой культуры, издавна требующего «ликвидации контрастных, противоположных, противостоящих друг другу элементов старой истории: отсталого народного быта и антинародного развития цивилизации наверху» [Лифшиц 2015, 104], был также Андрей Платонов. Всё чудовищное, злое и гадкое «свержено мощью выросшей мысли, и начинается творчество жизни, братства, труда, нравственности на новых, честных, разумных, человеческих началах, — утверждал он уже в 1919 г. — <...> Мы переживаем великую эпоху возрождения духа человеческого во всех его проявлениях» [Платонов 2016в, 11–12]. В 1934 г. писатель характеризует социалистическую революцию как заключительный акт трагедии мировой истории — как спасение мира от катастрофы, которая уготована ему безмерностью аппетита буржуазии, распоряжающейся современной техникой, способной нарушить хрупкое равновесие природы и хозяйничающего в ней человека. Социализм для него есть «трагедия напряженной души, преодолевающей собственную убогость, чтобы самое далекое будущее было застраховано от катастрофы. <...> Вся наука, техника и металлургия — всё оружие власти над природой — будут ни к чему, если достанутся в наследство недостойному обществу. Больше того, несовершенный человек создаст тогда из истории такую трагедию без конца и развязки, что его собственное сердце устанет» [Платонов 2011б, 643]. Так Платонов постигает всемирно-историческую необходимость нашей революции. Материальные социально-экономические и политические преобразования, с которых она началась, он правильно трактует как необходимые условия и элементы *революции духа*, состоящей в замене одного миропонимания, нацеленного на благо, которое присваивалось посредством сознания, бывшего привилегией господ, другим миропониманием, основанным на познании самой истины. Именно социалистическая революция является для

Платонова истинным способом консервации непреходящих ценностей, сохранения духовной традиции: «Буржуазия <...> искала не столько истину, сколько благо. Мы же будем искать истину, а в истине благо» [Платонов 2016б, 116]. Этому великому перевороту предстоит сделать стихийный прежде опыт человеческой жизни сознательным: «Русский народ уцелел оттого, что долго ничего не сознавал, и боль была ему не больна. Теперь русский народ в ногу со всем человечеством переходит из царства стихии <...> и бессознательности в царство сознания, в мир мысли и точных форм» [Платонов 2011а, 36].

Раскрытие духовного зерна и высочайшей внутренней цели социалистической революции побуждает Андрея Платонова неоднократно проводить аналогию между нею и жертвенной смертью Христа – единичным и потому случайным явлением смерти самой смерти как начала уже бессмертной жизни. В смерти мертвого бога он видит его воскресение в людях труда, окончательно уничтожающих ветхий, временный и созидających вечный мир. Вечную жизнь бог обретает в пролетариях, из ненависти творящих зло, которое революция преобразует в добро и любовь, в силу чего это злое добро оказывается гораздо более продуктивным, чем доброе зло их угнетателей, способное произвести лишь утешительные религиозные представления: «Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщения. И этот гнев выше всякой небесной любви, ибо только он родит царство Христа на земле. <...> Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга. Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело – и он жив в нас» [Платонов 2016д, 33]. Мировая революция необходима, отчего ее массовое жертвоприношение началось с России, где противоречие между высокой и народной культурой назрело острее, чем на Западе и Востоке.

Как будет преодолено это противоречие, из которого мировая революция, начавшаяся у нас, черпает свою хранительную энергию? Поскольку революция вызвана разрушительно-творческой мыслью пролетариата, постольку, умерщвляя прежнюю, мертвую жизнь и тем самым рождая жизнь настоящую, вечно живую, которой на земле еще не было, пролетариат, прежде всего, возродит настоящее искусство, это самое могущественное проявление растущей, юношески-прекрасной жизни. Пролетарское искусство как коллективное творчество неотделимо от техники как средства организации массовых человеческих усилий, многократно превосходящих слабые силы отдельных индивидов. На почве

товарищеского единения людей в созидательном труде возникнет неслыханная общественная личность, любящая в каждом человеке саму себя по новейшему завету технического евангелия. «Смерть — личности, жизнь и свобода — организованным массам. Масса делается личностью. <...> Рабочая масса, организованная совместным машинным трудом, представляет из себя, выражаясь старым языком, высший тип личности. Но, конечно, масса не личность, а что-то больше ее, что-то другое, что знает сама масса и ее члены, но чему не подыскано еще имени, для чего нету слова во всем интернационале языков» [Платонов 2016а, 216]. Тем самым новейшее искусство сольется с древнейшим, когда художественное творчество было плодом художника без имени, т.е. всего народа, племени или рода. Так высокое искусство впервые станет народным. Как «факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречаемыми слепыми силами» [Платонов 2016в, 14] неразумной природы, оно выступит увертюрой и прологом познания истины, ибо «удовлетворить мысль может только истина, и не осколки истины (часть истины — всегда ложь, только вся истина — истина), а вся истина» [Платонов 2016г, 256]. В познании истины как таковой мир станет равен человеческой мысли, что сделает опыт вполне сознательным. Так будет завершена мировая история человечества, т.е. его труд на протяжении тысячелетий, давший ему, помимо прочего, религию и науки. Платонов признает, что религия и науки суть только «попытки слияния мысли с миром» [Платонов 2016г, 257], отчего наука никогда не заменит народу религию, которой он, пусть ложно, привык утешаться. Превратить слепую веру, это темное движение души в ясный свет абсолютного знания истины, в разгадку всех тайн, благодаря чему всё в мире встанет на свои места, может только «более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука» [Платонов 2016г, 260]. Убожество народного духа исцелит лишь этот высший цвет мировой культуры — *философия*, имени которой писатель в своей публицистике не называет, чтобы не путать философию как таковую с метафизикой и идеализмом, давшим начало материалистическому методу опытных наук о природе. Он не поминает этого имени всуе и в своем художественном творчестве, однако известно, что повесть о сокровенном русском человеке, который с самого начала революции стал выходить на свет, названную просто «Сокровенный человек», Андрей Платонов первоначально хотел озаглавить весьма откровенно — «Страна философов».

Заключение

По образному выражению писателя, «социализм есть теплый дождь на почву сознания» [Платонов 2011в, 639]. Почему же этот благодатный дождь около четверти века назад прекратил увлажнять всходы сознательности в нашей стране, и в чем состоит главный урок русской народной революции? Ее великий исторический урок заключается в том, что мысли, преобразующей реальность нашего государства, предстоит наконец стать вполне разумной, т.е. по-настоящему философской мыслью. Если не православная религия, как было до начала революции, и не диалектический материализм, как стало после него, а *логическая философия* (3) ляжет в основу отечественной системы образования, то народы России продолжат свой путь в светлое будущее, а очистительные жертвы, принесенные ими на алтарь мировой истории, преисполнятся смысла.

Но зачем нашему государству необходима система образования, основанная на настоящей, логической философии? Она необходима, прежде всего, затем, что без нее новое российское государство окажется не в состоянии решить ту проблему, которую не смогли решить ни царская, ни советская Россия, отчего обе они исчезли. Проблему эту, если вновь обратиться к «Философии права» Гегеля, видевшего в ее решении цель действительного государства, можно сформулировать как задачу разрешения противоречия всеобщего и особенного (или *частного*, как принято говорить) интересов – противоречия, которое, оставаясь неразрешенным, порождает противоположность бедности и богатства. Царизм не решил этой задачи, поскольку рассудочно разделял ортодоксальные религиозные представления, переносящие преодоление их противоположности с земли на небо. Светское советское государство – потому, что руководствовалось не чистой логической философией, учащей методически справляться со всеми противоречиями жизни и познания, а зараженным эмпиризмом диалектическим материализмом, который был лишь отрицательно-разумен, отчего абсолютизировал насилие, названное Марксом *повивальной бабкой истории*. Это и подвигло советскую власть на небывалый исторический эксперимент реализации в масштабах страны абстракции всеобщего интереса, исключаяющего особенные интересы всех классов и слоев общества. Сугубо отрицательно относясь к буржуазии и весьма подозрительно – к зажиточному крестьянству, эта власть опиралась только на пролетариат, не имеющий, по выражению Маркса и Энгельса, *ничего, кроме своих цепей*. Тем самым она уничтожала источник материального богатства

и насаждала универсальную бедность, которая оправдывалась лишь духовным подъемом народов страны. Разрешить основное противоречие гражданского общества между чрезмерным богатством одних и чрезмерной бедностью других, о необходимости чего Гегель писал в §245 «Философии права», силовым способом оказалось невозможно. Выгнанная нашей революцией в дверь, частная собственность на общественный капитал, или средства производства материальной жизни, путем демонтажа социализма влезла в окно. Вновь от имени народа деспотически вмешаться в право собственности и в восстановленные буржуазные производственные отношения значило бы, как говорится, наступить на те же грабли. Поэтому сегодня настало время понять, что указанное противоречие действительно разрешается отнюдь не насилием, а воспитанием и образованием положительной разумности всех граждан государства российского. Система такого воспитания и образования может быть создана только на основе логических достижений классической философской мысли [см.: Муравьев 2015, 258–286]. На соединении этой высокой философской культуры с культурой народа дружно настаивали революционные консерваторы Михаил Лифшиц и Андрей Платонов. Они понимали, что лишь неудовлетворенный собственной скудостью дух пытается компенсировать ее стяжательством, т.е. безмерным накоплением материального богатства, отчего на другом полюсе общества возникает не просто чрезмерная бедность, а нищета, которая не может не вызвать возмущения, переходящего границу самого стойкого долготерпения. Логическая философия, будучи положена в основу системы национального образования народов России, позволит ее гражданам постепенно достичь полного развития всех своих духовных задатков, что завершит процесс революции, прерванный в 1990-х гг., и навсегда гарантирует нас от ее эксцессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Согласно А.И. Герцену, революция вовсе не сводится к одному отрицанию, разрушению, апологетом которого выступил его старый товарищ М.А. Бакунин: «Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти всё, что в нем достойно спасения, но и оставить на свою судьбу всё не мешающее, разнообразное и своеобычное» [Герцен 1958, 405].

(2) «Драма нравственности: разрыв субъекта и объекта в этике — включая революцию (коммунизм), которая хотя и является великим

протестом, но зависит от своего времени и тоже противоречива», – записал он для себя в одной из заметок [Лифшиц 2004, 337].

(3) *Логическая философия* – словосочетание, предложенное Е.С. Линьковым для обозначения настоящей философии как единого и вполне разумного результата исторического развития философии [Линьков 1997]. Над освоением этого чрезвычайно важного для дальнейшего развития человечества результата, не распадающегося на различные философские учения, а потому требующего логического снятия всей истории классической философской мысли от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно, Линьков работал наряду с М.А. Лифшицем и Э.В. Ильенковым [см.: Муравьев 2015, 235–257].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арсланов 2015 – Арсланов В. Г. «Русская идея» марксиста Мих. Лифшица (Идеал русской культуры) // *Лифшиц Мих.* Очерки истории русской культуры. – М.: Академический проект, 2015.

Герцен 1958 – Герцен А.И. К старому товарищу // *Герцен А.И.* Сочинения в 9 т. Т. 8. – М.: ГИХЛ, 1958.

Линьков 1997 – Линьков Е.С. Становление логической философии // *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. С. 5–16.

Лифшиц 1987 – Из автобиографии идей: Беседы М.А. Лифшица // *Контекст-1987: Литературно-теоретические исследования.* – М.: Наука, 1988.

Лифшиц 1988а – Лифшиц Мих. Ленинизм и проблема наследства // *Лифшиц Мих.* Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. – М.: Изобразительное искусство, 1988.

Лифшиц 1988б – Лифшиц Мих. Нравственное значение Октябрьской революции // *Лифшиц Мих.* Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М.: Изобразительное искусство, 1988.

Лифшиц 2004 – Лифшиц Мих. Что такое классика? – М.: Искусство – XXI век, 2004.

Лифшиц 2015 – Лифшиц Мих. Очерки истории русской культуры. – М.: Академический проект, 2015.

Муравьев 2015 – Муравьев А.Н. Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры. – СПб.: Наука, 2015.

Ортега-и-Гассет 2000 – Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / пер. А. Гелескула – М.: Весь мир, 2000.

Платонов 2011а – Платонов А.П. Вечер Некрасова в Коммунистическом университете // А.П. Платонов. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М.: Время, 2011.

Платонов 2011б – Платонов А.П. О первой социалистической трагедии // А.П. Платонов. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М.: Время, 2011.

Платонов 2011в — Платонов А.П. Питомник нового человека // А. П. Платонов. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. — М.: Время, 2011.

Платонов 2016а — Платонов А.П. Всероссийская колымага // Красный Платонов [сб. статей]. — М.: Common place, 2016.

Платонов 2016б — Платонов А.П. Культура пролетариата // Красный Платонов [сб. статей]. — М.: Common place, 2016.

Платонов 2016в — Платонов А.П. К начинающим пролетарским поэтам и писателям // Красный Платонов [сб. статей]. — М.: Common place, 2016.

Платонов 2016г — Платонов А.П. О любви // Красный Платонов [сб. статей]. — М.: Common place, 2016.

Платонов 2016д — Платонов А.П. Христос и мы // Красный Платонов [сб. статей]. — М.: Common place, 2016.

REFERENCES

Arslanov W.G. (2015) «Russian Idea» of Marxist Michail Lifshitz (Ideal of Russian culture). In: Lifshitz M. *Essay of History of Russian Culture*. Moscow: Akademicheskyy proyekt (in Russian).

Herzen A.I. (1958) To Old Comrade. In: Herzen A.I. *Works in 9 Volumes* (vol. 8). Moscow: GIKhL (in Russian).

Linkov E.S. (1997) Genesis of Logical Philosophy. In: Hegel G.W.F. *Science of Logic* (pp. 5–16). Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Lifshitz M.A. (1987) From Autobiography of Ideas: Conversations of M.A. Lifshitz In: *Kontext-1987. Literary and Theoretical Research*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lifshitz M.A. (1988a) *Leninism and Problem of Heritage*. In: Lifshitz M.A. *Works in 3 Volumes* (vol. 3). Moscow: Visual art (in Russian).

Lifshitz M.A. (1988b) *Moral meaning of October revolution* In: Lifshitz M.A. *Works in 3 Volumes* (vol. 3). Moscow: Visual art (in Russian).

Lifshitz M.A. (2004) *What is classic?* Moscow: Iskusstvo – XXI vek (in Russian).

Lifshitz M.A. (2015) *Essay of history of Russian culture*. Moscow: Akademicheskyy proyekt (in Russian).

Muravev A.N. (2015) *Philosophy and Experience: Essay of History of Philosophy and Culture*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Ortega y Gasset J. (2000) *The Revolt of the Masses*. In: Ortega y Gasset J. *Selected works*. Moscow: Ves mir (Russian translation).

Platonov A.P. (2011a) Nekrasov's Soirée in a Communist University. In: Platonov A.P. *Factory of Literature. Literary Criticism, Journalism*. Moscow: Vremya (in Russian).

Platonov A.P. (2011b) On the First Socialist Tragedy. In: Platonov A.P. *Factory of Literature. Literary Criticism, Journalism*. Moscow: Vremya (in Russian).

Platonov A.P. (2011c) Nursery of New Man. In: Platonov A.P. *Factory of Literature. Literary Criticism, Journalism*. Moscow: Vremya (in Russian).

Platonov A.P. (2016a) All-Russian Jalopy. In: Platonov A.P. *Red Platonov* [collected articles]. Moscow: Common place (in Russian).

Platonov A.P. (2016b) Culture of Proletariat. In: Platonov A.P. *Red Platonov* [collected articles]. Moscow: Common place (in Russian).

Platonov A.P. (2016c) To Young Proletarian Poets and Writers. In: Platonov A.P. *Red Platonov* [collected articles]. Moscow: Common place (in Russian).

Platonov A.P. (2016d) On Love. In: Platonov A.P. *Red Platonov* [collected articles]. Moscow: Common place (in Russian).

Platonov A.P. (2016e) Christ and We. In: Platonov A.P. *Red Platonov* [collected articles]. Moscow: Common place (in Russian).

The Revolution and Intelligentsia in G.G. Shpet's *An Outline of the Development of Russian Philosophy*

Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета*

В.А. Куприянов

Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-139-151

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируется понимание Октябрьской революции в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета. Автор рассматривает теорию типов интеллигенции (церковной, правительственной и оппозиционной) Шпета и показывает, как в ней проявилось отношение к Октябрьской революции, которую Шпет оценивает исходя из некоторого идеального представления о революции, призванной дать важный импульс к развитию культуры. Доказывается, что, согласно Г.Г. Шпету, бывшая оппозиционная интеллигенция, которая сформировала правительство в новом советском государстве, в своем отношении к культуре идентична царской правительственной интеллигенции, что означает фактическую реставрацию политики царизма в сфере культуры в советской России. На этом основании автор делает вывод, что Г.Г. Шпет понимает революцию как упущенный шанс изменения отношения государства к культуре в России. Исходя из концепции Шпета, можно заключить, что политические события 1917 года невозможно считать в подлинном смысле революционными, поскольку идея революции предполагает радикальную смену существующего общественно-политического строя, о чем сложно в полной мере говорить в случае «революции 1917 года». История противостояния оппозиционной интеллигенции и правительства в эпоху царизма оказалась аналогичной тем общественным процессам, которые были связаны с развитием диссидентского движения и вызвали крах СССР. В статье уделяется особое внимание интерпретации Шпетом творчества Н.Г. Чернышевского. В статье показано, что Шпет обоснованно связывает творчество Чернышевского с европейским Просвещением XVIII века, уподобляя русского мыслителя Вольтеру. В этом отношении Шпет отождествляет русскую оппозиционную интеллигенцию Просвещению. В статье используется традиционный инструментарий истории философии: герменевтический, компаративистский метод, метод исторической реконструкции.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, революция, оппозиция, революционные демократы, интеллигенция, культура, философия истории русской философии.

Куприянов Виктор Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории есте-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01168, Санкт-Петербургский государственный университет).

ствознания и техники РАН им. С.И. Вавилова; ассоциированный научный сотрудник Социологического института ФНИСЦ РАН.

nonignarus-artis@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0757-3752>

Цитирование: *Куприянов В.А.* (2018) Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 1. С. 139–151.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-139-151

The Revolution and Intelligentsia in G.G. Shpet's *An Outline of the Development of Russian Philosophy**

V.A. Kupriyanov

Saint Petersburg branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-139-151

Original research paper

Abstract

The article analyzes G.G. Shpet's understanding of the October Revolution, as reflected in his *An Outline of the Development of Russian Philosophy*. The author examines Shpet's theory of the types of intelligentsia (ecclesiastical intelligentsia, ministerial intelligentsia, and oppositional intelligentsia) and their attitude to the Russian Revolution, which Shpet treats as an ideal notion aimed at promoting cultural development. The author maintains that, according to Shpet, oppositional intelligentsia, forming the new Soviet government, and the former ministerial intelligentsia treated culture similarly. Thus, in the sphere of cultural development, Soviet Russia abode by tsarist cultural policies. This enables the author to conclude that Shpet views the Russian Revolution as a wasted opportunity to change the relationship between government and culture. Having analyzed Shpet's ideas, one can conclude that the political events of 1917 cannot be truly considered revolutionary, since the idea of a revolution implies a radical change of the existing political order, something which can hardly be said in case of the "Revolution of 1917." The history of opposition vs. government confrontation in the tsarist epoch appears to be similar to the social processes associated with the dissident movement in the USSR. The article gives special attention to Shpet's interpretation of N.G. Chernyshevsky's work. The article shows that Shpet rightly links Chernyshevsky's creative work with 18th-century European Enlightenment, comparing Chernyshevsky with Voltaire. Shpet believes that Russian oppositional intelligentsia can be associated with the Enlightenment. The article uses a range of traditional methods of history of philosophy: hermeneutics, comparative method, and historical reconstruction.

Keywords: G.G. Shpet, revolution, opposition, revolutionary democrats, intelligentsia, culture, philosophy, history of Russian philosophy.

*The research was funded by the Russian Science Foundation (project no. 17-18-01168, St. Petersburg State University).

Victor Kupriyanov – PhD in Philosophy, research fellow at the Saint Petersburg branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (RAS); associated research fellow at the Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS.

nonignarus-artis@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0757-3752>

Citation: Kupriyanov V.A. (2018) The Revolution and Intelligentsia in G.G. Shpet's "An Outline of the Development of Russian Philosophy". *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 1, pp. 139–151.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-139-151

Introduction

In a letter to F. A. Stepun, a famous Slavist and historian of Russian philosophy, D.I. Chizhevsky described the first part of G.G. Shpet's *An Outline of the Development of Russian Philosophy* as "a pamphlet against Soviet philosophy, dressed in the form of history of Russian thought" [Yantsen 2006, 364] (1). Such a negative assessment of Shpet's work was not formed by Chizhevsky immediately. In his review in 1924, speaking about the merits of Shpet's work, Chizhevsky writes that "it is not a mere *An Outline of the development of Russian philosophy* but a great, colorful and vivid journalistic work, written in accordance with the noble traditions of philosophical journalism" [Prokofiev 1924, 454] (2). Chizhevsky says that Shpet's *An Outline of the Development of Russian Philosophy* reflects "philosophy of the history of Russian philosophy" and even "philosophy of Russian destiny." One can agree that *An Outline* is a kind of *philosophy of the Russian culture* aimed at understanding the present within the framework of a living historical tradition. The Russian revolution and the new Soviet culture constituted the present for Shpet. The comprehension of the Russian revolution and its consequences becomes the most important element of the conceptual skeleton of Shpet's *An Outline of the Development of Russian Philosophy*. In the introduction to his work, Shpet explicitly states that "the revolution is the result, which can also be a criterion and an end in the light of which it is perfectly permissible to consider any, including ideological, material of our history. The context I spoke about lies within the framework of philosophy and culture, and methodologically this is not a narrowing of the horizon, but only its definition" [Shpet 2008, 43].

Shpet, as is known, considered himself to be a supporter of "pure philosophy." But the "purity" of philosophy did not presuppose for him the exception of the general background of philosophy and, the more so, the departure from reality. On the contrary, Shpet believed that reality in its concreteness and wholeness is the true subject of philosophy, which distinguishes it from private scientific knowledge. That is why you can compare philosophy only "with knowledge that is also aimed at cognition of the whole, complete, and concrete. Whatever theme philosophy researches, the theme, even if it is specific, becomes general and essential" [Shpet 1916, 429]. *An Outline of the Development of Russian*

Philosophy, which was originally expected to contain three parts, contains only one. It serves as an example of philosophical comprehension of concrete reality, first of all, the reality of a new Russian state that arose from the flame of the revolution.

**The philosophical context of the concept of revolution:
the main ideas of G.G. Shpet's**

An Outline of the Development of Russian Philosophy

An Outline of the Development of Russian Philosophy is an exclusively philosophical work, not a historical-philosophical one. All concrete assessments of individual philosophers and philosophical trends are introduced by Shpet into the conceptual framework of several ideas and initial assumptions, which he adhered to throughout his entire philosophical biography. A number of recognized Russian thinkers received rather critical and harsh assessment (that is why V.V. Zenkovsky noted the doctrinaire tone of Shpet's work [Zenkovsky 2001, 31]), yet this was not irrational voluntarism or a bad taste, but a consequence of the author's philosophical position, which makes him not an outside observer of the history of philosophy (a kind of indifferent chronicler of philosophy) but a subject of an *intellectual dialogue* with the thinkers he researches and philosophical traditions he explores. Therefore, these thinkers and traditions cease being alien and external. Shpet adopts them to enrich his own philosophy.

In *An Outline of the Development of Russian Philosophy*, Shpet clearly distinguishes between three groups of key ideas that determine the philosophical framework of the book. The first idea focuses on philosophy as *pure knowledge*, i.e. knowledge for the sake of knowledge, which has its own subject and method (the subject is the concrete and integral reality, the method is dialectical) that are not reducible to anything else and cannot be borrowed from other areas of cognitive activity. As Shpet writes, "philosophy always studies the beginnings, its subject is 'principles' and sources; philosophy is always and essentially the first philosophy" [Shpet 2014, 24–25]. Philosophy in the form of knowledge for the sake of knowledge, in the form of a simple joy of thought, is understood by Shpet as the highest achievement of culture. So, philosophy in the sense of Aristotle's first philosophy is the quintessence of Europe as a phenomenon of culture. In his article "Wisdom or Reason?" Shpet writes: "Pure Europeanism was awakened at the moment when the first ray of reflection illuminated man's own experiences. Europe is a mental strain, which is not work, but 'leisure,' delight and celebration of life; the most valuable thing for philosophy is the creativity of thought; and no power, whether sword or morality, could destroy European people's passion for thinking. Europe had as many fairy tales and myths, as much wisdom and as many revelations as the East, but Europe does not only feel them, but also re-thinks them" [Shpet 1994, 229]. In contrast to this mental strain, in culture there are also more primitive forms of reflection: wisdom, mysticism. Such forms are especially characteristic of the East. Wisdom is defined by Shpet as moralizing, the formulation of absolute rules of life, but for Shpet wisdom, like mysticism, is a pre-philosophical way of thinking.

Explicating his understanding of pre-philosophical forms of thinking, Shpet points out two major negative characteristics: *subjectivity* and *utilitarianism*. "In particular, with regard to philosophy, the perception of it as wisdom and morality is utilitarian (philosophy must teach to live wisely, both in the broadest and the narrowest sense of practical life). The understanding of philosophy as metaphysics and worldview evokes a more subtle and sublime view of its usefulness (philosophy is aimed at saving the soul, solving the mysteries of the meaning of life, justifying the world) but basically it also generates a utilitarian attitude toward it. It is necessary to go deeper into the idea of philosophy as pure knowledge, so that the perception of it and science as such ceased to be utilitarian and expressed itself in pure, 'disinterested' Eros. Wherever these three philosophies can be found, one can find three different ways of subjective experiences of philosophy" [Shpet 2008, 73–74]. Thus, philosophy in its development and self-realization undergoes three stages: philosophy as wisdom, philosophy as metaphysics, philosophy as pure knowledge. And only the latter is philosophy in the proper sense of the word; it reaches this degree of maturity in European culture exclusively. The appearance of philosophy in this sense is, as V.K. Kantor correctly writes, "*an indicator of maturity of national culture as such.*" That is, the emergence of philosophy, the very possibility of philosophy is a test of whether culture has turned from ethnographic material into an independent subject" [Kantor 2006, 272]. In understanding of philosophy as pure knowledge one can see the influence of Husserl's phenomenology on *An Outline of the Development of Russian Philosophy* [see also: Cassedy 1997].

For Shpet, understanding philosophy as wisdom or metaphysics is subjective and immature. It accounts for Shpet's belief that spiritual growth consists in gradually overcoming *ignorance* (*neveglasie*), which is characterized by dominance of the utilitarian attitude to knowledge and science and, consequently, forms a *pre-scientific* and *pre-philosophical*, i.e. *non-cultural* stage of the development of both individual consciousness and collective consciousness of people. Accordingly, Shpet also presents *An Outline* as gradual rejection of ignorance. Therefore, his approach is *progressive*. However, Shpet believes, as we will see later, that the history of progress, or movement toward pure philosophy is a *wasted* opportunity for Russia. This is the most important conclusion of Shpet's work.

The second main idea of *An Outline of the Development of Russian Philosophy* is the concept of *change concerning the types of intelligentsia*. While the definition of true philosophy as pure knowledge turns out to be a kind of constant of Shpet's philosophy expressed in many of his works, the idea of changing types of intelligentsia found its fullest and clearest embodiment in *An Outline*. T.G. Shchedrina convincingly demonstrates that sketches of this concept originated in Shpet's works long before his work on this book, as early as in 1912; Shpet reflects on the idea of changing types of intelligentsia in Russian history, for example, in a letter to N.K. Guchkova of August 22, 1912 [see: Shchedrina 2008]. Nevertheless, this idea is fully

revealed in *An Outline*, where it acquires additional semantic nuances and is built into the general vision of the development of Russian culture. Shpet himself calls this idea fundamental to his work (cf.: [Shpet 2008, 41]).

The philosopher considers intelligentsia to be an inseparable part of any people, the spokesman of its culture, and the attitude of intelligentsia to science and philosophy is a litmus test of culture and spiritual maturity of people. Shpet singles out three historical types of Russian intelligentsia: *ecclesiastical*, *ministerial*, and *oppositional*. This idea clearly contradicts the generally accepted belief that intelligentsia is exclusively oppositional (see the *Vekhi* (“Landmarks”) collected essays (1909)). In this sense, Shpet’s *An Outline of the Development of Russian Philosophy* can reasonably be considered a continuation of the discussion about the Russian intelligentsia and Russian nihilism, which originated in the late 19th – early 20th century and remained relevant in the first post-revolutionary years. We venture to assert that *An Outline* is the answer to the authors of *Vekhi* (“Landmarks”) and *Iz Glubiny* (“From the Depths”).

According to Shpet, *ecclesiastical* intelligentsia is the first type of the Russian intelligentsia, which encompasses Russian educators of the past up to the 17th – early 18th centuries, especially teachers of Kiev-Mohyla Academy, educators of the Slavic Greek Latin Academy, the Likhud brothers, Symeon of Polotsk, Fedor Polikarpov, Feofan Prokopovich, Stefan Yavorsky, etc. The *ministerial* intelligentsia replaces the *ecclesiastical* intelligentsia. Shpet writes, “Since Peter the Great’s time, the government itself becomes the Russian intelligentsia and retains this role for more than a hundred years. ‘The authority of hierarchs’ is to submit to ‘the authority of the tsars’ and to become its obedient organ. <...> The clergy has new educational problems to solve” [Shpet 2008, 54]. During this period, the intelligentsia is inseparably linked with the history of university and spiritual-academic philosophy in Russia. However, since the Russian intelligentsia speaks on behalf of the government, the government itself becomes an intellectual authority. The success and the failure of the ministerial intelligentsia are associated with the Minister of National Education Count S.S. Uvarov with his triple formula of “official nationality,” and with such professional philosophers as A.A. Fisher, I.G. Mikhnevich, O.M. Novitsky, S.S. Gogotsky and other professorial staff of theological academies and universities working during the “reign” of Count Uvarov.

The 19th century is characterized by a conflict between the ministerial and oppositional intelligentsias, which originated in the depths of free thought of the 18th century and fully revealed themselves in the 19th century in the form of the so-called revolutionary-democratic movement. The oppositional intelligentsia is represented by V.G. Belinsky, N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev, N.G. Chernyshevsky, G.V. Plekhanov, and others. The list includes only leaders whose ideas were adopted by large groups of Russian society. By the way, researchers of Shpet’s works pay almost no attention to the fact that within the third type of intelligentsia, the philosopher singles out *four subtypes*, dating back to the Russian culture of the 18th century.

Analyzing the works published by T.G. Shchedrina (some notes and a blueprint version of *An Outline of the Development of Russian Philosophy*), we can conclude that during writing the second and third parts Shpet intended to develop this division. The four subtypes of the oppositional intelligentsia are represented by four “free” thinkers of the 18th century (the forerunners of the oppositional intelligentsia of Russia of the 19th century): N.I. Novikov, M.M. Shcherbatov, A.N. Radishchev, and G.S. Skovoroda.

It is important to note that Shpet also sees a similar phenomenon (changing types of intelligentsia) in the history of Western culture [see also: Steiner 2003]. Western culture, according to Shpet, serves as a kind of background for Russian cultural history. Shpet believes that the origins of European philosophy lie in antiquity and Plato can symbolize philosophy. “Like everything else in the world, the concept of philosophy is developing and undivided, and Plato is its embodiment” [Shpet 1916, 428]. In history of Europe, philosophy undergoes a series of transformations in which the ancient heritage develops and transforms. The change of types of intelligentsia in Europe as a whole is associated with these transformations. Shpet distinguishes between four types of intelligentsia in history and, accordingly, four stages of the development of culture. First of all, we have *the clergy* associated with the Middle Ages. They “conservatively guided education of the Middle Ages” [Shpet 2008, 70]. Then there is the *aristocracy* that created the culture of the Renaissance and thereby awakened Europe to its second (original) birth. There are also *ideologists and carriers of the Enlightenment*, who replaced “the revival of ancient traditions in sciences and arts by false classicism, blasphemed over its spiritual work, and erected scaffold for the aristocracy before they were destroyed, crushed by a soldier’s boot.” [Shpet 2008, 70]. Shpet associates the Enlightenment with imitation, nihilism and negative philosophy, which are the origins that are opposite to the true culture revealed by the Renaissance. Finally, the fourth historical type of Western European intelligentsia is the *nationally conscious intelligentsia of the 19th century*, which led to the most complete and brilliant development of culture in the new European history. As a result, Shpet provides such a schematic model for the development of European culture: 1) the birth of a genuine culture in the period of antiquity, 2) the dominance of Orthodox religiosity and the suppression of culture in the Middle Ages, 3) the Renaissance as a second and true birth of cultural Europe, 4) the Enlightenment and decadence of culture, 5) the new Renaissance in philosophy and culture of the 19th century. It should be noted that Shpet’s high appreciation of the Renaissance and the negative interpretation of the European Middle Ages and the Enlightenment make his ideas closer to historical views of such Russian thinkers as A. Herzen, V. Solovyov, L. Karsavin, E. Trubetzkoy, and S. Trubetzkoy.

Viewed against this background, Russia demonstrates significant differences from Europe. Shpet states that in Muscovite and Petrine Russia, under the domination of the ecclesiastical and ministerial intelligentsias, there was no creative (artistic) intelligentsia. However, in Western Europe,

as Shpet maintains, creative intelligentsia was represented by the aristocracy of the Renaissance. Shpet regards the creative intelligentsia as the most adequate expression of the very essence of culture. Shpet sees the emergence of the creative intelligentsia in Russia only in the 19th century. First of all, this happens in literature and in works of its brightest representative A.S. Pushkin. It is with Russian literature and its “Pushkin’s origin” that the philosopher associates the possibility of developing a truly free cultural creativity. “Karamzin, Zhukovsky, Pushkin, Pyotr Vyazemsky, and all those of Pushkinian spirit enabled us to develop a positive, not nihilistic culture, ‘the literary aristocracy’ in Pushkin’s terms, enabled us to form a new intelligentsia” [Shpet 2008, 276]. The historical misfortune of Russia, according to Shpet, is that “the order of Pushkin was rejected.” “As a result, the gap between Pushkin and Uvarov,” continues the thinker, “was occupied by the chaos of Belinsky and by the entire rejected literary aristocracy” [Shpet 2008, 277]. The suppression of free creativity and the desire to guide thought, characteristic of the government, gave rise to the protest movement of the new intelligentsia. Here lies the weird rivalry of the two complementary parties (the state and the oppositional intelligentsia), whose confrontation has been haunting the political and intellectual history of Russia ever since.

Shpet does not express any sympathy for the oppositional intelligentsia. Its main characteristic is *nihilism*: Belinsky, Dobrolyubov, Pisarev, Chernyshevsky, and many other writers turn out to be surprisingly close in their attitude to culture to the official structures which they oppose. “The government,” argues the philosopher, “is essentially conservative; it represents people’s instinct of self-preservation and therefore cannot be creative. Nihilistic intelligentsia opposes the government. But nihilism comes from the word *nihil*. And now everywhere in history there is a struggle between culture (because culture is essentially free) and the state (because the state is essentially conservative and bounded). In Russia this struggle takes a paradoxical form of squabbling between the ignorant state (embodied by the government) and the free culture of ignorance (embodied by the oppositional intelligentsia). The cultural peculiarities of Russian history can be accounted for by the fact that aristocracy was replaced by bureaucracy and opposed by nihilism” [Shpet 2008, 70–71].

Russian culture and philosophy found themselves in a difficult situation, between the hammer of governmental repressions backed up by the incompetence and futility of official philosophy aimed at justifying an autocratic ideology of the Holy Alliance and the anvil of intellectual terror of the “enlightened intelligentsia”, who viewed Pushkin as useless and futile” (D.I. Pisarev). According to Shpet, this identity of spiritual attitudes observed between the government and the oppositional intelligentsia is fundamentally important. At this point, we come to a third idea of *An Outline of the Development of Russian Philosophy*, which is the most important in Shpet’s philosophy of Russian cultural history.

“The oppositional intelligentsia,” writes Shpet, “turns out to be no better than the ministerial intelligentsia” [Shpet 2008, 75]. The ecclesiastical,

ministerial and oppositional intelligentsias treat knowledge in a utilitarian way, which makes Shpet speak about '*neveglasie*' (ignorance) as a constant characteristic of Russian history. The main thing in the characterization of the oppositional intelligentsia, according to Shpet, is that "it does not differ from the first two types of the Russian intelligentsia. Its mission is enlightening but not ensuring creativity, it focuses on preventing dissidence, it aims at training rather than education, it suppresses nonconformity and treats science and philosophy as phenomena aimed at serving people" [Shpet 2008, 71].

Shpet had plenty of evidence of the similarity of the old and new intelligentsia. There are examples of educational policies of the early years of the Soviet regime, of the era of the "triumph" of the oppositional intelligentsia, with its goals achieved. First and foremost, philosophical faculties were transformed into social science faculties (humanitarian knowledge was banned from universities, let alone higher school reforms of the late 1930s [see: Pavlov, 2003]). For Shpet, there was an obvious analogy with the reactionary policy of Nicholas I. There was the same crude propaganda of utilitarianism of science, used as a principle educational policy of the young Soviet state. The Soviet regime adopted the attitude to culture characteristic of the oppositional intelligentsia, which, in its turn, had adopted the attitude to culture characteristic of the tsarist government and the ministerial intelligentsia; gaining power, new intelligentsia did not create a "new world" but recreated an *inverted Russian Empire*. Shpet writes: "People were proud of their semi-knowledge, camouflaging their ignorance. Nihilism was treated as a moral merit. 'Good' people wanted to command smart people. Russian people could no longer see the difference between Gogol and Belinsky, Tolstoy and Tkachev, Rozanov and Chernyshevsky, Pisarev and our times. Science was expected to serve people's needs" [Shpet 2008, 72]. Bolshevism valued the utilitarian nature of science, the new Soviet state sought to put science into the service of people. For Shpet, this means a distortion of the true meaning of science and culture as a whole. Shpet believes that the reasons for such an outrageous restoration of the past, which occurred immediately after the revolution, are in the development of the Russian intelligentsia of the 19th century and in its *revolutionary triumph*.

Wasted opportunity of the Russian revolution

In *An Outline of the Development of Russian Philosophy*, Shpet directly links the history of the Russian oppositional intelligentsia with the revolutionary events of 1917. Planning the third part of *An Outline* (chapter 19), Shpet places the concepts "intelligentsia" and "revolution" together: "*Bankruptcy* (that is, intelligentsia – revolution)" [Shpet 2009, 23]. However, even in the published part of *An Outline*, there are many indications of the connection between the oppositional intelligentsia and the Russian revolution of 1917. In the preface, Shpet argues that the revolution is a consequence of development of the Russian intelligentsia of the 19th century [Shpet 2008, 42]. He believes that the revolution triggers off the disintegration of the

intelligentsia: some people reject the revolution, believing it to be a mistake, others form the government. The ideological emptiness is the essence of the ideology of the oppositional intelligentsia. Shpet shows that both the philosophy of populism and the philosophy of the opposition are futile. He maintains that the ministerial intelligentsia is as nihilistic as the oppositional one. That is why Russian history of the 19th century is a senseless struggle for falsehoods which prove to be futile after the victory of the revolution. Russian history followed its own tracks, which only seemed different.

It seems that Shpet is optimistic about the birth of new healthy intelligentsia, which, according to him, can be found among Russian literary aristocracy of the 19th century, such as Pushkin, Zhukovsky, Vyazemsky, Dostoevsky and also the Slavophiles and the representatives of “pure” philosophy, starting with V. Solovyov. But it is important to understand that Shpet writes here about the *forthcoming philosophical-cultural revolution* and expresses a hope that this can really happen in his time, as a result of which Russia will experience a new Renaissance. However, the surrounding reality, which indirectly makes its way to the pages of *An Outline of the Development of Russian Philosophy*, convinces its author in the opposite. Here is a vivid statement, testifying to Shpet’s pessimism about what is happening with Russian culture: “I am writing these lines and the scythe of fate has already cut the young sprouts of culture. The soil is uncovered, and our ignorance has revealed itself as an endless hollow” [Shpet 2008, 77].

Thus, it can be argued that Shpet sees no cultural revolution in the events of 1917. Shpet believes that the way the Soviet state treated culture was no Renaissance, but a *restoration* of the former regime. In this sense, the chance to create a new creative intelligentsia the Slavophiles dreamed of, which originated in Russian religious philosophy of the beginning of the 19th century and which Shpet extols in the pages of *An Outline of the Development of Russian Philosophy* is *lost* (at least it was lost when his work was written). It is the wasted chance that becomes the main theme of *An Outline*. This work is not so much aimed at criticizing the revolution as it proposes to accomplish a *genuine* revolution that would give birth to the Russian Renaissance, or at least not hinder the movement of free philosophy that is inherent to Russian culture (see also: [Shchedrina, Pruzhinin 2017]).

Shpet considers that the tradition of Russian religious philosophy is the highest manifestation of Russian intellectual culture. *An Outline of the Development of Russian Philosophy* is based on the idea of gradual progress of Russian philosophy from ignorance and imitation to the formation of independent philosophical creativity and genuine creative intelligentsia, gradual progress that has to struggle against the pressure induced by the government and Russian “enlightenment” à la manière de Tchernychevski. Planning the second part of his work, Shpet devotes to Solovyov a section of his chapter entitled “On Our Own Feet.” This title shows that Shpet highly values Solovyov’s work. Shpet, as we know, distinguishes between

“positive” and “negative” philosophies. The latter, he believes, is associated with skepticism, positivism, materialism, and metaphysics. It goes without saying that his own project of philosophy is associated with the tradition of positive philosophy as he understands it. In his speech preceding the defense of his doctoral thesis *History as a Subject-Matter of Logic. Part I*, Shpet gives a brief explanation of this matter. In this context, we should remember that philosophical traditions of the oppositional intelligentsia serve, according to him, an example of negative philosophy, while philosophies of P. Yurkevich, V. Solovyov, S. Trubetzkoy, L. Lopatin, and other thinkers belong to the opposite tradition of genuine, positive philosophy. He sees a direct connection between himself and these thinkers [cf.: Shpet 1916, 438–439]. In his speech, Shpet considers himself to be a continuer of genuine philosophy, based on integral and genuine knowledge. The tradition of positive philosophy serves, according to Shpet, as a basis for a potential spiritual Renaissance in Russia.

However, the revolution promoted the “enlightenment” of Belinsky and Chernyshevsky, the restoration of tsarism, rather than Solovyov’s philosophy. In *An Outline of the Development of Russian Philosophy* we read: “Vladimir Ilyich corresponds to Nikolai Pavlovich” [Shpet 2009, 523]. Apparently, in this Shpet saw the tragedy of Russian history. The victorious philosophical tradition hindered cultural Renaissance promoting but a primitive Enlightenment. Shpet associates Chernyshevsky, one of the leaders of the oppositional intelligentsia, with philosophers of the Enlightenment. In his brilliant but unfinished research *Sources of Chernyshevsky’s Doctoral Thesis*, the text of which was to form the basis for the section on Chernyshevsky in the second part of *An Outline of the Development of Russian Philosophy*, Shpet shows this “master of minds” of the intelligentsia of the 1860s–1870s as a superficial journalist, devoid of understanding of true tasks of science and using references to it only to give his judgments some credibility. Shpet concludes that “it will be possible to assert the exact opposite of what Chernyshevsky himself says about his research career: his very essence contradicts and resists it, and if something is done by him, it is due to purely external and formal circumstances. <...> He believes that to lose a university *post* (but not university science) is not a great tragedy. This cherished dream, the purpose and meaning of his life is not research in any field of knowledge, not the discovery of the so-called scientific truths, but the transformation of all human life, the beneficence of mankind, where science is only a means, a modest means” [Shpet 2009b, 406]. This is the same utilitarian worldview, which “contaminates” the ministerial intelligentsia. We see here a change in the external form, but no change of the essence: Chernyshevsky’s views are in tune with the views on science of, for example, Peter I or Count S.S. Uvarov.

The same goes for Chernyshevsky’s philosophical “preferences”: the same utilitarianism and dependence. Shpet convincingly debunks the myth of the Feuerbachian nature of Chernyshevsky’s early works and the academic community’s indifference to his works, refuting the assertion of Chernyshevsky’s radicalism during that period of his life.

Who was the real Chernyshevsky according to Shpet? Who were his readers? "In Russian literature," writes Shpet, "Chernyshevsky is often described as an 'enlightener'" [Shpet 2009b, 408]. Chernyshevsky, according to Shpet, is a *Russian Voltaire*. His superficial enlightenment, with its noble morality and aggression, rests on an illusion of absolute reasonable rightness and a desire to annihilate everything that contradicts this "reasonableness." So, for Shpet, Chernyshevsky is not so much a revolutionary democrat as a type of *un publiciste bourgeois*. The triumph of this type of intelligentsia explains the failure of the revolution as a cultural transformation. As a result, the revolution brought about only external changes, but did not ensure any cultural renovation.

Conclusion

An Outline of the Development of Russian Philosophy can be understood as a direct response to the events of 1917. There is every reason to consider Shpet's work to be an attempt to digest the failure of the Revolution. Shpet advocates the formation of creative intelligentsia in Russia, which would create a genuine philosophy on the basis of the world culture (European culture, primarily) perceived through the prism of philosophy of reality. Shpet highly appreciates Solovyov's philosophy and Russian religious philosophy in general. Nevertheless, strange though it may seem, the new state, created by the Russian oppositional intelligentsia of the 19th century, was a tragic copy of tsarist regime and readily sacrificed spiritual to mundane. The Russian intelligentsia was dismally reduced to imitating the European Enlightenment, which, probably, accounts for the fact that the Soviet State followed the tracks of its predecessor, attempting, on the one hand, to rigidly control science and philosophy and, on the other hand, adopting fashionable American and European ideas. Russian history of the 20th century shows that Shpet's reflections on the Russian intelligentsia have not been accepted and understood by the new officials. It accounts for the collapse of the Soviet system, which was in many ways provoked by the same reasons as the collapse of the tsarist regime at the beginning of the 19th century.

NOTES

(1) The publication of V. Yantsen is the most important analytical material, which describes the thoughtful polemic between D.I. Chizhevsky and G.G. Shpet on the understanding of the history of Russian philosophy.

(2) In the same work, V. Yantsen also publishes the second, previously unpublished, book review by Chizhevsky, which, however, repeats and develops the assessment given in the cited work.

(3) Modern studies in the field of the history of science also prove the fact that the Soviet state imitated the approach characteristic of the tsarist regime in its university politics. See: [Ivanov 2012].

(4) An identical understanding of the 1917 events is also held by modern historian A.Yu. Dvornichenko, who is generally inclined to call these events the new Time of Troubles. See: [Dvornichenko 2018].

REFERENCES

Cassedy S. (1997) Gustav Shpet and Phenomenology in an Orthodox Key. *Studies in East European Thought*. Vol. 49, no 2, pp. 81–108.

Dvornichenko A.Y. (2018) *Farewell to the Revolution*. Moscow: Ves' Mir (in Russian).

Ivanov K.V. (2012) New Educational Politics in 1917–1922: The Reformation of the Higher Education. In: Ivanov K.V. *The Schedule of Changes: The Outlines of the History of Educational and Scientific Politics in the Russian Empire – USSR (the End of the 1880s – Beginning of the 1930s)* (pp. 359–379). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Kantor V.K. (2006) Gustav Shpet as a Historian of Russian Philosophy. In: Shchedrina T.G. (Ed). *Gustav Shpet and Modern Philosophy of Humanitarian Knowledge* (pp. 269–301). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (in Russian).

Pavlov A.T. (2003) Philosophy in Moscow University in Post-Revolutionary Years. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2003. No. 9, pp. 100–117 (in Russian).

Prokofiev P. (1924) Gustav Shpet. *An Outline of the Development of Russian philosophy. Part I*. Petersburg, 1922. P. XVI–350. (Book Review). *Sovremennye zapiski*. 1924. No. 18, pp. 454–457 (in Russian).

Shpet G.G. (1916) Philosophy and History. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1916. No. 134, pp. 427–439 (in Russian).

Shpet G.G. (1994) Wisdom or Reason? In: Shpet G.G. *Philosophical essays* (pp. 222–236). Moscow: Progress (in Russian).

Shpet G.G. (2008) *An Outline of the development of Russian philosophy. Part I*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Shpet G.G. (2009a) *An Outline of the development of Russian philosophy. Part 2. Materials*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Shpet G.G. (2009b) The Sources of the Chernyshevsky's Dissertation. In: Shpet G.G. *An Outline of the Development of Russian philosophy. Part 2. Materials* (pp. 362–416). Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Shpet G.G. (2014) *History as Problem of Logic. Critical and Methodological Studies. Part I. Materials*. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Shchedrina T.G. (2008) Between Project and Realization. *An Outline of the Development of Russian Philosophy by Gustav Shpet*. *Vestnik RGNF*. 2008. No. 3, pp. 97–104 (in Russian).

Shchedrina T.G., Pruzhinin B.I. (2017). A Philosopher in Revolution: The “Consolation” by Philosophy. *Voprosy filosofii*. 2017. No 11, pp. 120–127 (in Russian).

Steiner P. (2003) *Tropos Logikos*: Gustav Shpet's Philosophy of History. *Slavic Review*. Vol. 62, no 2, pp. 343–358.

Yantsen V. (2006) D.I. Chizhevskiy, E.D. Shor, and G.G. Shpet. In: Shchedrina T.G. (Ed). *Gustav Shpet and Modern Philosophy of Humanitarian Knowledge* (pp. 357–382). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur (in Russian).

Zenkovsky V.V. (2001) *History of Russian Philosophy*. Moscow: Raritet (in Russian).

Memoria

Памяти академика Вячеслава Семеновича Степина

**Вячеслав Семенович Степин –
дорогой, неизменный, истинный и знаменитейший друг**

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-152-154
Personalia

В современном философском мировом сообществе едва ли найдешь человека, который не знал бы ничего об имени и замечательных трудах российского академика Вячеслава Семеновича Степина. Автор этих строк познакомился и подружился с ним в начале 50-х гг. XX века, когда мы оба начали учиться на отделении философии Белорусского государственного университета (я – на год раньше). У нас с ним был один общий учитель – умудренный богатым жизненным опытом, участник Великой Отечественной войны, прошедший боевой путь от Сталинграда до Берлина, – Василий Иванович Степанов. В те годы в Советском Союзе шла оживленная, подчас излишне острая дискуссия о статусе и предназначении философии в жизни человека и общества. По настоятельному совету нашего любимого учителя мы с Вячеславом активно включились в эту дискуссию, получили с первых лет университетской учебы хорошую «философскую обкатку», и это сильно помогло впоследствии при написании курсовых, дипломных и диссертационных работ, а также при подготовке докладов на конференциях и в различных дискуссиях.

Навсегда запечатлелась в моей памяти наша последняя встреча с Вячеславом Семеновичем, произошедшая в 2018 г. в Минске. Тогда он выступал с глубоким по содержанию, ярким по форме и эмоционально насыщенным докладом на родном ему факультете философии и социальных наук Белгосунiversитета. В своей глубинной сущности это был скорее не доклад, а исповедь незаурядного и знаменитого своими философскими трудами и плодотворной преподавательской деятельностью человека. Битком набитый слушателями – преподавателями и студентами (не только философами) зал с глубочайшим вниманием и заинтересованностью вслушивался в каждое слово оратора. Все присутствовавшие воочию наблюдали самозабвенное погружение аудитории в глубину мысли академика: приводимые им блистательные по содержанию и форме сравнения и оценки, заставлявшие серьезно задуматься, прогнозы дальнейшего развития философской науки и смежных с нею научных дисциплин никого не могли оставить безучастным.

Никто не думал, что это — последняя встреча с Вячеславом Семеновичем. А он, как мне представляется, фактически прощался с нами — его друзьями, сослуживцами, студентами любимого университета. Его долго не отпускали с трибуны восторженными и длительными рукоплесканиями. В конце этого удивительно интеллигентного собрания единомышленников философ одаривал многих коллег последней своей книгой, опубликованной в 2018 г. Большой зал сотрясался грохотом аплодисментов, от которых даже светящиеся люстры вздрагивали и покачивались, а он стоял перед нами, смущенно улыбаясь и прижимая руку к сердцу.

В дарственной надписи в книге, которую этот уникальный и многогранный человек подарил в тот день мне, есть такие захватывающие душу слова: «Дорогому другу Жене (Евгению Михайловичу!) в память о нашей молодости и наших последующих философских встречах и дискуссиях». Когда я прочел эти слова, меня тревожно кольнуло в сердце. Ведь своим непостижимым, неведомым большинству людей, свойственным только высокоодаренному человеку предвосхищением Вячеслав Семенович предчувствовал, что он последний раз встречается с нами, его друзьями, коллегами, студентами, родным и любимым БГУ.

Я убежден, что наша с Вячеславом Семеновичем дружба вполне соответствует той оценке, которую дал этому чудесному чувству и величайшей духовной ценности великий русский писатель и философ Александр Иванович Герцен: «Дружба должна быть прочною штукаю, способною пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают свое жизненное путешествие дельные и порядочные люди».

Вячеслав Семенович — несомненно, высокоодаренный человек, обладавший яркой россыпью талантов, высоких творческих способностей и уникальных качеств.

Еще с первых курсов обучения в университете он проявил удивительное стремление в процессе овладения философскими премудростями проникать глубоко в самую сущность изучаемых доктрин, концепций, взглядов и впоследствии, обладая прекрасной памятью, мастерски использовал этот великолепный ресурс в своей исследовательской, преподавательской деятельности, да и в повседневном общении с друзьями, коллегами, знакомыми.

В те же студенческие годы он прочно зарекомендовал себя как человек равнодушный ко всему, что его окружало и чем он занимался: будь то чтение лекций, студенческий семинар, баскетбольная команда факультета, в которой он был капитаном, или сборная команда Белгосуниверситета по волейболу. Он всегда умел находить, поддерживать, вдохновлять и возвышать единомышленников и в студенческих компаниях, и в преподавательской среде, и в научной элите, прекрасно

памятуя истину, сформулированную еще во времена античности Демокритом: «Единогласие создает дружбу».

В.С. Степин был замечательным, даже, можно сказать, потрясающим лектором. Причем в разных по составу аудиториях он говорил со слушателями с разной интонацией: лекции студентам читал преимущественно с обучающей акцентировкой, с аспирантской аудиторией общался главным образом фокусируя внимание на осмыслении и формировании стремления применить услышанное к использованию в диссертационной работе, на научных конгрессах и конференциях выступал с аргументированно убеждающих позиций. В любой аудитории, в любой компании он, как никто другой, умел молниеносно, в изящной и филигранной логической форме донести до слушателей именно ту часть глубоких и обширных знаний, которыми он каждодневно обогащал свою память, и именно в той тональности, которой от него ожидали. Это всегда вызывало живейший и благодарный отклик аудитории.

Всегда и во всем, что бы он ни делал, где бы он ни находился – в Москве или в Санкт-Петербурге, в Украине или в Беларуси, в западноевропейских странах или в США, Вячеслав Семенович был настоящим гражданином, глубоко преданным своей стране, своему народу. Таким он и останется навсегда в памяти тех, кто с ним дружил, сотрудничал, дискутировал, встречался или слышал и видел на трибуне этого замечательного человека.

Е.М. БАБОСОВ

*Почетный директор Института социологии
Национальной академии наук Беларуси, академик
Национальной академии наук Беларуси,
доктор философских наук, профессор*

Он не мог жить вопреки...

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-155-157

Personalia

Время идет, а боль утраты не утихает... Вспоминаются последние два десятилетия, которые стали для меня подарком судьбы, возможностью общения и дружбы с выдающимся философом современности. Вячеслав Семенович был всегда внутренне собран, казалось, что он знает ответы на любые, даже самые немыслимые вопросы. Просто мы не всегда могли их сформулировать адекватно его уровню. Стоило ему только чуть-чуть призадуматься и вдруг, буквально на глазах, рождались предложения глубоко продуманные и четко технологически отстроенные. Уникальная самодисциплина и ответственность, приносящая Вячеславу Семеновичу, направляли его талант на служение Его Величеству Науке, которой он посвятил всю свою жизнь без остатка, буквально до последнего вздоха...

Он был очень щедр на идеи, был рад поделиться с коллегами своими открытиями. Степин имел свой совершенно неповторимый стиль изложения материала: строгий, логически выверенный, подчеркнуто простой, но и необыкновенно глубокий. Это у него от естествознания, физики, где важная доказательная база – математическая логика, без всяких дополнительных прикрас и литературных изощрений. Он любил вспоминать, когда ему после аспирантуры пришлось преподавать в Политехническом институте. Там, помимо диалектического материализма, для учебной нагрузки пришлось читать математическую логику на факультете радиофизики, а затем прибавили еще эстетику. Но надо было знать Степина. Молодой преподаватель нисколько не растерялся и по-серьезному увлекся преподаванием новых для себя дисциплин. Он с энтузиазмом углубился в теорию искусства, освоил теорию архитектурной композиции. Конечно, много дала стажировка в ЛВХПУ имени Мухомовой. Оттуда он вынес, как организуется архитектурное пространство, постиг исторические закономерности развития искусства, язык видов искусства, в том числе язык кино – как строится кадр, что такое внутрикадровый монтаж, каковы выразительные возможности крупного плана. Неудивительно, когда в дискуссии о А.С. Пушкине в клубе «Свободное слово» Вячеслав Семенович профессионально повел разговор о кинематографичности текстов поэта, а затем всем на удивление по памяти продемонстрировал свои умения на примере отрывка из поэмы «Медный всадник». Многие его слушатели из архитектурного факультета, ставшие сегодня известными, всегда добрым словом вспоминают лекции Вячеслава Семеновича. А сколько интересного творческого приращения дала его дружба

с выдающимся белорусским композитором Е.А. Глебовым! И таких встреч не счесть...

Вячеслав Семенович очень много работал... можно сказать, что работа и была его жизнью. Приезжая летом перевести дух в родную Беларусь, он не мог оторваться от бесконечных обещаний: что-то написать, отозваться, ответить, дать интервью... Он никогда не жил вполсилы... Статья – значит новые идеи, приращение новых знаний, иной ракурс, поворот мысли, обновление доказательной базы. Почитайте ставшие уже знаменитыми его четыре беседы с И.Т. Касавиным. Там разговор не о себе любимом, а больше – осмысление судьбы новых идей: от их зарождения, осмысления, прорастания до четко сформированной формулы. Это разговор, порождающий мысль и увлекающий мыслью, как бы живой пример рождения научного открытия. Если что-то ему не нравилось (здесь надо честно сказать, что нравилось ему мало что из связанного с его работой), он садился и перерабатывал текст до тех пор, пока не доводил его до полного совершенства. Такой уж был характер...

Многие из полученных В.С. Степиным научных результатов коллеги оценивают как крупные открытия, формирующие новые подходы и направления в современной философии. Чего стоит только оценка достижений В.С. Степина лауреатом Нобелевской премии И. Пригожиным, известным философом и математиком Хансом Ленком. Только степинские одаренность и трудолюбие, глубокие познания в области философии, физики, культуры, искусства позволили ему провести детальный анализ структуры научного знания, структуры и функций оснований науки, разработать концепцию философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, выявить и ввести в широкий научный оборот исторические типы научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука). А еще разработать концепцию типов цивилизационного развития, синтезирующую позитивное содержание формационного и цивилизационного подходов к анализу общества, провести анализ с этих позиций базисных ценностей современной техногенной цивилизации и возможных сценариев ее развития. И эти достижения Вячеслава Семеновича остаются с нами навсегда, подчеркивая величие автора.

Мало в ком, как в В.С. Степине, так гармонично сочетались глубина ученого-исследователя, страстность трибуна-лектора и величие управленца. Он очень достойно нес по жизни свои честно заработанные регалии, высокие академические звания, премии и другие награды. Ему никогда не были присущи зависть, зазнайство, чинопочитание, стремление кого-то унижить или продемонстрировать свое превосходство... Его честное имя не запятнали ни исключение из партии, ни предательство некоторых «друзей», ни те вынужденные компромиссы, на которые приходилось ему идти ради спасения коллектива Инсти-

тута философии, руководить которым ему была оказана высокая честь в самые трудные годы распада Советского Союза. При всем этом он оставался активно работающим ученым...

Преподавал Вячеслав Семенович всю свою жизнь, и лучшего лектора было трудно себе представить. Студенты его просто обожали. Переспорить его было невозможно, и повторить тоже. Когда после лекции или доклада на конференции его окружали наиболее любопытные, он никогда не уходил от самых острых вопросов, никогда не ссылаясь на занятость или еще что-то, чтобы отвязаться от назойливых слушателей. Пока не достигал полной ясности и исчерпывающе не отвечал на вопросы, он со сцены не уходил. За свою долгую научную и педагогическую жизнь он никогда и никому не дал повода усомниться в фундаментальности своих знаний и высокой научной квалификации. А знаниями он действительно обладал энциклопедическими, продолжая каждодневно неустанно учиться, осваивать все новые и новые пласты научного познания. Многое давало чтение, общение с коллегами, работа заместителем академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, руководителем Российского философского общества... и просто неугасающий интерес к новому, желание испытать себя, проверить свои идеи в других сферах науки. В частности, в последние годы он много работал с известными российскими медиками. Гордился, что его теории подтверждались в медицине, и даже успел написать с ними несколько интересных книг.

Ему многое было дано... Совершить открытия, которые навсегда вписали его имя в науку, увлекаться и быть кумиром молодежи, иметь настоящих друзей по жизни и быть верным в любви. Он был настоящим русским интеллигентом: чтит подвиг отцов, свободомыслие, всегда искал первопричину, нес свой груз ответственности, не перекладывая его на плечи подчиненных, мог прощать, но только не предательство. Любил жизнь и знал ей цену.

Наша последняя встреча с Вячеславом Семеновичем состоялась на следующий день после дня его рождения – 20 августа 2018 г. в Минске, и, расставаясь после многочасового общения, мне и в голову не могло прийти, что прощаемся мы навсегда. Много говорили о науке, строили планы... которым, увы, уже не суждено сбыться. Во исполнение последней воли Вячеслава Семеновича его прах был захоронен на Северном кладбище в Минске.

*А.Н. ДАНИЛОВ
заведующий кафедрой социологии факультета философии
и социальных наук Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
доктор социологических наук, профессор*

Степинская Минская методологическая школа

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-158-159

Personalia

Вспоминая Вячеслава Семеновича Степина, нельзя не поражаться уникальной многогранности его личности, редкому сочетанию в ней талантов исследователя, выдающегося философа, мыслителя, эффективного организатора науки, блестящего лектора и публициста. О каждой из этих граней его жизни и судьбы можно говорить и вспоминать, отдавая дань уникальности его дара человека и ученого.

Но мне хотелось бы коснуться лишь одной из сторон его таланта, которая ярко и убедительно проявилась в процессе создания им сегодня уже широко известной Минской методологической школы. Этот этап его жизни и деятельности пришелся на 70–80 гг. XX века, когда В.С. Степин перешел в Белорусский государственный университет, где он работал сначала доцентом, затем профессором и в 1981 г. был избран заведующим кафедрой философии гуманитарных факультетов университета. Именно в этот период Минская методологическая школа убедительно заявляет о себе как о творческом коллективе, продуктивно действующем сообществе преподавателей, аспирантов, молодых ученых, которое начинает активно разрабатывать актуальные проблемы философии и методологии науки. Эти годы были отмечены впечатляющими результатами, которые позволили придать кафедре статус научно-исследовательского коллектива, получившего известность и признание далеко за пределами Беларуси.

Как вспоминал сам Вячеслав Семенович в своем обширном интервью, предварявшем книгу «Человек. Наука. Цивилизация», вышедшую в 2004 г. и посвященную его 70-летию Юбилею, в этот период увидела свет целая серия знаковых публикаций по актуальным проблемам философии и методологии науки, объединенных в рамках известной трилогии «Философия и наука в системе культуры».

В 1982 г. впервые в Беларуси на базе кафедры проходит круглый стол журнала «Вопросы философии» с последующей публикацией его материалов на страницах этого одного из самых престижных философских журналов того времени. За пять лет, с 1981 по 1986 гг., на кафедре были защищены пять докторских диссертаций и более тридцати кандидатских.

Конечно, эти впечатляющие результаты стали возможны во многом потому, что на кафедре сложился особый коллектив – подлинная научная школа.

В науковедческой литературе существует немало определений и содержательных описаний феномена научной школы. Как и любые

дефиниции, они претендуют на статус нормативных формулировок, отражающих сущностные стороны описываемого явления. Но это вовсе не исключает того обстоятельства, что каждая конкретно реализовавшая себя в практике коллективной деятельности научная школа являет собой уникальное сообщество, возникающее не только благодаря единству задач и предметной области научных изысканий, но и вследствие наличия особой неповторимой атмосферы, в создании и сохранении которой роль лидера научной школы является, безусловно, определяющей.

Само понятие атмосферы не относится к числу строгих научных или методологических категорий. Кажется, что в его метафорических контекстах исчезает прозрачная определенность целей и задач научного сообщества. Однако парадокс в том, что без дружеской, доверительной, творческой атмосферы даже самые способные ученые и исследователи не смогут объединиться в рамках собственно научной школы. И Вячеслав Семенович в полной мере обладал этим редким талантом создавать и поддерживать такую атмосферу. Он не просто декларировал необходимость ее создания, а своим личным примером, постоянной готовностью нести самое тяжелое бремя ответственности, быть всегда и во всем на острие событий, генерировать и задавать образцы творчества и человеческого общения – реально воплощал атмосферу доверительности и научного поиска. В том же интервью он отмечал: «В общем, все трудились, была атмосфера и дружеских общений, и вместе с тем, жесткая, требовательная, когда это касалось дела»¹.

Конечно, минский период в творческой жизни Вячеслава Семеновича Степина был лишь началом, своеобразным прологом к будущему его восхождению к вершинам всероссийской и мировой известности на ниве философии и методологии науки. Но для многих его учеников и коллег этот период останется подлинным образцом жизни и творчества в атмосфере настоящей научной школы, важнейшими ценностями которой были и остаются верность профессиональному долгу, трезвая рациональность мысли, методологическая аналитика, ясность и обоснованность выдвигаемых гипотез и концепций.

А.И. ЗЕЛЕНКОВ

*заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета,
доктор философских наук, профессор*

¹ См.: Человек. Наука. Цивилизация: К семидесятилетию академика В.С. Степина. – М.: Канон+, 2007. С. 71.

CONTENTS

THE FUTURE OF RUSSIA.
A STRATEGY OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Globalization and National Consciousness ■

<i>K.H.E. MARINOSYAN</i>	The Formation of National Identity as an Answer of the Russian State to the Challenges of Our Time. Part I	7
<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	Ontological Constants of Russia as a Civilization-State in the Context of World History	29

Globalization and the Centers
of Global Influence ■

<i>V.I. SPIRIDONOVA</i>	American Hegemony as a New “Center of Power”	48
-------------------------	--	----

COGNITIVE SPACE

Philosophical Thought:
Reception and Interpretation ■

<i>B.I. LIPSKY (Saint Petersburg)</i>	The Act of Volition as an Ultimate Principle of Classical Rationality	67
---------------------------------------	---	----

Prospects of Neuroscience.
The Psychological and Scientific Foundations ■

<i>M.A. SUSHCHIN</i>	Psychology and Neuroscience: Problems of Integration	89
----------------------	--	----

THE HISTORY OF PHILOSOPHY. A MODERN VIEW

Foreign Philosophy. Historical Excursion ■

<i>V.V. SELIVERSTOV</i>	The Concept of Sachverhalt: The State of Affairs in the Austrian Philosophy of the 19th Century	106
-------------------------	---	-----

“Revolution” and “Society”
in Russian Philosophy ■

<i>A.N. MURAVEV (Saint Petersburg)</i>	Revolution is a Force of Guardian: Mikhail Lifshitz and Andrey Platonov	121
<i>V.A. KUPRIYANOV (Saint Petersburg)</i>	The Russian Revolution and the Russian Intelligentsia in G.G. Shpet's <i>An Outline of the Development of Russian Philosophy</i>	139

Memoria

In Memoriam of Academician Vyscheslav Semenovich Stepin

<i>E.V. BABOSOV (Belarus)</i>	Vyscheslav Semenovich Stepin: Dear, Faithful, True and Famous Friend	152
<i>A.N. DANILOV (Belarus)</i>	He Could Not Live Half-Heartedly...	155
<i>A.I. ZELENKOV (Belarus)</i>	Stepin's Minsk Methodological School	158

Contents	160
-----------------	-----